

ЗАДВОРОР ГУБЕРНАТОРА

АНТОЛОГИЯ
МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

АНТОЛОГИЯ
МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Б.о.

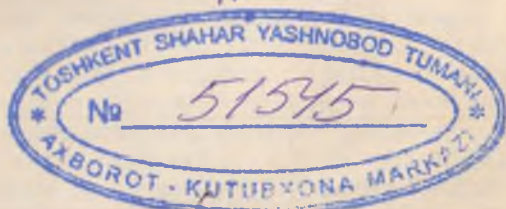
ЗАГОВОР ГУБЕРНАТОРА

Сборник зарубежной фантастики

Перевод с английского

ПР-23

МОСКВА
ПРОФИЗДАТ·1991

ББК 84.4Вл
З-14

Составитель М. В. Жирнова

Заговор губернатора: Сб. зарубежной фантасти-
З-14 ки: Пер. с англ./Сост. М. В. Жирнова — М.:
Профиздат, 1991. — 256 с.

6 р.

В этом сборнике читателя ждет встреча со «звездами» мировой фантастики — Клиффордом Саймаком, Артуром Кларком, Фредериком Полом. Безусловно, разные, как и полагается писателям такого масштаба, они проявляют удивительное единство в своем отношении к человеку и к миру, в котором мы живем. Охарактеризовать его можно всего двумя словами: любовь и надежда. Книга рассчитана на массового читателя.

3 4703010100 Без объявл.
081(02)—91

ББК 84.4Вл

ISBN 5-255-00547-9

© Профиздат. 1991

Клиффорд Саймак

ПРИНЦИП ОБОРОТНЯ

Существо остановилось, прикикло к земле, глядя на крошечные точки света, мерцавшие впереди во мраке, и заскулило в страхе и тревоге.

Этот мир был чересчур жарким и влажным, а тьма — слишком густой. И было тут слишком много буйной растительности. Атмосфера неистовствовала, и растения стонали в агонии. В отдалении виднелись размытые сверкающие вспышки, которые почти не рассеивали ночную мглу, слышались чьи-то протяжные стенания. И здесь была жизнь — гораздо больше жизни, чем стоило иметь какой бы то ни было планете, — но жизнь низшая, частично состоявшая из биологической каши, маленьких сгустков, способных лишь вяло отзываться на раздражители.

Каким образом в одном месте могло оказаться столько воды? Даже воздух полон несущихся капель. И так много растительности, и такой неистовый ералаш стихий! Как вообще на планете — на любой планете — может царить такой кавардак, такое цветистое изобилие?

Что это за ткань, которая обхватывает горло и лежит на спине, волочится по земле, развеиваясь на ветру? Какая-то защитная оболочка? Хотя и не очень-то похоже: прежде существо никогда не нуждалось ни в каком прикрытии. Ему была необходима только его собственная шубка из серебристого меха.

«Прежде? — спросило себя существо. — Когда это «прежде»? Прежде, чем что?» Оно напрягло память, и возникло смутное видение какой-то хрустальной земли, где воздух был холоден и сух, со снежной и песчаной пылью, а ночь, озаренная мягким золотистым све-

том лун, была такой же яркой, как день. А еще возникло навязчивое, туманное, полусознанное воспоминание о том, что оно отправилось в глубины космоса вырывать у звезд их тайны.

Существо выдвинуло пару рук, собрало с земли ткань и, скомкав, зажало ее в ладонях. Вода сочилась из материи, маленькие капельки с плеском падали в стоявшие на земле лужицы.

Что это за точки света впереди? Это не звезды: слишком близко к земле, да и вообще тут нет звезд, что само по себе невероятно, ибо звезды были всегда.

Существо с опаской потянулось мыслью к этому ровному свету. Там было еще что-то, кроме света, — на заднем плане ощущалось присутствие какого-то минерала. Существо осторожно ощупало этот фон и осознало, что там, в темноте, стоит минеральная глыба слишком уж правильной формы для скалы естественного происхождения.

Вдали не смолкал безумный грохот; тревожные вспышки далеких огней уносились в небесную бездну. «Идти дальше? — гадало существо, — обогнуть огоньки по широкой дуге или двинуться прямо на них, чтобы узнать, что они такое? Или, быть может, вернуться и постараться опять отыскать ту пустоту, из которой оно бежало? Хотя теперь уже неизвестно, где она». Когда существо вырвалось на свободу, ее там не было. А с момента своего освобождения оно ушло далеко.

И где те двое, которые тоже были там, в небытии? Они тоже освободились? Или остались, почувствовав, быть может, сводящую с ума отчужденность, что царит вокруг того места? А если они не бежали, то где могут быть теперь?

Только где и кто они? Почему они не отвечали? Или они не слышали вопроса? Возможно, в том не имеющем названия месте не было подходящих условий, чтобы задавать вопросы? Странно, подумало существо, делить жилье с двумя другими созданиями, испытывать то же ощущение неосознанного бытия и не иметь возможности вступить с ними в связь.

Ночь была душная, но существо пробирала дрожь. Нельзя оставаться здесь, сказала оно себе. Не скитаться же до бесконечности. Надо найти какое-то убежище. Хотя существо пока не понимало, где следует искать убежища в таком безумном мире, как этот.

Оно медленно двинулось вперед, не веря в себя, не зная толком, куда идти и что делать.

«Огни? — думало оно. — Узнать, что это за огни, или?..»

Небо взорвалось. Мир треснул, переполнившись сверкающей голубизной. Слепленное и контуженное существо в ужасе отпрыгнуло, и тишину прорезал пронзительный крик. Но вот крик оборвался, свет исчез, и существо снова очутилось в небытии.

Дождь хлестал Эндрю Блейка по лицу, земля сотрясалась от оглушительных раскатов грома. Огромные клочья растерзанной атмосферы сходились, казалось, над самой головой. Резко пахло озоном, и Блейк чувствовал, как холодная грязь забивается между пальцами ног.

Как же он попал сюда? В грозу, с непокрытой головой, в насквозь промокшей одежде, без сандалий?

Ветер завывал в рощице; от подножия холма, на котором стоял Блейк, доносился плеск бегущей воды, и напротив, за потоком, светились окна. Может быть, это его дом, как в тумане, подумал он. Хотя там, где стоял его дом, не было ни склона, ни потока. Блейк поднял руку и озадаченно поскреб в затылке. На миг затихший дождь начал с новой силой стегать его, и Блейк повернул к дому. Нет, это, конечно, не его жилище. Но там навверянка есть кто-то, кто скажет ему, где он, и...

Скажет, где он! Но это же безумие! Какую-то секунду назад Блейк стоял в своем внутреннем дворике и глядел на грозовые тучи, и никакого дождя не было...

Должно быть, он спит. Или галлюцинирует. Но яростный ливень не похож на дождь из сна, воздух все еще пахнет озоном, а где это слыхано, чтобы запах озона ощущался во сне?

Подходя к дому, Блейк вдруг споткнулся правой ногой обо что-то твердое; боль пронзила стопу, и Блейк запрыгал на одной ноге. Боль стекла в большой палец и запульсировала в нем. Нога, на которой стоял Блейк, поскользнулась, и он с размаху плюхнулся в грязь, разбрызгав ее во все стороны. Почва была холодная и мокрая. Блейк так и остался сидеть. Согнув ногу с разбитым пальцем, осторожно ощупал его.

Он понял, что это не сон. Во сне человек не может почувствовать боль. Что-то случилось. Какая-то сила в мгновение ока перенесла его, бесчувственного, на много миль от его дома. Перенесла и швырнула в пелену дождя и грома, в непроглядную ночь.

Горизонт озарился молнией, и на какое-то мгновение Эндрю Блейк увидел очертания дома на фоне этого сияния — большое здание с тяжелыми дымоходами и окнами, утопленными в камень, будто глубоко посаженные глаза.

Каменный дом, удивился он. Пережиток прошлого. Каменный дом, в котором кто-то живет.

Блейк наткнулся на ограду, но не ушибся, потому что двигался медленно. Идя ощупью вдоль забора, он добрался до калитки. За ней виднелись три маленьких светлых прямоугольника. Блейк решил, что это дверь. И пошел к ней по плоским каменным плитам. Возле двери замедлил шаг и стал осторожно нащупывать дорогу. Здесь могли оказаться ступеньки, а с него хватит и одной разбитой ноги.

Да, ступеньки тут были. Блейк поднялся по лестнице к двери и искал сигнальное устройство, но его не было. Не было даже колокольчика или звонка. Пошарив еще немного, он нащупал дверной молоток. Ну конечно, сказал себе Блейк, в таком доме наверняка должен быть дверной молоток. В доме из далекого прошлого...

Он поднял молоток и постучал. Подождал. Никаких признаков, что его услышали. Постучал еще раз. За спиной что-то закрипело, и Блейк резко обернулся. Яркая вспышка ослепила Блейка, и он скорее почувствовал, чем увидел за источником света, на фоне ночной мглы, смутный силуэт человеческой фигуры.

Сзади распахнулась дверь, и на улицу из дома хлынул свет. Теперь Блейк видел человека с фонарем. Тот был одет в юбку-шотландку и овчинную куртку. В другой его руке блеснула сталь. Пистолет, решил Блейк.

— Что здесь происходит? — резко спросил мужчина, открывший дверь

— Кто-то пытается забраться в дом, сенатор, — ответил человек с фонарем. — Должно быть, он как-то ухитрился проскользнуть мимо меня.

Блейк медленно повернулся к стоявшему в дверях мужчине.

— Простите, сэръ, — сказал он, — я не знал... Я не хотел поднимать переполох. Просто увидел дом...

— И это еще не все, сенатор, — вмешался охранник. — Странные дела творятся нынче ночью. Не так давно я заметил тут волка...

— В округе нет волков, — ответил сенатор. — Волков вообще не существует. Их нет уже лет сто, если не больше.

— Но я видел! Там, на холме за ручьем. Была яркая вспышка молнии...

— Простите, что заставляю вас стоять тут и слушать эту перебранку, — сказал сенатор Блейку. — В такую ночь лучше сидеть дома.

— Кажется, я заблудился, — ответил Блейк, стараясь унять дрожь. — Если вы сообщите мне, где я нахожусь, и укажете дорогу...

— Погасите фонарь, — велел сенатор охраннику. — И займитесь делом.

Фонарь потух.

— Волки! — сердито воскликнул сенатор. — Ну и ну! — И добавил, обращаясь к Блейку: — Пойдемте.

Блейк вошел, и сенатор закрыл за ним дверь.

Блейк огляделся. Он стоял в прихожей. По обе стороны от входа были высокие двери — от пола до потолка, а в комнате в громадном каменном очаге горел огонь. Комната была заставлена тяжелой мебелью в ярких ситцевых чехлах.

Сенатор прошел мимо Блейка и остановился, чтобы рассмотреть его.

— Меня зовут Эндрю Блейк, — представился Блейк. — И я боюсь, что пачкаю вам полы.

Дождевая вода, капавшая с его одежды, образовала на полу лужицы. От двери до того места, где стоял Блейк, тянулась цепочка мокрых следов.

Сенатор, высокий худощавый мужчина с коротко остриженными седыми волосами и серебристыми усами над прямым ртом, похожим на зев капкана, был одет в белый халат с ажурными лиловыми кружевами по кромкам. Он повернулся и открыл одну из боковых дверей, за которой оказался платяной шкаф. Сунув туда руку, сенатор извлек толстый коричневый халат.

— Держите, — сказал он, протягивая его Блей-

ку, — это как раз то, что нужно. Настоящая шерсть. Вы, наверное, озябли.

— Самую малость, — ответил Блейк, до боли сжав челюсти, чтобы не стучать зубами.

— Шерсть вас согреет, — сказал сенатор. — Это редкость. Теперь везде одна синтетика. Но шерсть можно приобрести у одного сумасброда, который живет в шотландских горах. Он мыслит почти так же, как и я, и считает, что настоящие старые вещи по-прежнему лучше новых подделок.

— Уверен, что вы правы, — ответил Блейк.

— Но что это я стою, разглагольствую, а вы временем мерзнете. Поднимитесь вон по той лестнице справа. Первая дверь налево. Там моя комната. В шкафу найдете сандалии. Да и шорты ваши тоже, наверное, промокли насквозь.

— Должно быть, так, — ответил Блейк.

— В туалетном столике найдутся шорты и все, что нужно. Ванная справа как войдете. Десять минут в горячей воде вам не повредят. А я пока попрошу Элин сделать кофе и откупорю бутылочку доброго коньяка.

— Не утруждайте себя, — сказал Блейк. — Вы и так уже столько сделали...

— Пустяки, — ответил сенатор. — Я рад, что вы заглянули ко мне.

Держа в руках шерстяной халат, Блейк взобрался вверх по лестнице и открыл первую дверь налево. За ней он увидел белую блестящую ванну.

Блейк бросил коричневый халат на крышку корзины, снял свое замызганное одеяние и швырнул его на пол. Опустил глаза и удивленно оглядел себя. Он потерял свои шорты неизвестно где, непонятно как...

Когда Блейк вернулся в большую комнату с камином, сенатор уже ждал его. Он сидел в кресле, а на подлокотнике примостилась темноволосая женщина.

— Э... молодой человек, — сказал сенатор, — вы назвали себя, да я не запомнил имени...

— Эндрю Блейк.

— Уж извините, — проговорил сенатор. — Память у меня уже не такая цепкая, как когда-то. Это моя дочь Элин. А я — Чандлер Гортон. Из бормотания того балбеса на улице вы конечно же поняли, что я сенатор.

— Познакомиться с вами, сенатор, и с вами, мисс Элин, большая честь для меня.

— Блейк? — переспросила девушка. — Где-то я слышала это имя. Совсем недавно. Скажите, чем вы знамениты?

— Я? Ни чем, — ответил Блейк.

— Но о вас же писали во всех газетах. И по трехмернику в новостях показывали. А, вспомнила! Вы тот человек, который вернулся со звезд.

— Что ты говоришь? — воскликнул сенатор, тяжело поднимаясь. — Как интересно! Мистер Блейк, вон то кресло, возле самого камина, очень удобное.

— Папе нравится разыгрывать из себя барона или, по меньшей мере, сельского сквайра, когда приходят гости, — сказала Элин Блейку. — Не обращайтесь на него внимания.

— Сенатор очень любезный хозяин, — заметил Блейк.

Сенатор взял графин и потянулся за бокалами.

— Если вы помните, я обещал вам коньяку, — сказал он.

— И не забудьте похвалить его, — добавила Элин. — Сенатор — ценитель коньяков и гордится этим. А чуть погодя, если вам захочется, выпьем кофе. Я включила автошеф-повара...

— Шеф снова заработал? — спросил сенатор.

— Не слишком охотно. Сварил кофе, как я просила, да еще яичницу с ветчиной поджарил. — Она взглянула на Блейка: — Хотите яичницу с ветчиной? Наверное, она еще не остыла.

— Нет, большое спасибо.

— Этот повар зациклился на оладьях, — сказал сенатор. — Что ни наберешь на диске, итог получается один и тот же. Правда, отбивные шеф тоже жарил, хотя и редко.

Гортон вручил всем по стакану и сел в кресло.

— Немудреный уют — вот за что я люблю этот дом, — сказал он. — Триста лет назад его построил человек, заботившийся о собственном достоинстве и понимавший кое-что в экологии. Поэтому он и сложил дом из чистого известняка и леса, который тут рос. Он сделал так, что дом не выделяется из окружающего пейзажа. И никакой технической ерундистики здесь нет, кроме автоповара.

— Мы люди старомодные, — сказала Элин. — Мне всегда казалось, что жить в таком доме — все равно, что обитать, скажем, в землянке в двадцатом столетии.

Сенатор покрутил свой бокал, заставив коньяк плескаться.

— Конечно, он не летает, — продолжал Гортон, — и не будет с вами разговаривать. Но кому нужен летающий дом и...

— Папа! — вскричала Элин.

— Простите, сэр, — сказал сенатор. — У меня есть свои привязанности, я люблю о них поговорить и подчас увлекаюсь больше, чем следовало бы. Да, кстати... Дочь вроде бы сказала, что видела вас по трехмернику.

— Сказала, папа, сказала! Ты совсем не обращаешь на меня внимания. Кроме своих биоинженерных слушаний, больше ничем не интересуешься.

— Но ведь это очень важные слушания, милочка, — возразил сенатор. — В скором времени человечеству предстоит принять решение: как быть со всеми этими планетами, которые мы открываем. Только безумец мог предложить создавать на них земные условия. Подумай, сколько времени и денег поглотит эта работа.

— Кстати, совсем забыла, — сказал Элин. — Мама звонила. Сегодня вечером ее не будет дома. Она услышала о грозе и осталась в Нью-Йорке.

— Прекрасно, — проворчал сенатор. — В такую ночь лучше не путешествовать. Как ей понравился Лондон? Она что-нибудь говорила?

— Она в восторге от представления.

— Мюзик-холл, — пояснил сенатор Блейку. — Возрождение древнего развлечения. Жена без ума от него. Она у нас человек с претензией на тонкий художественный вкус.

— Какие ужасные вещи ты говоришь! — воскликнула Элин.

— Ничего подобного, — ответил сенатор. — Это правда. Однако вернемся к биоинженерии. Может быть, у вас есть на сей счет какое-то мнение, мистер Блейк?

— Нет, вряд ли, — ответил Блейк. — По-моему, я несколько утратил связь с ходом событий.

— Утратили связь? Да, так и должно было случиться. Теперь я вспоминаю, Вы были в капсуле, и вас

нашли какие-то шахтеры с астероидов. В какой системе?

— В окрестностях Антареса. Маленькая звезда, безымянная, с одним только номером. Но я ничего этого не помню. Меня не оживляли, пока не привезли в Вашингтон.

— И вы ничего не помните?

— Ничегошеньки, — ответил Блейк. — Моя сознательная жизнь началась меньше месяца назад. Я не знаю ни того, кто я такой, ни...

— Но у вас есть имя.

— Просто удобства ради, — сказал Блейк. — Я сам его выбрал. Джон Смит тоже сгодилось бы. Должен же человек иметь какое-то имя.

— Однако, насколько я помню, какие-то подспудные знания у вас были.

— Да, в том-то и странность. Я знал о Земле, и о ее народе, о его обычаях, но во многих отношениях безнадежно отстал от жизни. Спотыкаюсь о незнакомые традиции, верования, слова. Я попал в странную обстановку, но когда-нибудь, возможно, узнаю все. Вспомню, кто я такой, где и когда родился, что случилось там, в космосе. А пока, как вы понимаете, я здорово озадачен. Правда, мне не на что жаловаться, мне подарили жилище. Дом в маленькой деревушке...

— В этой деревушке? — спросил сенатор. — Я полагаю, он где-то неподалеку?

— Даже и не знаю, — ответил Блейк. — Со мной произошло что-то странное. Я не знаю, где нахожусь. А деревня называется Мидлтон.

— Это рядом, в долине, — сказал сенатор. — Отсюда и пяти миль не будет. Похоже, мы соседи.

— Я вышел прогуляться после обеда. И смотрел на горы, стоя во внутреннем дворике. Собиралась гроза. Где-то далеко были черные тучи и молнии. А потом я вдруг оказался на холме за ручьем, напротив этого дома. Шел дождь, и я насквозь промок.

Он умолк и осторожно поставил свой бокал с коньяком на каменную плиту под очагом.

— Вот так все и было, — добавил он. — Я знаю, это звучит дико...

— Это звучит неправдоподобно, — согласился сенатор.

— По-видимому, да. Причем, похоже, что я переместился не только в пространстве, но и во времени. Я

не просто очутился в нескольких милях от того места, на котором стоял. Была уже ночь, а когда я вышел во дворик, только-только начинало смеркаться.

— Мне очень жаль, что этот болван-охранник ослепил вас фонарем. Должно быть, оказаться здесь уже было для вас достаточным потрясением. Я не просил охраны. И даже не хочу иметь ее. Но Женева требует, чтобы ко всем сенаторам была приставлена стража. Почему — я толком и не знаю. Уверен, что в мире уже не осталось кровожадных людей. Наконец-то Земля стала цивилизованной. По крайней мере, отчасти, хотя на это ушли долгие годы.

— Но из-за этого биоинженерного вопроса страсти тут накалились, — сказала Элин. — Все эти фанатики, почитающие Библию, все эти заклятые ретрограды и рутинеры ополчились против биоинженерии. — Она повернулась к Блейку. — Известно ли вам, что сенатор, который живет в доме, построенном триста лет назад, и кичится тем, что в нем нет ни единого технического новшества...

— А повар? — перебил сенатор. — Ты забываешь о поваре.

Она пропустила его слова мимо ушей.

— ...и кичится тем, что в доме нет ни единого технического новшества, связался с шайкой сумасбродов, с архипрогрессистами, сторонниками радикальных преобразований?

— Они вовсе не радикальные, — пробурчал сенатор. — Обыкновенный здравый смысл. Создание земных условий на одной планете обойдется в триллионы долларов. Гораздо быстрее и дешевле будет сконструировать человеческую расу, способную жить на этой планете. Вместо того чтобы подгонять планету под человека, мы приспособим человека к планете.

— В том-то и соль, — сказала Элин. — На это и упирают твои противники. Мысль о переделке человека приводит их в бешенство. Измененное существо, которое будет жить на такой планете, не может считаться человеком.

— Возможно, его наружность и будет иной, — возразил сенатор. — Но оно по-прежнему останется человеком.

Он взял графин. Блейк покачал головой.

— Может быть, я сумею как-то добраться до дому, — сказал он. — Тяжелый выдался вечер.

— Переночевали бы у нас.

— Спасибо, сенатор, но если есть какая-то возможность...

— Разумеется, — ответил сенатор. — Кто-нибудь из охранников вас отвезет. Лучше воспользоваться наземной машиной: такая ночь не для леталок.

— Буду очень признателен.

— Так хотя бы у кого-то из охранников появится возможность сделать полезное дело, — сказал сенатор. — Если он повезет вас домой, ему, по крайней мере, не будут мерещиться волки. Кстати, вы там, на улице, не видели волка?

— Нет, — ответил Блейк. — Волка я не видел.

Майкл Даниельс стоял у окна и смотрел, как наземная обслуга на Риверсайде, по ту сторону бульвара, помогает домам приземляться. Черные фундаменты влажно поблескивали в ночи, а в четверти мили дальше лежал Потомак, как чернильно-черный лист, отражавший посадочные огни. Один за другим дома неуклюже спускались с затянутого тучами неба и садились на отведенные для них платформы.

Пациенты прибывают, подумалось Даниельсу. А может, сотрудники возвращаются после выходных. Хотя тут могли оказаться люди, не связанные с больницей ни службой, ни недугом. Вашингтон был набит битком: через день или два должны были начаться окружные слушания по вопросам биоинженерии. Спрос на участки был огромный, а передвижные дома втискивали повсюду, где только могли найти стоянку.

Вода стекала изломанными ручейками по гладким оконным стеклам, а там, за окнами, все приземлялось, паря в воздухе, дома, занимая немногие еще свободные фундаменты. Несколько сухопутных машин плавно проехали по бульвару. Воздушные подушки, на которых они двигались, широкими веерами поднимали с мокрой земли водяную пыль. Вряд ли в такую ночь в воздухе много леталок.

Он знал, что ему пора домой. Ему уже давно надо было уйти со службы. Малыши, наверное, уже спят, но Черил еще не ложилась, ждет его.

На востоке, где-то очень далеко, светилась отраженным светом призрачно белая колонна. Ее поставили возле реки в честь первых астронавтов, которые

пятьсот с лишним лет назад поднялись в космос, чтобы облететь вокруг Земли.

Приглушенные шумы ночной больницы наполняли комнату будто шепот: тихая поступь бредущей по коридору сиделки, смягченное громыхание тележки, негромкое жужжание звонка на посту медсестры напротив, через коридор...

За спиной Даниельса кто-то распахнул дверь. Он резко обернулся.

— Добрый вечер, Горди.

Гордон Барнс — врач, живущий при больнице, улыбнулся Даниельсу.

— Я думал, ты уже ушел, — сказал он.

— Как раз собираюсь. Перечитывал этот доклад. — Он указал на стоявший посреди комнаты стол.

Барнс взял в руки папку с бумагами и взглянул на нее.

— Эндрю Блейк, — сказал он. — Занятный случай. Даниельс озадаченно покачал головой.

— Более чем занятый, — заявил он. — Это просто невероятно. Сколько, по-твоему, Блейку лет? На сколько он выглядит?

— Не больше тридцати, Майк. Хотя, как мы знаем, ему может быть лет двести.

— Будь ему тридцать, можно было бы ожидать некоторого ухудшения жизненных функций, не правда ли? Организм начинает изнашиваться в двадцать с небольшим лет, жизнеспособность его снижается, и с приближением старости этот процесс все ускоряется.

— Известное дело, — ответил Барнс. — Но у этого Блейка, как я понимаю, все иначе?

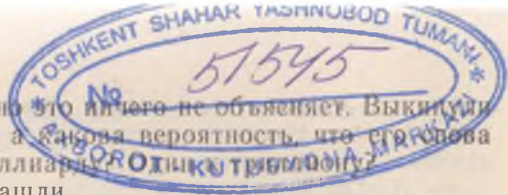
— Вот именно, — сказал Даниельс. — Это идеальный экземпляр. Он молод. Он более чем молод. Ни единого сбоя, ни единого изъяна.

— И никаких данных относительно его личности? Даниельс покачал головой.

— В Космической Службе прошерстили все бумаги. За последние два века несколько десятков кораблей попросту исчезли. Взлетели — и ни слуху ни духу. Может быть, он один из тех людей, которые находились на борту этих кораблей.

— Его кто-то заморозил, — сказал Барнс, — и засунул в капсулу.

— Ты хочешь сказать, что этот человек был такой важной птицей, что кто-то пытался его спасти? Даже

если и так, все равно это ничего не объясняет. Выкинули человека в космос, а какова вероятность, что его снова найдут? Один к миллиарду.

— Но Блейка нашли.

— Да, знаю. Его капсула залетела в Солнечную систему, которую заселили менее ста лет назад, и Блейка обнаружила бригада шахтеров с астероидов. Капсула пошла по орбите вокруг астероида, они увидели, как она блесит на солнце, и им стало любопытно. Слишком уж ярко она сверкала, вот они и размечтались: нашли, мол, исполинский алмаз или что-то там такое. Еще несколько лет — и он бы грохнулся на астероид. Попробуй-ка вычислить его шансы.

Барнс вернул папку на стол, подошел к окну и стал рядом с Даниельсом.

— Я с тобой согласен, — сказал он. — Смысла во всем этом мало. Но судьба помогала парню. Даже после того, как его нашли, кто-то мог взломать капсулу. Они знали, что внутри человек. Капсула была прозрачной. Кому-нибудь могло взбрести в голову разморозить и оживить его. — Пользы от него... — произнес Даниельс. — Но это уже второй интересный вопрос. Разум Блейка был совершенно пуст, если не считать общего фона, причем такого фона, который человек мог бы получить только на Земле. Он знал язык, обладал человеческим мировоззрением и знаниями по основным вопросам, какими запасся бы обычный человек, живший двести лет назад. И все. Что могло с ним произойти, кто он такой и откуда родом — этого он совершенно не помнил.

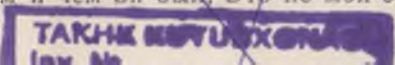
191961

— Нет никаких сомнений в том, что он уроженец Земли, а не одной из звездных колоний?

— Похоже, что нет. Когда мы его оживили, Блейк уже знал, что такое Вашингтон и где он находится, но все еще считал его столицей Соединенных Штатов. Знал и многое другое, что мог знать только землянин. Как ты понимаешь, мы пропустили его через целую кучу тестов.

— Как у него дела?

— Судя по всему, хорошо. Он живет в маленькой общине к западу отсюда, в горах. Мы решили, что ему нужно немного отдохнуть, прийти в себя. Вероятно, это даст ему возможность поразмыслить, нащупать свое прошлое. Может, теперь он уже начинает вспоминать, кем и чем он был. Это не моя затея — я не хотел

ничем его утруждать. Но мне думается, что, если он вспомнит все, это будет вполне естественно. Блейк и сам немного расстроен таким положением дел.

— А если вспомнит, то расскажет тебе?

— Не знаю, — ответил Даниельс. — Буду надеяться, что расскажет. Но я не связывал его никакими обещаниями. По-моему, это было бы неразумно. Пусть поступает по своему усмотрению, а если у него возникнут затруднения, ему, наверное, захочется поговорить со мной.

Блейк стоял во внутреннем дворике и смотрел, как удаляются красные габаритные огни быстро движущейся по улице машины. Дождь прекратился, и в просветах между тучами виднелись немногочисленные звезды. Дома на улице стояли черные, горели только лампочки во дворах. В его собственном доме была освещена только прихожая — признак того, что дом поджидает хозяина.

Дул холодный северо-западный ветер. Блейк плотно запахнул на груди коричневый шерстяной халат и, пройдя через дворик, поднялся по короткой лестнице с тремя ступеньками. Дверь открылась, и он шагнул внутрь.

— Добрый вечер, сэръ, — сказал Дом и добавил укоризненно: — Похоже, вы припозднились.

— Со мной что-то случилось, — ответил Блейк. — Не знаешь, что бы это могло быть?

— Вы покинули внутренний дворик, — сказал Дом, негодуя, ибо от него требовали сведений, которых он не мог дать. — Вам, разумеется, известно, что наша опека не распространяется за его пределы.

— Да, — промямлил Блейк, — это мне известно.

— Пока вас не было, на ваше имя поступило сообщение, — сказал Дом. — Оно в почтографе.

Почтограф стоял сбоку от входа. Блейк шагнул к нему и вытащил торчавший из передней стенки листок бумаги. Записка, написанная аккуратным четким почерком, была краткой и официальной. В ней говорилось: «Если мистер Эндрю Блейк сочтет для себя удобным связаться с мистером Райаном Уилсоном из городка Виллоу-Гроув, он сможет узнать нечто чрезвычайно полезное».

Блейк осторожно держал бумажку в пальцах. Неве­ро­ятно, думал он. Это по­пахивает мелодрамой.

— Виллоу-Гроув? — переспросил он.

— Мы посмотрим, где это, — ответил Дом.

— Будьте добры! — проговорил Блейк.

— Ванна сейчас будет готова, — сказал Дом. — Если, конечно, вы хотите.

— И еду недолго сварить! — крикнула Кухня. — Чего желает хозяин?

— Да, поесть-то я, наверное, не прочь, — ответил Блейк. — Как насчет яичницы с ветчиной и пары лом­ти­ков поджаренного хлеба?

— Мне одинаково легко сделать что угодно, — ска­зала Кухня. — Гренки с сыром? Омар?

— Яичницу с ветчиной, — заявил Блейк.

— Как быть с обстановкой? — спросил Дом. — Мы до неприличия долго не меняли ее.

— Нет, — устало ответил Блейк, — оставь все, как есть. Не трогай обстановку. Она не имеет большого зна­че­ния.

— Как вам угодно, хозяин, — сказал Дом.

— Сначала поесть, потом — в ванну, — проговорил Блейк, — и спать. У меня был трудный день.

— А что с запиской?

— Утром все решим.

— Городок Виллоу-Гроув находится к северо-западу отсюда, — сказал Дом. — Пятьдесят семь миль. Мы по­с­мо­трели по карте.

Блейк пересек гостиную, вошел в столовую и уселся за стол.

— Вам надо прийти и забрать еду, — завопила Кух­ня. — Я не могу ее вам принести!

— Знаю, — ответил Блейк. — Скажешь, когда все будет готово.

— Но вы уже сели за стол!

— Человек имеет право сидеть там, где пожелает! — вспылил Дом.

— Да, сэр, — откликнулась Кухня.

Дом снова умолк, а усталый Блейк пересел в крес­ло. Он заметил, что в комнате мультобои. Обои изобра­жали лес и луга, по которым бежал ручеек. К ручью опасливо подскочил кролик. Остановившись возле пуч­ка клевера, он сел и принялся ощипывать цветы. Ручеек искрился в солнечном свете, сбегал с низких порогов. По поверхности воды неслись пузырьки пены и опавшие

листья. Прилетела и села на дерево птичка. Задрыв головку, она запела, но звука не было. Лишь по дрожащему зобу можно было определить, что птичка поет.

— Может быть, включить звук? — спросила Столовая.

— Нет, спасибо, что-то не хочется. Как-нибудь в другой раз. Я бы просто посидел и отдохнул.

Посидеть, отдохнуть, подумать, разобраться. Попытаться понять, что с ним случилось, как и конечно же почему. Определить, кто он такой или что и кем был раньше. Все это какой-то кошмарный сон наяву, подумал он. Однако вполне возможно, что утром ему снова будет хорошо. Или покажется, что все хорошо. Будет сиять солнце, и мир zalьется ярким светом. Блейк пойдет гулять, поболтает кое с кем из соседей по улице, и все будет в порядке. Может быть, надо попросту забыть обо всем этом, вымести вон из сознания?

Он неловко заерзал в кресле.

— Сколько времени? Долго ли меня не было?

— Почти два часа, — ответил Дом. — А ушли вы в восемь или в самом начале девятого.

Шесть часов, подумал Блейк. А он помнит не больше двух из них. Что же случилось и почему он не может вспомнить остальные четыре? И то время, которое провел в космосе? События, которые предшествовали его полету в космос? Почему жизнь его должна начаться с того мига, когда он открыл глаза на больничной койке в Вашингтоне? Были же другие времена, другие годы. Было у него когда-то и имя, была и биография. Что же случилось? Что же стерло все это?

Кролик кончил жевать клевер и ускакал. Птица сидела на ветке, но больше не пела. Вниз по стволу дерева бежала белка; в двух футах от земли она остановилась, молниеносно развернулась и вновь помчалась вверх. Добравшись до сучка, немного пробежала по нему и снова остановилась, возбужденно подергивая хвостом.

Словно у окна сидишь, подумал Блейк, глядя на лесной пейзаж. Изображение не плоское, у него есть и глубина, и перспектива, а краски пейзажа ненарисованы, они такие, словно смотришь на настоящую природу.

Дом до сих пор обескураживал и смущал Блейка, иногда стеснял. В памяти не было ничего такого, что могло бы подготовить его к подобным вещам, хотя он вспомнил, что в те смутные времена, до полного забвения,

кто-то (имени, он не помнил) раскрыл тайну гравитации, а применение солнечной энергии стало обычным делом.

Однако Дом не только питался от собственной солнечной электростанции и летал при помощи антигравитационного приспособления. Это был робот, робот с введенной в него программой вышколенного слуги, а иногда в нем, казалось, просыпался материнский инстинкт. Мысль о благополучии людей прочно засела в его машинном мозгу. Дом болтал с людьми, обслуживал их, одергивал, хвалил, ворчал на них и баловал их. Он играл сразу три роли — жилища, слуги и приятеля. Со временем, подумалось Блейку, человек начнет относиться к своему дому как к верному и любящему другу.

Однако к этому надо привыкнуть, сказал себе Блейк. Может быть, человеку, всю жизнь прожившему в таком доме, привыкать и не нужно. А вот если ты вернулся со звезд, бог знает откуда и из каких времен, и тебя швырнули сюда, тогда надо привыкать.

— Яичница с ветчиной готова! — гаркнула Кухня.

Он пришел в себя и обнаружил, что сидит съежившись в совершенно незнакомом и странном помещении, заставленном предметами искусственного происхождения, выполненными главным образом из дерева, а также из металла и ткани.

Его реакция была молниеносной. Он перестроился в пирамиду, форму твердого состояния, и окружил себя изолирующей сферой. Проверил, есть ли поблизости энергия, которая нужна ему для обеспечения собственных жизненных и мыслительных процессов, и обнаружил, что энергии много — целая волна из источника, нахождение которого определить не удавалось.

Теперь можно приступить к размышлениям. Мысль работала ясно и четко. Паутина сонливости больше не мешала думать. Пирамидальное тело обладало идеальной массой, обеспечивавшей ему стабильность и театр мыслительных операций.

Свои мысли он направил на случившееся с ним: каким образом после неопределенного промежутка времени, когда он едва существовал, если существовал вообще, он вдруг вновь стал самим собой, обрел форму и способность к действиям?

Стоило попытаться вернуться к самому началу, по

начала не было, вернее, какое-то начало проглядывало, но оно было слишком размытым и неясным. И снова он искал, шарил, бродил по темным коридорам своего разума, но так и не находил точки, от которой можно было вести твердый и определенный отсчет.

А быть может, вопрос следовало поставить по-другому: было ли у него прошлое? Разум его буквально захлестывала пеннистая волна с обломками, приносимыми из прошлого, — обрывки информации, напоминающей фоновую радиацию вокруг планет. Он попытался упорядочить пену в структуру, но структуры не выходило, обломки информации никак не хотели состыковываться.

Где же память, в панике подумал он, ведь раньше она была. Возможно, и сейчас информация есть, но что-то ее заслоняет, прячет, и лишь отдельные блоки данных выглядят тут и там, и большей частью их невозможно с чем-либо соотнести.

Он снова окунулся в мешанину плывущих из прошлого обрывков и обломков и обнаружил воспоминание о неприветливой скалистой земле с массивным, как сами скалы, черным цилиндром, уходящим в серое небо на головокружительную высоту. Внутри цилиндра скрывалось что-то настолько невообразимое, грандиозное и поразительное, что разум отказывался воспринять его.

Он искал смысл воспоминания, хотя бы намек, но не нашел ничего, кроме образа черных скал и устремленного из них ввысь черного мрачного цилиндра.

Неохотно расставшись с этой картинкой, он перешел к следующей, и на этот раз воспоминание оказалось поросшей цветами лощиной, переходящей в луг; луг благоухал тысячами ароматов, источаемых миллиардами полевых цветов. В воздухе вибрировали звуки музыки, в цветах шумно возились живые существа, и опять, он знал, во всем этом имелся какой-то смысл, но без ключа понять его было невозможно, а ключ никак не находился.

Однажды возник еще некто. Другое существо, и он был им, этим существом, которое улавливало картины и образы, овладевало ими и затем передавало; и не только образы, но и сопутствующую информацию. Картины, хоть и перепутанные, все еще хранились в мозгу, зато информация каким-то образом исчезла.

Он сжался еще больше, все глубже уплотняясь в пирамиду; мозг разрывали пустота и хаос, и он судорожно попытался вернуться в свое забытое прошлое, чтобы встретить то, другое существо, которое охотилось за картинами и информацией.

Но искать было бесполезно. Он не знал, как дотянуться до того, другого, как прикоснуться к нему. И зарыдал от одиночества — в глубине себя, без слез и всхлипов, поскольку не умел проливать слезы или всхлипывать.

Бессмысленно, подумал он. Бессмысленно пытаться. Он так и не разобрался в своих воспоминаниях, он был собой лишь наполовину и не мог стать целым из-за отсутствия исходного материала. Ощувив накаты-вающуюся на него темноту, он не стал сопротивляться, а дождался ее и растворился в ней.

Блейк очнулся под вопли Комнаты:

— Куда вы ушли? — кричала она на него. — Куда вы ходили? Что с вами случилось?

Он сидел на полу посреди комнаты, поджав под себя ноги. А между тем ему следовало бы лежать в кровати. Комната снова завела свое.

— Куда вы ушли? — гремела она. — Что с вами случилось? Что...

— Ой, да замолчи ты, — сказал Блейк.

Комната замолчала. В окно струился свет утреннего солнца, где-то на улице шебетала птица. В комнате все было, как обычно, никаких изменений. Он помнил, что, когда ложился спать, она имела точно такой же вид.

— А теперь скажи мне, что именно тут произошло, — потребовал Блейк.

— Вы ушли! — взывала Комната. — И построили вокруг себя стену...

— Стену?!

— Какое-то ничто, — отвечала Комната. — Какое-то сферическое ничто. Вы заполнили меня облаком из ничего.

— Ты с ума сошла, — сказал Блейк. — Как я мог это сделать?

Однако, не успев произнести эти слова, он понял, что Комната права. Комната умела только докладывать о

тех явлениях, которые улавливала. Такой штукой, как воображение, она не обладала. Комната была всего лишь машиной и не имела опыта по части суеверий, мифов и сказок.

— Вы исчезли, — заявила Комната. — Завернулись в ничто и исчезли. Но прежде чем исчезнуть, вы изменились.

— Как это я мог измениться?

— Не знаю, но вы изменились. Вы растаяли и обрели иную форму или начали обретать иную форму. А потом закутались в ничто.

— И ты меня не чувствовала? И потому решила, что я исчез?

— Я вас не чувствовала, — ответила Комната. — Я не умею проникать сквозь ничто.

— Сквозь ЭТО ничто?

— Сквозь любое ничто, — сказала Комната. — Я не умею анализировать ничто.

Блейк поднялся с пола и потянулся за шортами, которые бросил на пол накануне вечером. Надев их, он взял коричневый халат, висевший на спинке стула.

Халат оказался шерстяным. И Блейк вдруг вспомнил вчерашний вечер, вспомнил странный каменный дом, сенатора и его дочь.

Вы изменились, сказала Комната. Вы изменились и создали вокруг себя оболочку из ничего. Но он не помнил этого. Ни намек на странное превращение не было в его памяти.

Не помнил он и случившегося накануне вечером — с того мига, когда вышел во внутренний дворик, и до момента, когда обнаружил, что стоит в добрых пяти милях от Дома и вокруг завывает буря.

«Господи, что же происходит?» — спросил Блейк себя.

Он плюхнулся на кровать и положил халат на колени.

— Комната, — спросил он, — а ты уверена?

— Я уверена, — ответила Комната.

— Не фантазируешь?

— Вам отлично известно, — твердо ответила Комната, — что я бы не стала фантазировать.

— Да, конечно, не стала бы...

— Фантазия нелогична, — сказала Комната.

— Да, разумеется, ты права, — ответил Блейк. Он поднялся, накинул халат и двинулся к двери.

— Вам больше нечего сказать? — укоризненно спросила Комната.

— А что я могу сказать? — отозвался Блейк. — Ты знаешь об этом больше моего.

Он вышел в дверь и зашагал вдоль балкона. У лестницы Дом встретил его своим обычным утренним приветствием.

— С добрым утром, сэр, — сказала он. — Солнце взошло и светит ярко. Буря кончилась, и туч больше нет. Прогнозы обещают ясную и теплую погоду. Температура сейчас сорок девять градусов, а в течение дня она превысит шестьдесят градусов. Прелестный осенний день, и все вокруг очень красиво. Чего изволите пожелать, сэр? Отделка? Мебель? Музыка?

— Спроси его, что подать на стол! — завопила Кухня.

— И что подать вам на стол? — спросил Дом.

— Может быть, овсянку?

— Овсянку! — вскричала Кухня. — Вечно эта овсянка. Или яичница с ветчиной. Или оладьи. Почему бы хоть разок не съесть что-нибудь эдакое? Почему...

— Овсянку, — твердо сказал Блейк.

— Человек хочет овсянки, — произнес Дом.

— Ладно, — сдалась Кухня. — Одна порция овсянки на подходе!

— Не обращайтесь на нее внимания, — сказал Дом. — В программу Кухни заложены всякие замысловатые рецепты, по которым она большая специалистка, но у нее почти не бывает возможностей воспользоваться хотя бы одним из них. Почему бы вам, сэр, когда-нибудь, просто забавы ради, не разрешить Кухне...

— Овсянки, — сказал Блейк.

— Хорошо, сэр. Утренняя газета на лотке в почтографе, но сегодняшнее утро небогато новостями.

— Если не возражаешь, я просмотрю ее сам, — сказал Блейк.

— Конечно, сэр. Как вам угодно, сэр. Я лишь стараюсь информировать...

— Постарайся не перестараться, — посоветовал Блейк.

— Извините, сэр, — сказал Дом. — Я буду следить за собой.

В прихожей Блейк взял газету и сунул ее под мышку, потом подошел к окну в боковой стене и выглянул наружу. Соседний дом исчез. Платформа опустела.

— Они уехали нынче утром, — объявил Дом. — Около часа назад. Думаю, ненадолго, в отпуск. Мы все очень рады...

— Мы?

— Да, а что? Все остальные дома, сэр. Мы рады, что они уехали ненадолго и вернутся опять. Они очень хорошие соседи, сэр.

— Ты, похоже, много о них знаешь. А я даже почти не разговаривал с ними.

— О, — произнес Дом, — я не о людях, сэр. Я не о них говорил. Я имел в виду сам дом.

— Значит, и вы, дома, смотрите друг на дружку как на соседей?

— Ну разумеется. Мы наносим визиты, болтаем о том о сем.

— Обмениваетесь информацией.

— Естественно, — ответил Дом. — Но давайте поговорим об интересе.

— Меня вполне устраивает и нынешний.

— Он не менялся уже много недель.

— Что ж, — задумчиво произнес Блейк, — попробуй поупражняться с обоями в столовой.

— Это не обои, сэр.

— Знаю, что не обои. Я хочу сказать, что мне уже начинает надоедать созерцание кролика, щиплющего клевер.

— Что бы вы хотели вместо кролика?

— Что угодно, на твой вкус. Лишь бы там кроликов не было.

— Но мы можем создавать тысячи комбинаций, сэр.

— Что твоей душе угодно, — сказал Блейк. — Только смотри, чтобы без кроликов.

Он отвернулся от окна и пошел в столовую. Со стен на него уставились глаза — тысячи глаз, глаз без лиц, глаз, сорванных с множества лиц и наклеенных на стены. Глаз, составляющих пары и существующих поодиночке. И все они смотрели прямо на Блейка.

Были здесь синие детские глазки, глядевшие с задумчивой невинностью; глаза, налитые кровью и горевшие устрашающим огнем; был глаз распутника и мутный, слезящийся глаз дряхлого старика. И все они знали Блейка, знали, кто он такой. Если б к этим глазам

прилагались рты, все они сейчас говорили бы с Блейком, кричали на него, строили ему гримасы.

— Дом! — воскликнул он.

— В чем дело, сэр?

— Глаза!

— Сэр, вы же сами сказали: все, что угодно, только не кроликов. Я подумал, что глаза — нечто совершенно новое...

— Убери их отсюда! — взревел Блейк.

Глаза исчезли, и вместо них появился пляж, сбегавший к морю. Белый песок тянулся до вздымающихся волн, бьющих в берег, а на далеком мысугнулись под ветром хилые, истерзанные стихией деревья. Над водой с криками летали птицы, а в комнате стоял запах соли и песка.

— Лучше? — спросил Дом.

— Да, — ответил Блейк, — гораздо лучше. Большое спасибо.

Он сидел, завороженно глядя на эту картину. Как будто на пляже сидишь, думалось ему.

— Мы включали звук и запах, — сказал Дом. — Можем добавить и ветер.

— Нет, — ответил Блейк, — этого вполне достаточно.

Грохочущие волны набегали на берег, птицы с криками реяли над ними, по небу катились черные тучи. Интересно, существует ли нечто такое, что Дом не способен воспроизвести на этой стене? Тысячи комбинаций, сказал он. Человек может сидеть здесь и смотреть на то, что создал на стене Дом.

Он развернул газету и увидел, что Дом был прав: новостей оказалось немного. Еще трех человек выбрали в кандидаты на Кладезь Разума, и теперь они войдут в число избранных, чьи мысли и характеры, знания и ум вот уже триста лет вводятся в большой банк разума, хранящийся в своих сердечниках накопленные умнейшими людьми планеты суждения и идеи.

Североамериканский проект изменения погоды в конце концов отослали на пересмотр в Верховный суд, заседавший в Риме.

Перебранка по вопросу о судьбе креветок у побережья Флориды все еще продолжается.

Исследовательский звездолет, отсутствовавший десять лет и считавшийся пропавшим, наконец приземлился в Москве.

И последнее: окружные слушания по предложенным биоинженерами программам начнутся в Вашингтоне завтра. Статья о биоинженерии сопровождалась двумя заметками, по колонке каждая. Одну написал сенатор Чандлер Гортон, вторую — сенатор Соломон Стоун.

Блейк решил прочесть повнимательнее.

«Вашингтон, Северная Америка. Завтра здесь откроются окружные слушания. Два сенатора Северной Америки вступят в единоборство из-за плана вызывающей многочисленные споры биоинженерной программы. Ни один проект последних лет не будоражил до такой степени воображение общественности. Нет в сегодняшнем мире вопроса, вызывающего большие разногласия.

Два североамериканских сенатора занимают диаметрально противоположные позиции. Впрочем, они соперничали друг с другом на протяжении почти всей своей политической карьеры. Сенатор Чандлер Гортон твердо стоит за одобрение предложения, которое в начале будущего года будет вынесено на всемирный референдум. Сенатор Соломон Стоун находится в столь же твердой оппозиции к нему.

В том, что эти два человека оказались по разные стороны баррикад, нет ничего нового. Но политическое значение этого вопроса возрастает в связи с так называемым принципом Единогласия, предусматривающим, что по вопросам такого рода, вынесенным на всемирный референдум, наказания избирателей должны быть единогласно утверждены членами Всемирного Сената в Женеве. Таким образом, при голосовании «за» от сенатора Стоуна потребуют отдать свой голос в сенате в поддержку мероприятия. Не сделав этого, он вынужден будет отступить, подав в отставку со своего поста. Тогда будут назначены специальные выборы для заполнения вакансии, образовавшейся в результате его отставки. В списке на внеочередные выборы попадут лишь те кандидаты, которые предварительно заявили о своей поддержке мероприятия.

Если референдум отклонит мероприятие, точно в таком же положении окажется сенатор Гортон.

В прошлом в подобных ситуациях некоторые сенаторы сохраняли свои посты, голосуя за предложения, против которых они возражали. Ни Стоун, ни Гортон, по мнению большинства обозревателей, на это не пойдут. Оба поставили на карту свое доброе имя и полити-

ческую карьеру. Их политические философии находятся на противоположных полюсах спектра, а многолетняя личная неприязнь друг к другу стала в сенате притчей во языцех. Сейчас никто не верит, что тот или другой...»

— Простите, сэр, — сказал Дом, — но Верхний Этаж информирует меня, что с вами происходит нечто странное. Надеюсь, вы здоровы?

Блейк поднял голову.

— Да, — ответил он, — я здоров.

— Однако мысль повидаться с врачом, вероятно, покажется вам достойной внимания, — настаивал Дом.

Блейк отложил газету. В конце концов, несмотря на всю свою чопорность, Дом действует из лучших побуждений. Ведь это вспомогательный механизм, и единственная его цель и забота — служить человеческому существу, которому он дает кров.

— Может, ты и прав, — сказал Блейк.

Несомненно, что-то было не так.

За сутки с ним дважды происходило нечто странное.

— В Вашингтоне был какой-то врач, — сказал он. — В той больнице, куда меня привезли, чтобы оживить. По-моему, его звали Даниельс.

— Доктор Майкл Даниельс, — сказал Дом.

— Ты знаешь его имя?

— У нас есть полное досье на вас, — отвечал Дом. — А иначе мы не смогли бы обслужить вас должным образом.

— Значит, у тебя есть его номер? Ты можешь позвонить ему?

— Разумеется. Если вы этого пожелаете.

— Будь любезен, — сказал Блейк. Он положил газету на стол, поднялся и пошел в гостиную. Там уселся перед телефоном, и маленький экран, моргая, засветился.

— Минутку, — проговорил Дом.

Экран прояснился, и на нем появились голова и плечи доктора Майкла Даниельса.

— Это Эндрю Блейк. Вы меня помните?

— Конечно, помню, — ответил Даниельс. — Только вчера вечером думал о вас. Как у вас дела?

— Физически я в полном порядке, — сказал Блейк. — Но у меня были... наверное, вы назвали бы их галлюцинациями — до тех пор, пока не поняли бы, что это нечто совсем иное.

— Но вы не думаете, что это галлюцинации?
— Совершенно уверен, что нет, — ответил Блейк.
— Вы могли бы приехать? — спросил Даниельс. —
Я хотел бы обследовать вас.

— Приеду с радостью, доктор.
— Вашингтон расползается по швам, — сообщил Даниельс. — Все забито, люди прибывают на этот биоинженерный спектакль. Напротив нас, через улицу, есть стоянка для домов. Вы подождете, пока я справлюсь о свободных местах?

— Подожду, — ответил Блейк.
Лицо Даниельса исчезло, и на экране заплескали размытые и неясные очертания кабинета.

Послышался громовой голос Кухни:
— Одна порция овсянки готова. И кусок поджаренного хлеба тоже! И яичница с ветчиной тоже! И кофейник с кофе тоже!

— Хозяин разговаривает по телефону, — укоризненно проговорил Дом. — И заказывал он только овсянку.

— А может, хозяин передумает, — возразила Кухня. — Может, овсянки не хватит. Может, он голоднее, чем ему кажется. Вы же не хотите, чтобы про нас говорили, будто мы морим его голодом.

Даниельс вновь появился на экране.
— Спасибо, что дождались, — сказал он. — Я проверил, свободного места сейчас нет. Утром освободится один фундамент, я зарезервировал его для вас. Вы можете подождать до утра?

— Наверное, могу, — ответил Блейк. — Я хотел только поговорить с вами.

— Но мы можем поговорить прямо сейчас.
Блейк покачал головой.

— Понимаю, — сказал Даниельс. — Тогда до завтра. Скажем, в час дня. Каковы ваши планы на сегодня?

— У меня нет никаких планов.
— А почему бы вам не отправиться на рыбалку? Отвлечетесь, займетесь делом. Вы рыбовод?

— Не знаю. Не думал об этом. Может, и был рыбоводом. Название этого вида спорта мне знакомо.

— Кое-что мало-помалу возвращается, — сказал Даниельс. — Вспоминается...

— Не вспоминается. Просто формируется фон. Временами какая-то крупца встает на свое место, но все это едва ли что-либо говорит мне. Кто-то что-то скажет, или я о чем-то прочитаю и вдруг понимаю, что это мне

знакомо. Вдруг узнаю какое-то высказывание, явление или место. Что-то такое, что я знал в прошлом, с чем сталкивался, но не помню, как, когда и в каких условиях.

— Если б в этом вашем фоне нашлась для нас какая-нибудь зацепка, нам было бы легче, — сказал Даниельс.

— Я просто живу с этим фоном, — сообщил Блейк. — Кроме него, мне не на что опереться.

— Ладно, — отступился Даниельс. — Сегодня поудите рыбки всласть, а завтра увидимся. Кажется, неподалеку от вас есть речушки с форелью. Поищите одну из них.

— Спасибо, доктор.

Телефон со щелчком отключился, экран померк. Блейк отвернулся.

— После завтрака во внутреннем дворике вас будет ждать леталка. Рыболовные снасти вы найдете в задней спальне, которая используется под кладовку, а Кухня соберет вам ленч. Ну, а я пока поищу хороший ручей с форелью и подскажу вам, как к нему добраться и...

— Прекратите болтовню! — загремела Кухня. — Завтрак стынет!

Вода пенилась в завалах из упавших деревьев и кустов. Речка бурливо обтекала препятствие, но затем успокаивалась, образуя черную заводь.

Блейк осторожно направил похожую на стул леталку к земле и посадил ее рядом с запрудой у березовой рощи. Когда леталка остановилась, он отключил гравитационное поле. Несколько минут Блейк неподвижно сидел в кресле, слушая журчание воды; глубокая тихая заводь очаровала его. Впереди к небу возносился горный кряж.

Наконец Блейк выбрался из леталки и отвязал от спинки корзину с обедом, чтобы достать рыболовные снасти. Он поставил корзину сбоку, на траву рядом с березами, росшими на берегу.

Что-то завозилося в запруде из перекореженных древесных стволов, лежавших поперек ручья. Блейк резко обернулся на звук. Из-под бревна на него смотрела пара маленьких блестящих глаз. Норка, подумал Блейк, а может быть, выдра.

— Эй, ты, — сказал он, — не возражаешь, если я попытаю тут счастья?

— Эй, вы, — ответило существо высоким писклявым голосом, — какое счастье вы хотите попытать?

— Что ты... — голос Блейка замер.

Существо выбралось из-под бревна. Оно оказалось и не норкой, и не выдрой, а двуногим зверьком, словно сошедшим со страниц детской книжки. Волосатую мордочку грызуна венчал высокий куполообразный череп, над которым торчала пара остреньких ушек с кисточками на концах. Существо имело около двух футов роста, и его туловище покрывала гладкая меховая шубка бурого цвета. Оно было одето в ярко-красные штанишки, состоявшие чуть ли не из одних карманов, а ручки существа оканчивались длинными тонкими пальцами.

— Может быть, в этой корзинке найдется еда? — спросило оно своим писклявым голосом.

— Да, разумеется, — ответил Блейк. — Ты, как я понимаю, голоден?

Это конечно же какое-то наваждение. Вот сейчас, через минуту, если не меньше, картинка из детской книжки исчезнет, и он сможет заняться рыбной ловлей.

— Я просто умираю от голода, — подтвердила картинка. — Люди, которые подкармливали меня, уехали в отпуск, и с тех пор я попрошайничаю. Может быть, и вам когда-нибудь приходилось добывать себе пропитание подобным образом?

— Не думаю, — ответил Блейк.

Существо не исчезало. Оно по-прежнему находилось здесь и разговаривало, и от него не было избавления. «Боже мой, — подумал Блейк, — опять начинается!»

— Если ты голоден, — сказал он, — давай заглянем в корзинку. Что ты больше всего любишь?

— Я ем все, что считают съедобным люди. Мой обмен веществ удивительно схож с обменом веществ у землян.

Они вместе подошли к корзине, и Блейк поднял крышку.

— Кажется, мое появление из-под груды бревен оставило вас равнодушным, — сказала существо.

— Это не мое дело, — ответил Блейк, пытаясь заставить себя соображать быстрее и чувствуя, что ему это не удастся. — Тут у нас есть бутерброды, пирог, горшочек с... да, с салатом из помидоров, яичница с пряностями...

— Если вы не возражаете, я возьму парочку бутербродов.

— Давай, не стесняйся, — пригласил Блейк.

— А вы не составите мне компанию?

— Я только что позавтракал.

Существо село и с аппетитом набросилось на еду, держа в каждой руке по бутерброду.

— Простите мне такое некрасивое поведение за столом, — сказала оно Блейку, — но я уже почти две недели толком не ел. Наверное, я переоценивал щедрость людей. Те, кто обо мне заботился, приносили хорошую еду. Не в пример большинству людей, которые поставят плошку молока и все.

Существо ело. На его подрагивающие бакенбарды налипли крошки. Покончив с бутербродами, оно протянуло руку, но потом остановилось, и рука замерла над корзиной.

— Вы не возражаете? — спросило оно.

— Ничуть, — ответил Блейк. Существо взяло еще один бутерброд.

— Простите меня, — сказала оно, — но сколько вас здесь?

— Сколько здесь меня?

— Да, вас. Сколько вас тут?

— Но ведь я один, — удивился Блейк. — Откуда же взяться другим я?

— Конечно, это очень глупо с моей стороны, — сказала существо, — но когда я впервые увидел вас, я готов был поклясться, что вас больше одного.

Оно принялось за бутерброд, но теперь ело чуть медленнее, чем тогда, когда расправлялось с первыми двумя. Разделавшись и с ним, существо аккуратно смахнуло с бакенбард крошки.

— Большое вам спасибо, — поблагодарило оно.

— Всегда к твоим услугам, — ответил Блейк. — Ты уверен, что не хочешь еще?

— Бутербродов, пожалуй, нет. Но если у вас найдется лишний кусочек пирога...

— Угошайся, — пригласил Блейк. Существо без промедления воспользовалось приглашением. — Ты задал мне вопрос, — добавил он. — Как ты думаешь, справедливо будет, если и я кое о чем тебя спрошу?

— В высшей степени справедливо, — подтвердило существо. — Валийте, спрашивайте.

— Я никак не пойму, кто ты такой, — признался Блейк.

— Вот те на! — воскликнуло существо. — А я-то думал, вам известно. Мне и в голову не приходило, что вы можете не узнать меня.

Блейк покачал головой.

— Не узнаю. Ты уж извини.

— Я — Брауни, — с поклоном представилось существо. — К вашим услугам, сэр.

Когда Блейка ввели в кабинет, доктор Майкл Даниельс уже ждал его за своим столом.

— Ну, как самочувствие нынче утром? — спросил он.

Блейк слабо улыбнулся.

— Неплохо, если вспомнить все вчерашние обследования. Интересно, есть ли такие тесты, которым меня не подвергали?

— В общем мы испробовали почти все, — признал Даниельс. — Еще один или два теста есть в запасе, и если...

— Нет уж, спасибо.

Даниельс жестом указал на стул:

— Располагайтесь. Нам есть о чем поговорить.

Блейк сел на предложенный стул, Даниельс подтянул к себе пухлую папку и раскрыл ее.

— Я так полагаю, — сказал Блейк, — что вы проверяли различные варианты событий, которые могли произойти со мной в космосе. Удачно?

Даниельс покачал головой.

— Ничего не вышло. Мы просмотрели списки пассажиров и команд всех пропавших кораблей. Точнее, это сделала Космическая Служба. Вы интересуете их точно так же, как и меня, если не больше.

— Списки пассажиров мало что вам скажут, — проговорил Блейк. — Там будет лишь имя, а ведь мы не знаем...

— Верно, — сказал Даниельс, — есть еще отпечатки пальцев и фонограммы голосов. Но все не ваши.

— Однако я ведь как-то попал в космос.

— Да, попали, это нам известно. Известно и то, что вас кто-то заморозил. Сумей мы выяснить, почему это было сделано, мы узнали бы гораздо больше, чем нам

известно сейчас. Но ведь, когда пропадает корабль, пропадают и все записи.

— Я и сам пораскинул мозгами, — сказал Блейк. — Мы все время исходили из предположения, что меня заморозили, чтобы спасти мне жизнь. Значит, до того, как корабль попал в беду. Кто мог знать, что он попадет в аварию? Хотя, видимо, бывают положения, когда это известно заранее. А вам не приходило в голову, что меня заморозили и выбросили из корабля потому, что мое присутствие на борту было нежелательно? Может быть, я что-то натворил, или меня боялись, или еще что-нибудь в этом роде.

— Нет, — ответил Даниельс, — об этом я не думал. Но допускал, что вы можете оказаться не единственным замороженным, не единственным человеком, заключенным в капсулу. То же самое могли проделать с другими, и эти другие до сих пор там, в космосе. Просто вас случайно нашли. Если у них было время, они могли сохранить таким способом жизнь людей.

— Давайте вернемся к вопросу о том, почему меня вышвырнули из корабля. Если бы я был негодяем, от которого надо избавиться, к чему предпринимать чреватую такими осложнениями попытку сохранить мне жизнь?

Даниельс покачал головой.

— Ума не приложу. Пока мы можем только гадать. Возможно, вам придется примириться с мыслью, что вы никогда не узнаете правду. Я надеялся, что вы мало-помалу вспомните свое прошлое, но этого пока не случилось. И вероятно, не случится.

— Вы хотите сказать, что я должен отступиться?

— Нет. Мы не оставим наших попыток до тех пор, пока вы согласны помогать нам. Но я считаю своим долгом сказать вам, что скорее всего они закончатся ничем.

— Что ж, это честно, — ответил Блейк. — Тем более что трудно обжиться в этом мире.

— Как ваша позавчерашняя рыбалка? — спросил Даниельс.

— Хорошо, — ответил Блейк. — Выудил шесть форелей, прекрасно провел денек на свежем воздухе. Чего, как я подозреваю, вы и добивались.

— Галлюцинаций не было?

— Было одно видение, — сказал Блейк. — Я утаил его от вас, но сегодня утром решил рассказать. Галлю-

цинацией больше, галлюцинацией меньше — какая разница? На рыбалке я повстречал Брауни.

— О, — вырвалось у Даниельса.

— Вы слышали? Я встретил Брауни и говорил с ним. Он съел почти весь мой ленч. Вы понимаете, кого я имею в виду? Маленькие народцы из детских сказок. Брауни из их числа. У них большие острые уши и высокая остроконечная шапка. Только у моего шапки не было, а физиономия напоминала мордочку грызуна.

— Вам повезло: не так уж много людей когда-либо видели Брауни. А тех, что с ними разговаривали, еще меньше.

— Вы хотите сказать, что Брауни не галлюцинация?

— Разумеется нет. Это переселенцы из созвездия Енотовой Шкуры. Их немного. Родоначальников их привезли на Землю, наверное, лет сто — сто пятьдесят назад на исследовательском корабле. Предполагалось, что Брауни немного погостят у нас — что-то вроде культурного обмена, — а потом вернуться домой. Но им тут понравилось, и они официально испросили разрешения остаться, после чего мало-помалу разбрелись по Земле, облюбовав себе для обитания леса и используя в них для проживания норы, пещеры, дупла деревьев. — Даниельс озадаченно покачал головой. — Станный народ. Они отказались почти от всех предложенных людьми льгот, не пожелали иметь ничего общего с нашей цивилизацией; культура землян не произвела на них впечатления, но сама планета понравилась. Понравилась как место, где они могли бы жить, но жить, разумеется, на свой лад. Нам не так много известно о них. Цивилизация у Брауни, похоже, высокоразвитая, но совсем не такая, как у нас. Они умны, но исповедуют ценности, отличные от наших. Кое-кто из них, как я понимаю, прибил к семьям или отдельным людям, те их подкармливают и дают одежду. Любопытные взаимоотношения. Брауни для этих людей — вовсе не домашние животные. Вероятно, они служат чем-то вроде талисманов и немного похожи в представлениях землян на настоящих домовых.

— Будь я проклят! — пробормотал Блейк.

— Вы решили, что ваш Брауни — очередная галлюцинация?

— Да. Я все время ждал, что он уйдет. Просто исчезнет. А он не исчезал. Сидел, ел, смахивал с бакен-

бред крошки и подсказывал мне, куда забрасывать мух. «Вон туда, туда! — говорил Брауни. — Там большая форель! Между тем водоворотом и берегом!» И там действительно оказывалась большая форель. Похоже, он знал, где искать рыбу.

— Так Брауни благодарил вас за угощение. Не удивлюсь, если он и в самом деле знал, — сказал Даниельс. — Как я уже говорил, мы мало знаем о Брауни. Вероятно, они обладают способностями, которых не хватает нам. Может быть, одна из них и состоит в том, что они знают, где прячется рыба. — Он бросил на Блейка пыливый взгляд. — Вам никогда не приходилось слышать о домовых? О настоящих домовых?

— Нет, никогда.

— Думаю, это обстоятельство многое проясняет. Будь вы тогда на Земле, вы бы о них слышали.

— Может быть, и слышал, но не помню.

— Не думаю. Их появление, судя по письменным источникам тех времен, произвело огромное впечатление на общество. Вы бы вспомнили, если бы слышали о них. Такое событие должно было глубоко отпечататься в памяти.

— У нас есть и другие временные вехи, — сказал Блейк. — Наряды, которые мы носим, мне в новинку. Туники, шорты, сандалии... Я вспоминаю, что сам носил какие-то брюки и короткую куртку. А корабли? Гравитационные решетки мне незнакомы. Я вспоминаю, что мы использовали ядерную энергию.

— Мы и сейчас ее используем.

— Да, но теперь она служит лишь вспомогательным средством для достижения больших ускорений. Основную энергию получают в результате преобразования гравитационных сил.

— Но ведь существует еще множество незнакомых вам вещей, — сказал Даниельс. — Дома...

— Поначалу они чуть не свели меня с ума, — сказал Блейк. — Но не это беспокоит меня больше всего. Я осознаю все происходящее до какого-то момента, потом наступает провал, причем он длится строго определенное время. И наконец я снова прихожу в себя. И не помню ничего из того, что происходит во время провалов, хотя убежден, что какие-то события происходят. Но я не имею о них ни малейшего представления. Может быть, у вас есть какие-то идеи?

— Честно говоря, нет, — ответил Даниельс. — Два связанных с вами обстоятельства... как бы это лучше выразиться... смущают меня. Первое: ваше физическое состояние. Выглядите вы лет на тридцать — тридцать пять. Но ваше тело — тело юноши. Никаких признаков начала увядания. А если так, почему у вас лицо тридцатилетнего?

— А второе обстоятельство? Вы говорили, что их два.

— Второе? Ваша электроэнцефалограмма имеет странный вид. Главные линии мозга на ней присутствуют, и их можно различить. Но есть и еще что-то. Картина почти такая... Даже и не знаю, как вам сказать... Почти такая, словно на ваши линии наложены другие. Слишком слабые линии. Вероятно, их можно назвать вспомогательными. Они видны, но не очень выражены.

— Что вы хотите сказать, доктор? Что я не в своем уме? Это, во всяком случае, объясняет галлюцинации. Выходит, они действительно существуют?

Даниельс покачал головой.

— Нет, не то. Но картина странная. Никаких признаков заболевания. Никаких свидетельств умственного расстройства. Очевидно, ваш разум так же здоров и нормален, как ваше тело. Но энцефалограмма такая, как если бы у вас был не один мозг, а больше. Хотя мы знаем, что он один. Рентген показал это.

— Вы уверены, что я человек?

— Ваше тело отвечает на этот вопрос положительно. А почему вы спросили?

— Не знаю, — проговорил Блейк. — Вы нашли меня в космосе. Я прибыл из космоса...

— Понимаю, — сказал Даниельс. — Забудьте об этом. У нас нет ни малейших оснований считать вас нечеловеком. Подавляющее большинство признаков говорит за то, что вы — человек.

— И что же мне делать теперь? Возвращаться домой и ждать новых...

— Не сейчас, — ответил Даниельс. — Мы хотели бы, чтобы вы немного погостили у нас. Еще несколько дней. Если вы согласны.

— Опять тесты?

— Возможно. Я хотел бы поговорить кое с кем из коллег, показать вас им. Может быть, они сумеют что-то предложить. Но главная причина, по которой я просил бы вас остаться, — новое обследование...

Выдержка из протокола сенатского расследования (округ Вашингтон, Северная Америка) по вопросу о биоинженерной программе как основе политики колонизации других солнечных систем:

ПИТЕР ДОУТИ, адвокат комиссии. Ваше имя — Остин Люкас?

ДОКТОР ЛЮКАС. Да, сэр. Я живу в Тенафлас, Нью-Джерси, и работаю в «Байолоджикс инкорпорейтед», в Нью-Йорк-Сити, на Манхеттене.

МИСТЕР ДОУТИ. Вы возглавляете научно-исследовательский отдел этой компании, не так ли?

ДОКТОР ЛЮКАС. Я руководитель одной из исследовательских программ.

МИСТЕР ДОУТИ. И эта программа касается биоинженерии?

ДОКТОР ЛЮКАС. Да, сэр. Сейчас нас особенно интересует проблема выведения многоцелевых сельскохозяйственных животных.

МИСТЕР ДОУТИ. Будьте добры объяснить.

ДОКТОР ЛЮКАС. С радостью. Наша задача — вывести животное — поставщика сразу нескольких видов мяса, молока, шерсти, меха или шетины, а возможно, и всего этого вместе. Мы надеемся, что оно сможет замнить всех тех многочисленных животных, которых человек разводил со времен неолита.

СЕНАТОР СТОУН. И вы, доктор Люкас, как я понимаю, имеете некоторые основания считать, что ваши исследования принесут какую-то практическую пользу?

ДОКТОР ЛЮКАС. Да, имею. Я бы сказал, что с главными задачами мы уже справились. Мы получили стадо таких животных и теперь занимаемся доводкой.

СЕНАТОР СТОУН. И здесь вы тоже имеете определенную надежду на успех?

ДОКТОР ЛЮКАС. Мы работаем с большим воодушевлением.

СЕНАТОР СТОУН. А теперь, доктор, позвольте спросить вас о другом. Биоинженерия на уровне животных вами освоена. А можно ли проделать то же самое с человеческим существом?

ДОКТОР ЛЮКАС. Да, разумеется можно.

СЕНАТОР СТОУН. Вы уверены, что в лаборатории можно создать новый тип человека? Может быть, даже много разных типов?

ДОКТОР ЛЮКАС. Я в этом не сомневаюсь.

СЕНАТОР СТОУН. Вы можете сконструировать существо, способное жить в условиях практически любой планеты?

ДОКТОР ЛЮКАС. Должен со всей ясностью заявить, что не могу. Биоинженерия человека — не моя область. Но вообще это доступно науке нынешнего уровня. Сегодня этой задачей заняты люди, способные ее решить. Не сказал бы, что сейчас предпринимается серьезная попытка создать такого человека, но пути решения проблемы выработаны.

СЕНАТОР СТОУН. И процесс тоже разработан?

ДОКТОР ЛЮКАС. Как я понимаю, да. И процесс.

СЕНАТОР СТОУН. Тогда позвольте спросить вас, доктор... Если такое живое существо будет создано, останется ли оно человеком?

ДОКТОР ЛЮКАС. В основе своей, насколько это возможно, оно будет иметь биологические и умственные черты человеческого существа. С чего-то ведь нужно начинать.

СЕНАТОР СТОУН. Будет ли оно выглядеть как человеческое существо?

ДОКТОР ЛЮКАС. Во многих случаях нет.

СЕНАТОР СТОУН. Вернее сказать, в большинстве случаев.

СЕНАТОР ГОРТОН. Э... гм... доктор Люкас, давайте согласимся с сенатором Стоуном в том, что вид такого создания может внушить ужас. Однако его наружность, по-моему, не имеет отношения к обсуждаемому вопросу. Главное в том, что представляет собой это создание. Вы согласны?

ДОКТОР ЛЮКАС. Горячо поддерживаю вас, сэр.

СЕНАТОР ГОРТОН. Если оставить в стороне внешность создания, можете ли вы сказать, что оно по-прежнему останется человеческим существом?

ДОКТОР ЛЮКАС. Да, сенатор, могу. Строение тела существа не будет иметь отношения к его сути. Носителем признаков будет мозг. Разум, побуждения, мировоззрение.

СЕНАТОР ГОРТОН. Доктор, не знаете ли вы случайно, было такое существо когда-либо создано или нет? Под существом я имею в виду синтетическое человеческое существо.

ДОКТОР ЛЮКАС. Да. Около двухсот лет назад были созданы два таких существа. Но есть некоторая разница...

СЕНАТОР СТОУН. Минутку! Вы говорите о том древнем мифе, который мы время от времени слышим...

ДОКТОР ЛЮКАС. Это не миф, сенатор.

СЕНАТОР СТОУН. Вы можете подтвердить свое заявление документально?

ДОКТОР ЛЮКАС. Лет десять назад, когда я вел исследования для диссертации, я попросил доступа к некоторым делам в Космической Службе. Видите ли, сенатор, я занимался проверкой того, что вы называете мифом. Об этом мало кто знал. Но меня заинтересовало, миф это или нечто более основательное.

СЕНАТОР ГОРТОН. И вам предоставили возможность ознакомиться с документами?

ДОКТОР ЛЮКАС. Ну, не сразу. Космическая Служба пошла на это с... скажем, с неохотой. Наконец я стал твердить, что дело двухсотлетней давности не требует допуска. Не скрою, что мне нелегко было заставить их увидеть логику в моих доводах.

СЕНАТОР ГОРТОН. Однако в конце концов ваша взяла?

ДОКТОР ЛЮКАС. Да, в конце концов. С немалой поддержкой компетентных лиц. Видите ли, когда-то эти документы были снабжены грифом высшего уровня секретности. Формально они еще не рассекречены. Пришлось немало поспорить, чтобы все увидели нелепость такого положения...

СЕНАТОР СТОУН. Минутку, доктор, один вопрос. Вы говорите, что вас поддерживали.

ДОКТОР ЛЮКАС. Да.

СЕНАТОР СТОУН. Может быть, в значительной степени эта поддержка исходила от сенатора Гортон?

СЕНАТОР ГОРТОН. Поскольку вопрос имеет отношение ко мне, я с согласия доктора Люкаса отвечу на него. Я с радостью признаю, что оказал ему кое-какую помощь.

СЕНАТОР СТОУН. Хорошо, это все, что я хотел узнать. Именно так это и будет запротоколировано.

СЕНАТОР ГОРТОН. Доктор Люкас, продолжайте, пожалуйста.

ДОКТОР ЛЮКАС. Из бумаг явствовало, что двести двадцать один год назад, точнее говоря, в 2266 году, были созданы два синтетических существа. Они имели телесную оболочку людей, но конструировались для очень специфической цели: их планировалось использовать для первичных контактов с жизнью на других пла-

нетах, погрузив на исследовательские и разведывательные звездолеты и отправив собирать данные о господствующих формах жизни в космосе.

СЕНАТОР ГОРТОН. Доктор Люкас, а как — пока без излишних подробностей, — как именно они должны были выполнить ту работу, для которой предназначались? Вы можете нам это сказать?

ДОКТОР ЛЮКАС. Не уверен, что смогу выразиться с полной ясностью, но попробую. Синтетические люди обладали высокой приспособляемостью. За неимением лучшего термина их можно охарактеризовать словом «пластичные». В них была реализована концепция незамкнутых цепей, которая не могла быть разработана раньше, чем за десять лет до этих событий.

СЕНАТОР ГОРТОН. Может быть, вы пока расскажете нам, что должны были делать эти тела, и не будете углубляться в принципы, по которым они создавались?

ДОКТОР ЛЮКАС. То есть как они должны были функционировать?

СЕНАТОР ГОРТОН. Да, если можно.

ДОКТОР ЛЮКАС. Идея была простой: после того как исследовательский корабль садился на планету, один из представителей высшей формы жизни этой планеты захватывался и внимательно изучался. Я думаю, вы знакомы с процессом биологического сканирования. Все параметры, делающие существо таким, какое оно есть, — строение, химия, обмен веществ — строго определены. Данные вводятся в память, после чего передаются синтетическому человеческому существу, и оно благодаря уникальному биологическому принципу незамкнутых цепей превращается в точную копию существа, параметры которого записаны на пленках. Процесс должен быть быстротечным: любая заминка может все погубить. Должно быть, это жуткое зрелище — почти мгновенное превращение человеческого существа в инопланетное создание.

СЕНАТОР ГОРТОН. Вы говорите, что человек превратится в инопланетное создание. Значит ли это, что превращение будет всеобъемлющим — мыслительным, интеллектуальным, если тут подходит этот термин, так же, как и...

ДОКТОР ЛЮКАС. Человек превратится в это создание. Не вообще в инопланетное создание, а в точную копию именно того создания, которое послужило образ-

цом, понимаете? У него будут разум и память этого существа. Оно сможет немедленно продолжить работу, которую делало инопланетное существо, с того момента, когда оно прервало ее. Оказавшись за пределами корабля, оно сможет отыскать приятелей инопланетного существа, присоединиться к ним и провести исследование...

СЕНАТОР ГОРТОН. Вы хотите сказать, что оно по-прежнему будет обладать и человеческим разумом?

ДОКТОР ЛЮКАС. Трудно сказать. Человеческое мышление, воспоминания, индивидуальность — все это останется, хотя, вероятно, в очень выхолощенной форме, и будет существовать как нечто подсознательное, но способное к быстрому включению в сознание. Существу будет задан мысленный приказ вернуться на корабль через определенное время и сразу же по возвращении принять человеческий облик. Приняв его, создание сможет вспомнить свое существование в инопланетном обличье, и данные, получить которые иным путем, вероятно, было бы невозможно, станут доступны исследованию.

СЕНАТОР ГОРТОН. А можно спросить, вышло ли из этого что-нибудь?

ДОКТОР ЛЮКАС. Трудно сказать, сэр. Отчетов о результатах нет. Есть записи, свидетельствующие о том, что они — оба эти существа — были отправлены в космос. Но потом — молчание.

СЕНАТОР ГОРТОН. По вашим предположениям, с ними что-то стряслось?

ДОКТОР ЛЮКАС. Да, возможно. Нам этого никак не узнать.

СЕНАТОР ГОРТОН. Может быть, существа оказались недееспособными?

ДОКТОР ЛЮКАС. О нет, свои функции они бы выполнили. Не было никаких причин, мешавших им действовать так, как запланировано. Они просто не могли не работать.

СЕНАТОР ГОРТОН. Я задаю все эти вопросы, потому что знаю: если их не задам я, это сделает мой уважаемый коллега. А теперь позвольте спросить вас о том, о чем он бы не спросил: может ли такой псевдочеловек быть создан сегодня?

ДОКТОР ЛЮКАС. Да. Располагая проектом, мы можем создать его без малейшего труда.

СЕНАТОР ГОРТОН. Однако другие экземпляры не создавались, насколько вам известно?

ДОКТОР ЛЮКАС. Насколько мне известно, нет.

СЕНАТОР ГОРТОН. Не согласились бы вы предложить...

ДОКТОР ЛЮКАС. Нет, сенатор, не согласился бы.

СЕНАТОР СТОУН. Простите, что перебиваю вас. Доктор Люкас, у вас есть какой-либо описательный термин для процесса, применяемого при изготовлении такого рода людей?

ДОКТОР ЛЮКАС. Да, есть. Он называется принцип оборотня.

На стоянке с противоположной стороны улицы какой-то мужчина вынес из дома кадку и поставил ее во внутреннем дворике у края бассейна. В кадке было дерево, и, когда человек опустил ее на землю и пошел прочь, дерево зазвенело, словно множество веселых серебряных бубенцов.

Блейк, который сидел на стуле, закутавшись в халат в оранжевую полоску, оперся локтями о перила балкона и, напрягая глаза, стал смотреть с высоты пятого этажа на деревце, чтобы убедиться в том, что звон исходит действительно от него.

Вашингтон дремал в голубой дымке раннего октябрьского вечера. Несколько наземных машин проехали по бульвару под окнами, мягко «вдыхая» своими воздушными соплами. Вдалеке над Потомаком покачивалось несколько леталок — летающих стульев с сидящими на них людьми. Дома на стоянке стояли ровными рядами; перед каждым раскинулась сочная зеленая лужайка с клумбами в ярких осенних цветах; поблескивали голубые бассейны. Перегнувшись через перила и вытянув шею, Блейк едва-едва смог разглядеть свой собственный дом на бульваре, стоявший в глубине, в третьем ряду от мостовой.

Ближайшим соседом Блейка на веранде солярия был пожилой мужчина, по самые уши закутанный в толстое красное одеяло. Он невидящими глазами смотрел в пустоту за занавесом и что-то бормотал. Неподалеку двое пациентов играли в какую-то настольную игру. Кажется, в шашки.

Служащий солярия торопливым шагом пересек веранду.

— Мистер Блейк, к вам пришли, — сообщил он.

Блейк встал и обернулся. В дверях веранды стояла

высокая темноволосая женщина в бледно-розовой пачке на ткани с шелковым блеском.

— Это мисс Гортон, — сказал Блейк. — Пожалуйста, пригласите ее.

Она пересекла веранду и протянула ему руку.

— А я вчера ездила в вашу деревушку, — сказала она, — и обнаружила, что вас там нет.

— Жаль, что не застали меня, — произнес Блейк. — Присаживайтесь.

Она уселась в кресло, а Блейк взгромоздился на перила.

— Вы с отцом в Вашингтоне, — сказал он. — Эти слушания...

Она кивнула.

— Да, они начались сегодня утром.

— Вы, наверное, посетите несколько заседаний?

— Наверное, — подтвердила она. — Хотя это довольно тягостное зрелище. Больно смотреть, как твоему отцу задают хорошую взбучку. Я, конечно, восторгаюсь тем, как он борется за то, во что верит, но мне бы хотелось, чтобы иногда он выступал и за то, что одобряет наша общественность. Увы, сенатор почти никогда не делает этого. Вечно он на стороне тех, кого публика считает неправым. А на этот раз отец может серьезно пострадать.

— Вы имеете в виду принцип Единогласия? Не далее как позавчера я что-то читал об этом. По-моему, глупое правило.

— Возможно, — согласилась она. — Но именно так обстоит дело. Из-за него власть большинства натывается на совершенно ненужные ограничения. Если сенатору придется удалиться от общественной деятельности, это его убьет. Она для него суть и смысл всей жизни.

— Мне очень понравился ваш отец, — сказал Блейк. — В нем есть что-то от самой природы, что-то гармонирующее с тем домом, в котором вы живете.

— Вы хотите сказать, некоторая старомодность?

— Ну, может быть. Хотя это не совсем точное слово. В нем чувствуется какая-то основательность и вместе с тем одержимость и очевидная самоотверженность...

— О, да, — проговорила она, — самоотверженность в нем есть, и это достойно восхищения. Думаю, что большинство людей в восторге от него, но он вечно как-то умудряется их рассердить, указывая им на их ошибки.

Блейк рассмеялся.

— Насколько я знаю, это самый верный способ кого-то рассердить.

— Возможно, — согласилась Элин. — Ну а вы как?

— У меня все хорошо, — сказал он. — Здесь я нахожусь без какой-либо определенной причины. А перед вашим приходом сидел и слушал, как звенит дерево. Будто много-много колокольчиков. Я ушам своим не поверил. Какой-то человек на той стороне улицы вынес из дома деревце, поставил рядом с бассейном, и оно зазвенело.

Она подалась вперед и посмотрела туда, куда показывал Блейк. Деревце залилось серебристой бубенцовой трелью.

— Это монастырское деревце, — сказала она. — Их не так уж и много. Несколько штук завезли с какой-то далекой планеты. Не могу припомнить, как она называется.

— Я без конца сталкиваюсь с совершенно незнакомыми мне вещами, — признался Блейк. — С вещами, которых никогда прежде не знал. И начинаю бояться, что у меня опять галлюцинации.

— Как в тот раз, когда вы подошли к нашему дому?

— Совершенно верно. Я до сих пор не знаю, что случилось в ту ночь. Этому нет объяснения.

— Врачи...

— От врачей, похоже, мало проку. Они в такой же растерянности, как и я.

— Вы рассказали об этом своему врачу?

— Да нет, не рассказывал. У бедняги и так хлопот полон рот. Ну, добавился бы еще один фактик...

— Но он может иметь большое значение.

— Не знаю, — ответил Блейк.

— Кажется, будто вам все это почти безразлично, — сказала Элин Гортон. — Будто вам вовсе не хочется выяснить, что же с вами случилось. А может, просто страшитесь это узнать?

Блейк бросил на нее настороженный взгляд.

— У меня несколько иное мнение на этот счет, — сказал он. — Но может статься, что вы правы.

Доносившийся с противоположной стороны улицы звон стал другим: многоголосая трель серебряных бубенцов сменилась звучным и дерзким боем большого набата, тревожно плывшим над крышами древнего города....

В тоннеле волнами разливался страх. Все вокруг было пропитано запахами и голосами другой планеты. Лучи света скользили по стенам, а пол под ногами был твердым, как камень.

Существо скрючилось и захныкало, чувствуя, как напряжена каждая мышца, как в каждый нерв вгрызается этот парализующий ужас. Тоннель тянулся и тянулся вперед, и выхода не было. Все, это конец. Ловушка. Как оно сюда попало? Куда сюда? Неизвестно куда и уж конечно не по своей воле. Его поймали и зашвырнули сюда, и никакого объяснения этому не было.

Да, оно помнило какое-то прошлое, и тогда было сыро и жарко, и темно, и все заполняло неприятное чувство, что по нему ползает множество крошечных живых организмов. А теперь было жарко, и светло, и сухо, а вместо них он ощущал вдалеке присутствие более крупных существ, и мысли их громовыми барабанными ударами отдавались у него в мозгу.

Разогнувшись наполовину и царапая когтями по твердому полу, существо обернулось. Позади, так же, как впереди, тоннель уходил в бесконечность. Замокнутое пространство, в котором не было звезд. Зато был разговор: мысленный разговор, и глухо шуршащий разговор с помощью звуков — сбивчивый, путаный, расплывчатый разговор, который вспухал пеной, и сыпал искрами, и не имел ни глубины, ни смысла...

Мир — тоннель, в ужасе подумало существо, узкое замкнутое пространство, пропитанное зловонием, насыщенное бессмысленной речью, бурлящее страхом и не имеющее конца.

Существо видело, что в тоннеле имелись отверстия. Они вели, несомненно, в другие такие же тоннели без конца и начала.

Из одного из дальних отверстий появилось огромное, жуткое, нелепое создание. Оно с цокающим звуком шагнуло в тоннель, повернулось к нему и завизжало. Волна невыносимого страха вздыбилась в мозгу этого уродливого создания и заполнила его разум. Создание развернулось и очень быстро побежало прочь.

Существо вскочило, царапая когтями по жесткой поверхности, и метнулось к ближайшему отверстию, уходящему прочь от этого тоннеля. В его теле паника судорогой свела внутренности, разум затащило парализующей дымкой испуга, и откуда-то сверху тяжелым грузом обрушилась темнота.

В тот же миг оно перестало быть собой, оно находилось теперь не в тоннеле, а у себя в теплой уютной темноте, служившей ему тюрьмой.

Блейк резко затормозил бег в нескольких шагах от койки и, останавливаясь, удивился, что бежит и что его больничная рубашка лежит на полу, а он стоит в комнате голым. И тут что-то щелкнуло у него в голове, словно треснула слишком тугая оболочка, и все знание открылось ему — о тоннеле, и об испуге, и о двух других существах, которые составляли с ним единое целое.

Внезапно ослабев от нахлынувшей радости, Блейк опустился на кровать. Он вновь обрел цельность, стал тем существом, каким был прежде. И теперь Блейк уже не один — с ним были те двое. И они ответили ему — не словами, а мысленным дружеским похлопыванием по плечу. (Колючие, холодные звезды над пустыней, в которой нет ничего, кроме песчаных дюн и снега. Мысль, протянувшаяся к звездам и черпающая в них знание. Жаркое, окутанное паром болото. Длинная, тяжелая лента информации, свернувшаяся внутри пирамиды биологического компьютера. Три хранилища мысли, мгновенно сливающиеся в одно. Соприкосновение разумов.)

— Оно побежало, увидев меня, — сказал Охотник. — Скоро придут другие.

— Это твоя планета, Оборотень. Ты знаешь, что делать.

— Верно, Мыслитель, планета моя. Но то, что известно мне, знаете и вы. Знание общее.

— Но тебе решать, что делать.

— Возможно, они еще не разобрались, что это был я, — сказал Оборотень. — Пока. Возможно, у нас есть немного времени.

— Совсем немного.

Он прав, подумал Блейк. Времени почти нет. Медсестра, с визгом несущаяся по коридору, — на ее вопли выбегут все: санитары, другие сестры, врачи, нянечки, повара. Через считанные минуты переполох охватит всю больницу.

— Все дело в том, — сказал он, — что Охотник слишком уж похож на волка.

— Твое определение, — отозвался Охотник, — подразумевает существо, которое питается другими существами. Но ты же знаешь, я не способен...

— Конечно нет, — ответил себе Блейк. — Но они-то думают по-другому. Когда они видят тебя, ты кажешь-

эл им волком. Как той ночью перед домом сенатора, когда сторож увидел твой силуэт при вспышке молнии. Он действовал инстинктивно — сработал комплекс старинных преданий о волках.

— А если кто-нибудь увидит Мыслителя, как он станет действовать? Что с нами будет? — спросил Охотник. — Я высвобождался дважды, Оборотень, и в первый раз было сыро и темно, а в другой — светло и тесно.

— А я высвободился только раз, — сказал Мыслитель, — и не смог функционировать.

— Тихо! — вслух произнес Блейк. — Тихо. Дайте подумать.

Во-первых, здесь находился он сам, человек — искусственный человек, андроид, изготовленный в лаборатории, неограниченная вариабельность, принцип оборотня, гибкость — интеллектуальная и биологическая, — которая сделала его таким, каков он сейчас. Человек. Такой же человек, как все, не считая происхождения. И преимуществ, обыкновенному человеку недоступных. Иммуитет к болезням, аутогенное лечение, самовосстановление. Человек, такой же, как и все люди, с разумом, чувствами, физиологией. Но при этом и инструмент — человек, спроектированный для определенной задачи. Лазутчик во взнезменные формы жизни. И наделенный столь уравновешенной психикой, столь незыблемой логикой, столь поразительной способностью приспособляться и проникать в них, что его разум в состоянии вынести без ущерба то, что испепелило и в ключья разнесло бы любой другой разум — трансформацию в инопланетное существо с его телом, мозгом, эмоциями.

Во-вторых, здесь был Мыслитель (можно ли подобрать ему какое-либо другое имя?) — бесформенная плоть, способная по желанию принимать любую форму, но в силу давней привычки предпочитающая форму пирамиды как оптимальную для жизнедеятельности. Обитатель яростного первобытного мира на покрытой болотами планете, купающейся в потоках тепла и энергии новорожденного солнца. Чудовищные существа ползали, плавали, бродили в этом краю болот, но Мыслители не знали страха, как не знали и необходимости чего-либо бояться. Черпая жизненную квинтэссенцию из энергетических штормов, бушующих на планете, они обладали уникальной системой защиты — покрывалом из взаимозамыкающихся силовых линий, которое отгораживало их от пружорливого внешнего мира. Они раз-

мышляли о существовании, и никогда — о жизни или смерти, поскольку в их памяти не хранилось воспоминаний ни о рождениях, ни о смертях кого-либо из них. Грубые физические силы при определенных обстоятельствах могли расчленивать их, разорвать плоть, но тогда из каждого обрывка плоти, несущего генетическую информацию о всем существе, вырастал новый Мыслитель. Впрочем, этого тоже никогда не случалось, но данные о такой возможности и ее последствиях составляли информационную основу разума каждого Мыслителя.

Оборотень и Мыслитель. И Оборотень стал Мыслителем — ухищрениями и игрой ума другого мыслящего племени, обитающего в сотнях световых лет отсюда. Искусственный человек превратился в другое существо, перенеся его способности мышления, его взгляды на жизнь, физиологию и психику. Став им, он сохранил достаточно от человека — частицу человеческой сути, которую он свернул в тугую пружину и спрятал от жуткого и сурового величия того существа, в которое перевоплотился. И укрыл ее мысленной броней, встроенной в него на планете, настолько далекой от этой точки пространства, что даже солнца ее невозможно было разглядеть.

Спрятал, но не навсегда. Скорее, временно убрал в потайные уголки разума, который составлял Я этого инопланетного существа. Ему предстояло быть им, и человеческая суть его затаилась в глубине жесткой неземной плоти и загадочного сознания. Но в свое время, когда первый страх осядет и забудется, когда придет умение жить в этом новом теле на другой планете, человеческий разум займет должное место и наполнится, насладится всепоглощающим восторгом нового опыта — состояния, когда два разума сосуществуют рядом, не требуя подчинения, не соревнуясь, не пытаясь выгадать что-то для себя за счет другого, поскольку оба отныне принадлежат к сообществу, которое оказывается не просто сообществом людей или созданий из страны болот, но и тем и другим, слившимся воедино.

Солнечные лучи падали на поверхность планеты, тело Мыслителя впитывало энергию, и болото было замечательным местом, поскольку для пирамидального существа оно стало домом. Можно было ощутить, исследовать, познать новую жизнь, удивиться ей и порадоваться.

Имелось и любимое Место для Размышлений, и любимая Мысль, а иногда случалось и мимолетное обще-

ше с другими соплеменниками, встреча разумов, краткая, как прикосновение руки в темноте. В общении не было необходимости: каждый из Мыслителей обладал исчерпывающим набором качеств, делающим контакт с себе подобными ненужным.

Время, равно как и пространство, не имело никакого значения, за исключением тех случаев, когда или время, или пространство, или то и другое вместе становились объектом Мысли. Ибо Мысль была всем — и смыслом существования, и целью, и призванием, направленность ее не подразумевала какого-либо окончания, будь то даже и завершение самой себя, поскольку у нее не могло быть конца. Но теперь время сделалось одним из важных факторов, разум человека был сориентирован на определенное время возвращения, и, когда оно наступило, человек из Мыслителя снова стал человеком и вернулся. Собранная им информация легла в центр памяти, а корабль снова рванулся в космос, продолжая полет.

Затем была еще одна планета, и еще одно существо, и Оборотень превратился в это существо, как раньше в Мыслителя, и отправился путешествовать по планете в новом обличье.

Если предыдущая планета была жаркой и влажной, то здесь было холодно и сухо, далекое солнце едва светило, а звезды блестели в безоблачном небе, как алмазы. Белая пыль из песка и снега покрывала поверхность планеты, и порывистый ветер сметал ее в аккумулятивные дюны.

Теперь человеческий разум перешел в тело Охотника, который несся в стае через замерзшие равнины и скалистые края и испытывал от этого бега под звездными россыпями и лунными фонарями языческое наслаждение, выискивая святилища, откуда с незапамятных времен его предки вели разговор со звездами. Но это была лишь традиция — картины, которые бессознательно транслировали бесчисленные цивилизации, обитающие в других солнечных системах, Охотники могли улавливать в любое время и в любом месте.

Не понимая этих картин и даже не пытаясь понять, они просто ловили их и хранили в воспоминаниях ради эстетического удовольствия. Так же и человек, думал человек в теле Охотника, может бродить по художественной выставке, останавливаясь и вглядываясь в те полотна, чьи краски и композиция беззвучно провозглаша-

ли истину — истину, которую не выразишь в словах и которую не надо выражать в словах.

Человеческий разум в теле Охотника — и еще один разум, разум, который вдруг неожиданно выполз оттуда, где его не должно было быть, который должен был исчезнуть после того, как человеческое сознание покинуло использованную оболочку.

Мудрецы на Земле такого не предполагали, им и в голову не приходило, что освобождение от инопланетного тела не означает освобождения от инопланетного разума, что маску чужого интеллекта, единожды надетую, нельзя так просто снять и выбросить. От этой маски нельзя было избавиться, ее нельзя было сорвать. Память и инопланетное Я невозможно истребить, выскоблить из разума начисто. Они оказались неистребимы. Их можно было загнать глубоко в подсознание вернувшегося в свой естественный облик человека, но снова и снова они выбирались на поверхность.

И потому уже не два существа бежали по долинам плавучих песков и снега, а три — в теле Охотника. И пока Охотник улавливал картины со звезд, Мыслитель впитывал информацию, оценивал ее и, задавая вопросы, отыскивал ответы. словно одновременно работали две отдельные части компьютера: блок памяти, накапливающий информацию, и блок, анализирующий поступающие данные, — работали, дополняя друг друга. Воспринимаемые картины были уже чем-то большим, нежели радующий эстетическое чувство образ, теперь они имели куда более глубокое и серьезное значение, будто на поверхность стола ссыпались со всей Вселенной кусочки головоломки, дожидаясь, пока кто-нибудь не сложит из них узор — множество крошечных разрозненных ключиков к единому всеобъемлющему вселенскому шифру.

Три разума задрожали, замерев на цыпочках на краю разверзшейся перед ними, выворачивающей душу пропасти — вечности. Застыли потрясенные, не в состоянии сразу осознать грандиозность открывавшейся перед ними возможности: протянуть руку и взять, заполнить ответы сразу на все когда-либо заданные вопросы, узнать у звезд разгадку всех их тайн, подставить эти данные в уравнения познания и сказать наконец: «Это есть Вселенная».

Но загудело, сработало реле времени в одном из разумов, вызывая его обратно на корабль. Людям Земли

нельзя было отказать в хитроумии — тело Охотника повернуло назад к кораблю, где оно должно было отделиться от разума искусственного человека, и тогда корабль опять устремится к другим звездам. Чтобы снова, обнаруживая на планетах разумные существа, вселять в их тела человека и из первых рук добывать информацию, которая когда-нибудь позволит человечеству установить с этими существами отношения, наиболее выгодные людям.

Однако когда Охотник вернулся к кораблю, что-то произошло. Сигнал об этом длился какую-то долю секунды, а затем все исчезло. До настоящего момента. Момента полупробуждения — но только одного из всех, пришедшего в себя и очень озадаченного. Но наконец теперь проснулись остальные, и снова все трое были вместе — кровные братья по разуму.

— Оборотень, они нас боялись. Они разгадали нас.

— Да, Охотник. Или подумали, что разгадали. Все они понять не могли, только догадываться.

— Но они не стали ждать,— сказал Охотник.— Предпочли не рисковать. Заметили, что что-то не так, и заперли нас. Просто взяли и заперли.

Из коридора донесся топот бегущих ног. Чей-то голос громко произнес: «Оно вошло туда. Кэти видела, как оно туда вошло».

Топот быстро приближался, учащаясь на поворотах. Тяжело дыша, в дверь ворвались санитары в белых халатах.

— Мистер,— закричал один из них,— вы видели волка?

— Нет,— ответил Блейк.— Я не видел волка.

— Черт побери, происходит что-то странное,— сказал другой санитар.— Кэти врать не станет. Она видела что-то. И от страха чуть...

Первый санитар сделал шаг вперед, с угрозой глядя на Блейка.

— Мистер, не надо с нами шутить. Если это розыгрыш...

Паника охватила два других разума, паника, подобная приливной волне,— паника разумов, поставленных обитателями чужой планеты в опасную ситуацию. Неуверенность, непонимание, невозможность оценить положение...

— Нет!— воскликнул Блейк.— Нет! Не надо, подождите...

Но уже было поздно. Перевоплощение началось, запущенное вцепившимся в мысленные рычаги управления Охотником, и остановить его уже было нельзя.

— Идиоты! — беззвучно закричал Блейк. — Идиоты! Идиоты!

Санитары отпрянули и через дверь вывалились обратно в коридор.

Перед ними, оцетинившись, блестя серебристым мехом в свете лампы, изготовившись к прыжку и обнажив сверкающие клыки, стоял Охотник. Охотник присел и зарычал. Он в западне. В ловушке, из которой нет выхода. Глухая стена и позади, и сбоку. Единственный открытый путь вел вперед, во внешний тоннель, и тоннель этот битком забила стая улюлюкающих инопланетян, передвигающихся на двух задних ногах и завернутых в искусственные шкуры. От их тел исходил резкий запах, а разумы их несли на него мыслительную волну такой силы, что он едва устоял под ее напором. Но не осознанную, контролируемую интеллектом психическую волну, а хаотичную, сорную волну из первобытных инстинктов и предубеждений.

Охотник сделал вперед один медленный шаг, и стая отшатнулась. Их отступление отдалось пьянящим ощущением победы в крови Охотника. Древняя память предков, захороненная в глубинах его мозга, вдруг высвободилась, развернулась в горделивое знамя воина, урчание, клокодавшее в его горле, загрохотало раскатами дикой ярости — и звук этот, врезавшись во вражескую стаю, рассеял, опрокинул ее.

И тогда Охотник ринулся в тоннель и там быстро повернул направо. Одно из существ, прижавшихся к стене, бросилось на него с каким-то занесенным над головой оружием. Одним броском Охотник опередил нападение. Короткое движение массивной головы, молниеносный и жуткий удар клыками по податливой плоти — и существо с воплем рухнуло на пол.

Охотник развернулся, чтобы встретить преследующих его существ. Оставляя когтями глубокие царапины на полу, он двинулся на стаю.

Теперь уже все существа, за исключением тех, что лежали на полу, бросились прочь от Охотника. Охотник остановился и присел. Затем задрал голову и издал протяжный трубный звук — клич победы и вызова, древний, до сего момента неизвестный ему клич предков, ко-

торым давным-давно оглашались плавучие пески и снега родной далекой планеты.

Тоннель очистился, и в нем уже не было странного вдовония, как в том месте, где он очнулся; напротив, запахи сухого чистого воздуха напомнили ароматы дома... Тех мест, где когда-то роса древних воинов, его роса, билась не на жизнь, а на смерть с ныне почти забытыми чешуйчатými созданиями, которые оспаривали у Охотников власть над планетой.

А затем запахи тоннеля, и его теснота, и резкость ярких огней, отражаемых стенами, развеяли ощущение другого времени и места, и он снова встал и неуверенно огляделся. Где-то вдалеке сбегались двуногие существа, и воздух стал пасмурным и вязким от обрывков мыслей, потоками накатывающихся со всех сторон.

— Оборотень!

— К лестнице, Охотник. Пробирайся к лестнице.

— Лестнице?

— Дверь. Закрытое отверстие. То, над которым надпись. Маленький квадратик с красными буквами.

— Вижу. Но дверь твердая.

— Толкни ее. Она откроется. Толкай руками, а не телом. Не забудь — руками. Ты так редко ими пользуешься, что забываешь о них вообще.

Охотник прыгнул к двери.

— Руками, болван! Руками!

Охотник ударил дверь телом. Она поддалась, и он быстро проскользнул в щель. Теперь Охотник находился в небольшой комнате, и через пол этой комнатки вниз уходила дорожка из узких уступов. Должно быть, это и есть лестница. Он двинулся по ней, наступая на ступеньки сперва осторожно, потом, приноровившись, все быстрее. Они привели его в другую комнатку, где тоже были ступеньки.

— Оборотень!

— Вниз, вниз. Ты должен пройти три такие лестницы. Затем через дверь выйти в комнату, большую комнату. В ней будет много существ. Иди прямо, никуда не сворачивая, пока слева не увидишь большое отверстие. Пройдешь в него и окажешься на улице.

— Улице?

— На поверхности планеты. Надо выбраться из пещеры, где мы сейчас находимся. Пещеры здесь располагаются на поверхности.

Охотник двинулся вниз по лестнице. От каждого

предмета, от каждого квадратного сантиметра пола отдавало густым металлическим привкусом страха.

«Если мы отсюда выберемся,— думал Охотник, — если мы только отсюда выберемся...»

Он почувствовал, как по коже набухающей тяжестью неуверенности и сомнения ползут мурашки страха.

— Оборотень?

— Вперед, вперед. У тебя отлично получается.

Охотник сбежал по третьей лестнице и остановился перед дверью.

Он встал в боевую стойку, выдвинул руки. Затем сгруппировался и бросился на дверь.

— Оборотень, слева? Отверстие будет слева?

— Да.

Вытянутые руки Охотника ударили в дверь и распахнули ее. Его тело, словно снаряд из катапульты, влетело в помещение, в котором были и испуганные вопли, и широко открытые рты, и быстро передвигающиеся существа, и отверстие слева. Развернувшись, он бросился туда. Снаружи в этот проход входила новая стая существ — странных созданий, населяющих эту планету, одетых в искусственные шкуры. Они тоже закричали на него, подняли зажатые в руках черные предметы, и оттуда брызнули резкие вспышки огня, струи острых запахов.

Что-то, ударившись о металл совсем рядом с ним, отлетело в сторону с низким гудящим звуком, еще что-то с хрустом вгрызлось в дерево. Но Охотник, уже не мог остановиться. Он ворвался в толпу существ, и тело его вновь вибрировало от раскатов старинного боевого клича. Охотник находился среди врагов какой-то миг, а затем прорвался через стаю и устремился к выходу из огромной пещеры.

Из-за спины доносился треск разрывов, и какие-то маленькие, но тяжелые и очень быстро летящие предметы выбивали осколки из пола, по которому он бежал.

Наверное, сейчас ночь, подумал Охотник, потому что в небе светило множество далеких звезд, но ни одной крупной звезды не было видно, и он обрадовался им, потому что не мог себе представить планету без звездного купола.

И еще были запахи, но уже другие, не столь горькие и резкие, как в здании, а более приятные и мягкие.

Охотник добежал до угла, завернул и, помня слова Оборотня, побежал дальше. Побежал, наслаждаясь

движением, ровным, гладким перекачиванием мускулов, ощущением твердой почвы под подушечками лап.

Только сейчас у него впервые появилась возможность вернуть к себе первые данные об этой планете. Складывалось впечатление, что это весьма оживленное место. И весьма необычное. Например, кто и когда слышал, чтобы планету застилали полом? А здесь пол тянулся от края нещеры вдаль, к горизонту. Пещеры, поднимавшиеся от поверхности ввысь, светились желтыми квадратиками огня. Перед другими, на маленьких огороженных площадках, стояли металлические или каменные изображения обитателей планеты. «Чем это можно объяснить?» — изумлялся Охотник. Может быть, гадал он, когда эти существа умирают, они превращаются в металл или камень и их оставляют стоять там, где они умерли? При этом многие существа, обращенные в металл и камень, были больше натуральной величины. Может быть, создания эти имеют самые разные размеры и превращению в металл или камень подвергаются лишь самые крупные особи?

Живых обитателей планеты, по крайней мере поблизости, было немного. Но по поверхности покрытия двигались, и очень быстро, металлические формы, впереди у них горели глаза. Формы издавали гудящий звук и выбрасывали позади себя струю воздуха. Из них тоже исходили волны мысли и ощущение жизни, но такой жизни, у которой не один, а несколько разумов — и эти волны были тихими и спокойными, а не исполненными ненависти и страха, как те, что окружали его в пещере.

И это казалось удивительным, но Охотник убедил себя, что было бы странно, если бы на планете существовал только один-единственный вид жизни. А пока он обнаружил вид, который передвигался на двух задних ногах и состоял из протоплазмы, и металлические объекты, перемещавшиеся очень быстро и целенаправленно, испускали из глаз лучи света и содержали не один мозг, а несколько. А еще до этого, припомнил Охотник, той сырой жаркой ночью он почуял и множество других форм жизни, почти или совсем не обладающих интеллектом, крохотные узелки материи.

— Охотник!

— Да, Оборотень.

— Справа от тебя деревья. Высокие растения на фоне неба. Беги туда. Деревья помогут нам спрятаться.

Охотник обогнул громаду уходящей в небо пещеры и оказался на широкой твердой полосе, ведущей к деревьям. С мягким шелестом, напоминающим порыв ветра, из темноты вынырнуло одно из металлических созданий с горящими глазами. Изменив направление движения, оно устремилось прямо на него, и тогда Охотник действительно помчался, словно подхваченный волной ужаса. Ноги его мелькали с такой скоростью, что сливались в сплошное пятно, тело скользило над блестящей поверхностью покрытия, уши прижались к голове, а хвост вытянулся позади, будто шлейф от реактивного двигателя.

— Ну, вперед, паршивый волк! — погонял Оборотень. — Быстрее, драный шакал! Давай, бешеная лисица!

Главврач был человеком спокойным и дружелюбным. Трудно представить, чтобы он мог стучать кулаком по столу. Но сейчас он делал именно это.

— Вы мне вот что скажите! — ревел он. — Какой дурак позвонил в полицию? Мы бы и сами с этим разобрались! На кой черт нам полиция?

— Я так полагаю, — сказал Даниельс, — что тот, кто позвонил в полицию, считал, что без этого не обойтись. В коридоре было полно испуганных людей.

— Мы бы о них позаботились, — сказал главврач. — Это наша работа. Мы бы позаботились о них, а потом разобрались бы во всем.

— Поймите, сэр, — сказал Гордон Барнс, — все были перепуганы. Волк в...

Главврач взмахом руки заставил Барнса замолчать и обратился к сиделке:

— Мисс Греггерсон, вы первая увидели эту тварь?

Девушка все еще была бледна и напугана, но кивнула.

— Я вышла из палаты, а он был в коридоре. Волк. Я уронила поднос, закричала и побежала...

— Вы уверены, что это был волк?

— Да, сэр.

— Но откуда такая уверенность? Это ведь могла быть и собака.

— Доктор Уинстон, — сказал Даниельс, — вы пытаетесь все запутать. Какая разница, волк это был или собака?

Главврач сердито зыркнул на него и раздраженно вымахнул рукой.

— Ладно, — сказал он. — Ладно. Будьте любезны выдержаться, доктор Даниельс, я хотел бы побеседовать с вами. Остальные могут идти.

Они остались в комнате вдвоем, другие вышли за дверь.

— А теперь, Майк, — предложил главврач, — давайте присядем и попытаемся договориться до чего-то путного. Блейк был вашим пациентом, не так ли?

— Да. — Вы знакомы с ним, доктор. Это человек, которого нашли в космосе. Замороженным и запрятанным в капсулу.

— Да, знаю, — сказал Уинстон. — Какое он имел отношение ко всему этому?

— Я не уверен, но подозреваю, что он-то и был волком, — ответил Даниельс.

Уинстон поморщился.

— Ну-ну, — сказал он. — Вы ведь не думаете, что я и это поверю. Ваши слова означают, что Блейк скорее всего был оборотнем.

— Вы читали сегодняшние вечерние газеты?

— Нет, не читал. А какая связь между газетами и тем, что тут случилось?

— Возможно, никакой. Но я склоняюсь к мысли... — Даниельс осекся. «Господи, — подумал он, — это чересчур фантастично. Такого просто быть не могло. Хотя только этим и можно объяснить случившееся на третьем этаже час назад».

— Доктор Даниельс, к какой мысли вы склоняетесь? Если у вас есть какие-то сведения, сделайте милость, выкладывайте. Вы, разумеется, понимаете, что это для нас значит. Слишком много славы, и славы дурной. Сенсационной. А больница не может позволить себе сенсационности. И думать не хочу о том, как сейчас все это подается в газетах и по трехмернику. А еще будет и полицейское расследование. Они уже шастают по зданию, беседуют с людьми, с которыми не имеют права беседовать, и задают вопросы, которые лучше бы не задавать. Скорее всего нам теперь не отвертеться от слушаний в Конгрессе. Космическая Служба вцепится нам в глотку, желая узнать, что стряслось с Блейком, с этой их гордостью и детищем. Не могу же я сказать им, Даниельс, что он превратился в волка!

— Не в волка, сэр. А в чуждое нам существо, похо-

жее на волка. Вспомните: полиция утверждала, что это был волк, из плеч которого торчали руки.

— Никто этого не подтвердил,— прорычал главный врач.— Полиция была в панике. Открыть пальбу прямо в вестибюле! Одна из пуль пролетела в каком-то дюйме от сестры приемного покоя и воизилась в стену над самой ее головой. Эти люди были испуганы, говорю я вам. Они и сами не знают, что видели. Что вы там говорили про чуждое существо?

Даниельс глубоко вздохнул.

— Сегодня на слушаниях по вопросам биоинженерии свидетель по имени Люкас показал, что он раскопал старые отчеты, в которых говорится о том, как два столетия назад была изготовлена пара искусственных людей. По его утверждению, бумаги эти он нашел в делах Космической Службы.

— Почему у них? Почему отчеты такого рода...

— Погодите,— сказал Даниельс.— Вы еще не слышали и половины. Эти люди были андроидами с незамкнутыми цепями.

— Господи боже! — вскричал Уинстон. Он смотрел на Даниельса тусклым взглядом.— Давнишний принцип оборотня! Организм, способный превращаться во все, что угодно. Существует древний миф...

— По-видимому, это был не миф,— мрачно произнес Даниельс.— Два андроида действительно были синтезированы и отправлены в космос на исследовательских и разведывательных кораблях.

— И вы думаете, что Блейк — один из них?

— Да, я так думаю. Сегодня Люкас показал, что они улетели, и с тех пор летописи молчат о них. Нет никаких упоминаний об их возвращении.

— Это просто бессмыслица, — возразил Уинстон.— Боже мой, прошло двести лет. Если б тогда сделали исправных андроидов, сейчас мир кишел бы ими. Нельзя же выпустить всего двух, а потом похерить весь проект.

— Можно,— отвечал Даниельс.— Если с этими двумя ничего не получилось. Давайте допустим, что не вернулись не только андронды, но и корабли, на которых они полетели. Может быть, они просто исчезли и больше не подавали о себе вестей. Тогда не только не стали бы делать новых андроидов, но и засунули бы отчет о неудаче подальше. Вряд ли Космослужба хотела, чтобы кто-нибудь докопался до него.

— Но там не могли знать, что исчезновение кораб-

ей как-то связано с андроидами. В старину, да и сейчас, корабли, бывает, не возвращаются.

Даниельс покачал головой.

— Один корабль — возможно. С одним кораблем может случиться все, что угодно. Но два корабля, имеющие нечто общее, два корабля с андроидами на борту... Тут любой сразу предположит, что причиной мог быть андроид. Или что андроид создал какие-то условия...

— Все это не внушает мне доверия. Я не хочу связываться с Космической Службой. Им вряд ли понравится, если мы попытаемся свалить все на них. Так или иначе, я не вижу связи между этой историей и превращением Блейка в волка, как вы считаете.

— Я уже говорил вам, что это не волк, — поправил его Даниельс. — Это инопланетное существо, похожее на волка. Допустим, принцип оборотня сработал не так, как они рассчитывали. Предполагалось, что андроид примет облик инопланетного существа, переработает данные, полученные от плененного инопланетянина, и проживет какое-то время в его шкуре. Потом постороннюю информацию сотрут, и он вновь станет гуманоидом, готовым к превращению во что-нибудь еще. Но допустим, что...

— Понятно, — сказал Уинстон. — Допустим, что это не сработало. Допустим, что постороннюю информацию стереть не удалось. Допустим, что андроид остался одновременно и человеком, и инопланетянином. Два существа в одном, и он по желанию способен становиться любым из них.

— Именно так я и думаю, сэр, — сказал Даниельс. — Но это не все. Мы сняли электроэнцефалограмму Блейка, и она показала, что у него как бы не один разум, а больше. В линиях мозга видны тени других разумов.

Уинстон поднялся из-за стола и принялся мерить шагами комнату.

— Надеюсь, что вы ошибаетесь, — сказал он. — Я думаю, что ошибаетесь. Это безумие...

— Но это единственное, чем можно объяснить случившееся, — настаивал Даниельс.

— Но один факт мы так и не можем объяснить. Блейка нашли замороженным, в капсуле. И никаких следов корабля. Никаких обломков. Как быть с этим?

— Никак, — ответил Даниельс. — Мы не можем знать, что случилось. Говоря об обломках, вы подразумеваете, что корабль был уничтожен, но мы не знаем,

так ли это. Даже если и так, за двести лет обломки разлетелись бы далеко друг от друга. Может, некоторые из них находились недалеко от капсулы, но их не заметили. В космосе так бывает. Если предмет не отражает света, вы его не разглядите.

— Вы думаете, команда могла догадаться о том, что произошло с Блейком, заморозить его и, сунув в капсулу, катапультировать в пространство? Что это была единственная возможность избавиться от него, не замазав рук?

— Не знаю, сэр. У нас слишком широкий простор для догадок, и мы не способны с уверенностью определить, какая из них верна. Если команда поступила так, как вы сказали, и избавилась от Блейка, почему не вернулся корабль? Объяснив одно, вы сталкиваетесь с необходимостью объяснить другое, а потом, возможно, и третье, и четвертое... По-моему, это безнадежное дело.

Уинстон прекратил вышагивать, вернулся к столу и сел в кресло. Он протянул руку к аппарату связи.

— Как звали человека, дававшего показания?

— Люкас. Доктор Люкас. Имени не помню. Оно должно быть в газетах. Оператор на коммутаторе наверняка знает его.

— По-моему, стоит пригласить сюда и сенаторов, если они смогут прийти. Гортон. Чандлер Гортон. А кто второй?

— Соломон Стоун.

— Хорошо, — сказал Уинстон. — Посмотрим, что они об этом думают. Они и Люкас.

— И Космическую Службу, сэр?

— Нет. Не сейчас. Сначала надо узнать побольше, а уж потом связываться с Космослужбой.

Щебенка предательски осыпалась под лапами Охотника, словно не желая пускать его к пещере, но все же ему удалось подняться и втиснуться в щель, а затем и повернуться головой к выходу.

Теперь, когда его бока и спина были защищены, он впервые ощутил себя более или менее в безопасности, при этом отдавая себе отчет, что безопасность его — всего лишь иллюзия. Вполне вероятно, даже сейчас обитатели этой планеты продолжают охоту за ним, и тогда очень скоро они начнут прочесывать этот район. Ведь то металлическое создание — оно наверняка заме-

тало его и неспроста бросилось за ним, рассекая воздух и высвечивая его горящими глазами. От воспоминания о том, как он едва успел укрыться за деревьями, Охотника передернуло. Всего несколько футов отделяло его от страшного существа, еще немного — и оно задавило бы его.

Запущенная планета, подумал Охотник, переполненная жизнью, водой, растительностью, со слишком плотным и тяжелым воздухом и чересчур жарким климатом. Мир, где нет ни покоя, ни безопасности, одно из тех мест, где постоянно надо держать наготове все чувства и где, несмотря на это, неизвестная опасность может проскользнуть через все заслоны и схватить тебя за горло. Приглушенно стонали деревья, и, вслушиваясь в эти звуки, Охотник не мог понять, от чего исходит стон. И, лежа в пещере и размышляя, он понял, что звук этот — шуршание листьев и скрежет ветвей, а сами деревья не способны издавать звуки, что деревья и прочая растительность на этой планете, называемой Землей, наделены жизнью, но не разумом и чувствами. И что пещеры были постройками, и что люди объединялись не в племена, а в ячейки, по признакам пола именуемые семьями, и что постройка, в которой живет семья, называется домом.

Информация нахлынула на него, словно цунами, сомкнулась над ним, и, на миг поддавшись панике, он вдруг почувствовал, что тонет в ней, но напрягся, рванулся наверх — и волна исчезла. Однако в его разуме осталось все знание о планете, каждый бит информации, которой владел Оборотень.

— Извини, — сказал Оборотень. — Следовало бы передать тебе все постепенно, чтобы ты ознакомился с данными и попробовал их классифицировать, но у меня не было времени. Пришлось дать тебе все сразу. Теперь это все твое.

Охотник окинул приобретенное знание оценивающим взглядом и содрогнулся при виде горы перемешавшихся, перепутавшихся между собой данных.

— Многие из них устарели, — сказал Оборотень. — Многого не знаю и я сам. Сведения о планете, которые ты получил, состоят из того, что я знал двести лет назад, и узнанного после возвращения. Мне хочется, чтобы ты обязательно помнил: информацию эту нельзя считать исчерпывающей, а часть ее сегодня может оказаться просто бесполезной.

Охотник сел на каменный пол пещеры и еще раз прощупал темноту леса, подтянул, подправил сигнальную сеть, которую он развесил во всех направлениях.

Отчаяние охватило его. Тоска по родной планете со снежными и песчаными дюнами, на которую нет возврата. И, возможно, никогда не будет. Он обречен жить здесь, в этом хаосе жизни и опасностей, не зная, куда идти и что делать. Преследуемый доминирующим видом жизни на планете, видом, как выяснилось, куда более опасным, чем можно предположить. Существами коварными, безжалостными, нелогичными, отягощенными ненавистью, страхом и алчностью.

— Оборотень, — позвал он, — а что стало с тем моим телом, в котором я жил до того, как пришли вы, люди? Я помню, вы захватили его. Что вы с ним сделали?

— При чем здесь я? Я его не ловил. И ничего с ним не делал.

— Не надо со мной играть в вашу человеческую казуистику. Пусть не ты, не ты лично, и все же...

— Охотник, — сказал Мыслитель. — Мы все втроем в одной ловушке, если это можно считать ловушкой. Я склонен думать, что мы оказались в уникальной ситуации, которая, не исключено, обернется для нас выигрышем. У нас одно тело, а наши разумы так близки, как не были никогда близки другие разумы. И нам нельзя ссориться: между нами не должно быть разногласий, мы просто не можем себе их позволить. Мы должны установить между собой гармонию. И если есть какие-то разногласия, их надо устранить немедленно, чтобы они не дали о себе знать потом.

— Именно это, — сказал Охотник, — я и делаю. Выясняю то, что меня беспокоит. Что стало с тем первым мной?

— То первое тело, — ответил Оборотень, — подверглось биологическому анализу. Его исследовали, разложив на молекулы. Собрать его обратно невозможно.

— Другими словами, вы меня убили.

— Если ты предпочитаешь это слово.

— И Мыслителя?

— И Мыслителя тоже. Его первым.

— Мыслитель, — обратился Охотник, — и ты это принимаешь?

— У меня нет готового ответа. Я должен обдумать. Естественно, совершенное над личностью насилие должно вызывать неприятие. Однако я склонен рассматривать случившееся скорее как преобразование, чем насилие. Если б со мной не произошло того, что произошло, я бы никогда не смог оказаться в твоём теле или соприкоснуться с твоим разумом. И твоё знание, собранное со звезд, миновало бы меня, и это было бы прискорбно, поскольку ничего из него мне не было известно. А теперь давай возьмем тебя. Если бы люди не сделали с тобой того, что сделали, ты никогда не познал бы значение картин, которые ты наблюдал там, на звездах. Ты просто продолжал бы собирать их и наслаждаться ими и никогда, может быть, не задумался бы над ними. Я не могу представить себе ничего более трагичного — быть на пороге великой тайны и даже не задуматься над ней.

— Я не уверен, — сказал Охотник, — что предпочел бы тайну чуду.

— Неужели тебя не увлекает необычность ситуации? — спросил Мыслитель. — Мы трое — вместе. Три существа, столь разных, столь непохожих друг на друга. Ты, Охотник, буйан и разбойник, коварный хитроумный Оборотень и я...

— И ты, — добавил Охотник, — всезнающий, дальновидный...

— Правдоискатель, — закончил Мыслитель, — я только собирался сказать это.

— Если кому-то из вас будет легче, — сказал Оборотень, — я готов принести извинения за человеческую расу. Во многих отношениях люди мне нравятся не больше, чем вам.

— И правильно, — согласился Мыслитель. — Потому что ты не человек. Ты нечто, созданное людьми, ты агент человеческой расы.

— И все-таки, — возразил Оборотень, — надо же быть кем-то. Лучше я буду человеком, чем совсем никем. Одиночество невыносимо.

— Ты не одинок, — сказал Мыслитель. — Теперь нас трое.

— Все равно, — упрявился Оборотень, — я настаиваю на том, что я человек.

— Я не понимаю, — сказал Мыслитель.

— А я, кажется, понимаю, — сказал Охотник. — Там, в больнице, я почувствовал что-то такое, чего не ощущал никогда прежде, чего давно-давно не испытывал

ни один охотник. Гордость расы и, более того, боевой дух расы, который был запряган так глубоко во мне, что я о нем даже не подозревал. Мне кажется, Оборотень, что некогда моя раса была такой же задиристой, как твоя сегодня. Принадлежностью к такой расе надо гордиться. Она дает силу, осанку и в значительной мере самоуважение. Это нечто такое, чего Мыслителю и его виду никогда не ощутить.

— Моя гордость, если я таковой обладаю, — отозвался Мыслитель, — наверное, другого рода и происходит из других мотивов. Но я ни в коей степени не исключаю существования множества видов гордости.

Охотник вдруг обратил свое внимание на склон и на лес, встревоженный запахом опасности, которая проскользнула через расставленную им сигнальную сеть.

— Тихо! — приказал он.

Где-то вдалеке он уловил едва слышные сигналы и сосредоточился на них. Шло трое, три человека, затем их стало больше — целая решенга людей прочесывала лес. И насчет того, что они ищут, сомневаться не приходилось.

Он перехватил размытые закраины их перекатывающихся волнами мыслей: люди были напуганы, но полны ярости и отвращения, усиленного ненавистью. Помимо злости и ненависти, их подгонял азарт погони, странное дикое возбуждение, которое заставляло их искать существо, ставшее причиной страха, искать, чтобы найти и убить.

Охотник напряг тело и приподнялся, чтобы броситься прочь из пещеры. «Есть только один способ спастись от этих людей, — подумал он, — бежать, бежать, бежать».

— Подожди, — сказал Мыслитель.

— Сейчас они будут здесь.

— Не спеши. Они идут медленно. Возможно, есть лучшее решение. Нельзя убегать вечно. Одну ошибку мы уже сделали. Другой быть не должно.

— О какой ошибке ты говоришь?

— Нам не следовало превращаться в тебя. Надо было оставаться Оборотнем. Мы превратились, поддавшись слепому страху.

— Но мы тогда не знали. Увидели опасность и среагировали. Нам угрожали...

— Я мог что-нибудь придумать, — сказал Оборотень. — Но, может быть, так лучше. Меня уже подозревали. И наверняка установили бы за мной наблюдение.

Или заперли бы. А так мы, по крайней мере, на свободе.

— Если будем и дальше убегать, — возразил Мыслитель, — нас хватит ненадолго. Их слишком много — слишком много на этой планете. От всех не спрятаться. Невозможно уклониться от всех и каждого. Математически шансы так малы, что на них не стоит рассчитывать.

— У тебя есть какая-то идея? — спросил Охотник.

— Предлагаю превратиться в меня. Я могу стать бугром или чем-то незаметным, например камнем в этой пещере. Когда они заглянут сюда, то ничего необычного не увидят.

— Погоди-ка, — сказал Оборотень, — идея неплохая, но могут возникнуть осложнения.

— Проблемы?

— Ты должен был бы уже разобраться. Не проблемы, а проблема. Климат планеты. Для Охотника здесь слишком жарко. Для тебя будет слишком холодно.

— Холод — это недостаток тепла?

— Да.

— Недостаток энергии?

— Правильно.

— Трудно сразу запомнить все термины, — сказал Мыслитель. — Все надо разложить по мысленным полочкам, усвоить разумом. Однако я могу выдержать немного холода. А ради общего дела постараюсь выдержать много холода.

— Дело не в том, выдержишь ты или нет. Конечно, ты можешь выдержать. Но для этого тебе потребуется огромное количество энергии.

— Когда в тот раз я возник в доме...

— Ты мог воспользоваться энергоснабжением дома. Здесь же энергию брать неоткуда, разве что из атмосферного тепла. Но и его становится все меньше и меньше, так как солнце давно село. Тебе придется рассчитывать на энергию тела. Внешних источников нет.

— Теперь понятно, — сказал Мыслитель. — Но ведь я могу принять такую форму, которая позволит сэкономить энергию тела. Я могу удержать ее. При превращении вся энергия, которая сейчас остается в теле, перейдет ко мне?

— Думаю, что да. Какая-то часть энергии уходит на само перевоплощение, но, мне кажется, небольшая.

— Будем ждать, — объявил Мыслитель, — пока они не подойдут почти вплотную. Затем превращаемся в ме-

ня, а я становлюсь ничем или почти ничем. Бесформенным комом. Лучше всего было бы растечься по стенам пещеры тонкой оболочкой. Но при такой форме я потрачу слишком много энергии.

— Они могут не заметить пещеру, — возразил Оборотень. — Могут пройти мимо.

— Нельзя рисковать, — сказал Мыслитель. — Я буду собой не дольше, чем это нам необходимо. Как только они пройдут, мы совершим обратное превращение. Если ты не ошибся в своих оценках.

— Прекращайте болтовню, — нетерпеливо оборвал их Охотник. — Давайте решать, что нам делать. Они проходят, и мы превращаемся обратно в меня.

— Нет, — возразил Оборотень, — в меня.

— Но у тебя же нет одежды.

— Здесь это не играет роли.

— А ноги? Тебе нужна обувь. Кругом острые камни и палки. И потом, твои глаза не приспособлены к темноте.

— Они совсем близко, — предупредил Мыслитель.

— Ты прав, — сказал Охотник. — Они спускаются сюда.

До начала ее любимой трехмерной программы оставалось пятнадцать минут. Элин дожидалась ее целый день, потому что Вашингтон наскучил ей. Элин уже не терпелось вернуться поскорее в старый каменный дом среди холмов Вирджинии.

Она села, взяла журнал и принялась бесцельно листать его, когда вошел сенатор.

— Чем занималась сегодня? — спросил он.

— Какое-то время следила за ходом слушаний.

— Неплохой спектакль?

— Очень интересно. Не пойму только, зачем ты извлек на свет это дело двухсотлетней давности.

Он усмехнулся.

— Ну, наверное, отчасти для того, чтобы встряхнуть Стоуна. Я не мог смотреть на его физиономию. Думал, у него глаза лопнут.

— Он почти все время только и делал, что сидел и сверкал ими, — сказала Элин. — Ты, я полагаю, доказывал, что биоинженерия возможна, что она уже применялась, и довольно искусно, два столетия назад. И что, однажды с испугу забросив ее, мы не должны тру-

вить снова. Подумать только, сколько времени мы потеряли — двести лет! У меня есть и другие свидетели, которые достаточно убедительно подчеркнут это обстоятельство.

Послышался гудок телефона, и видеоэкран заморгал. Поднявшись с кресла, сенатор пересек комнату, а Элин устроилась поудобнее. Еще пять минут, и начнется передача. Хорошо, что сенатор будет смотреть с нею вместе. Она надеялась, что его не отвлекут какие-нибудь события вроде этого телефонного звонка к примеру. Она листала журнал. За спиной у нее приглушенно звучали голоса собеседников.

— Я должен ненадолго уйти, — сказал, возвращаясь сенатор.

— Горацио пропустишь.

Он покачал головой.

— В другой раз посмотрю. Звонил Эд Уинстон из Сент-Барнабаса.

— Из больницы? Что-то стряслось?

— Никто не болен и не изувечен, если ты об этом. Но Уинстон, похоже, в расстройстве. Говорит, надо встретиться. Не пожелал ввести меня в курс дела по телефону.

— Ты там недолго, ладно? Возвращайся пораньше. Тебе надо спать: эти слушания...

— Постараюсь, — сказал он.

Элин проводила его до двери, помогла надеть плащ и вернулась в гостиную.

Больница, подумала она. Услышанное пришлось ей не по нраву: какое отношение мог иметь сенатор к больнице? При мысли о больнице она всегда чувствовала себя не в своей тарелке. Не далее как сегодня Элин была в этой самой лечебнице. Она и не хотела идти туда, но теперь радовалась, что сходила. Бедняге Блейку действительно нелегко, думала она. Не знать, кто ты такой, не знать, что ты такое...

Она вошла в будку трехмерника и села в кресло; впереди и по бокам поблескивал вогнутый экран. Элин нажала кнопки, повернула диск, экран заморгал, нагреваясь, и Элин «очутилась» на улице в центре города. «...Никто пока не может предложить какое-либо объяснение тому, что произошло здесь менее часа назад, — услышала она чей-то голос. — Поступают противоречивые сообщения, но до сих пор нет двух полностью совпадающих версий. Больница начинает успокаиваться,

но в течение некоторого времени здесь царил кавардак. Сообщают, что один пациент пропал, но эти сообщения нечем подкрепить. По свидетельству большинства очевидцев, какое-то животное — некоторые утверждают, что волк, — в ярости пронеслось по коридору, бросаясь на всех, кто стоял у него на пути. Один свидетель говорит, что из плеч волка, если это был волк, торчали руки. Прибывшая полиция открыла пальбу, изрешетив пулями приемный покой...»

Элин затаила дыхание. Сент-Барнабас! Это было в Сент-Барнабасе. Она была там, навещала Эндрю Блейка, и ее отец сейчас на пути туда. Что же происходит?

Элин привстала с кресла, но потом снова села. Она ничего не могла сделать. И не должна была делать. Сенатор сумеет позаботиться о себе, он всегда это умел.

Да и животное это, по-видимому, уже убежало из больницы. Если она немного подождет, то увидит, как ее отец вылезает из машины и поднимается по лестнице.

Скользя по осыпающейся щебенке, выстлавшей склон вокруг пещеры, люди приближались. Луч света пронзил каменную нишу.

Мыслитель уплотнился и ослабил поле. Он понимал, что поле может выдать его, но дальше ослаблять поле было нельзя, поскольку оно составляло часть самого Мыслителя и без него он не мог существовать. Тем более здесь, в таких обстоятельствах, когда охлаждающаяся атмосфера с жадностью высасывает из него энергию. «Только слепая случайность свела наши три разума, — думал он, — поместила их в массу вещества, которое можно превратить в тело, — какова вероятность, что такое случилось бы в будущем само по себе? Результатом чего мы оказались — слепого случая или судьбы? Есть ли судьба? Что такое судьба?» Возможно ли, что существует некий огромный, всеобъемлющий вселенский План и что ход событий, объединивший три их разума, являет собой часть этого Плана, необходимый шаг в цепи шагов, которыми План приближается к своей невероятно далекой, но всегда существовавшей цели?

Камни осыпались под ногами, и, сопротивляясь стаскивающей его вниз силе тяжести, человек цеплялся за

каждо пальцами, отчего фонарик в его руке прыгал и вибрировал, описывая лучом судорожные дуги.

Человек оперся локтем о карниз и заглянул в пещеру.

— О-хо, — выдохнул он и закричал: — Эй, Боб, здесь какой-то чудной запах. В пещере кто-то был. Совсем недавно.

Мыслитель расширил поле, резко двинув его вперед. Оно обрушилось на человека, словно кулак боксера, выбило из-под него локоть, удерживавший его на карнизе, и швырнуло прочь. Перевернувшись и потеряв опору, человек издал крик — один вопль ужаса, выдвигнутый легкими. Затем его тело рухнуло на склон и покатилось. Мыслитель чувствовал, как оно катится, увлекая за собой камни, они осыпались, стуча по скале, и сухие сучья трещали и хрустели. Затем стук и треск прекратились, а снизу донесся всплеск.

Охотники бросились вниз по склону, размахивая фонариками и высвечивая из темноты кусты и блестящие стволы деревьев.

Раздались голоса:

— Боб, с Гарри что-то случилось!

— Точно, он кричал.

— Он полетел вниз, в ручей. Я слышал, как он плюхнулся.

Стараясь замедлить головокружительный спуск по откосу, люди пронеслись мимо пещеры. Пять фонарей уже бешено шарили внизу под горой, и несколько человек бродили по ручью.

— А что теперь? — спросил Охотник. — Слышал, что он там вопил? Пока они отвлеклись, но кто-нибудь обязательно вспомнит про пещеру. Несколько человек поднимутся обратно. И могут начать стрелять сюда.

— Я тоже так думаю, — согласился Оборотень. — Они попытаются разобраться. Тот тип, который упал...

— Упал! — фыркнул Мыслитель. — Я столкнул его.

— Ну хорошо. Тот тип, которого ты столкнул, успел их предупредить. Возможно, он учуял запах Охотника.

— Я не пахну, — обиделся Охотник.

— Ну, это уж слишком, — сказал Мыслитель. — У каждого из нас, я полагаю, тело обладает отличительным запахом. И твоя биологическая форма находилась здесь достаточно долго, чтобы ее запах пропитал пещеру.

— А может быть, это твой запах, — возразил Охотник. — Не надо забывать...

— Хватит, — оборвал их Оборотень. — Какая разница, кого из нас он учуял. Вопрос о том, что делать дальше. Мыслитель, ты смог бы превратиться во что-нибудь тонкое и плоское, выбраться отсюда и вскарабкаться по склону?

— Сомневаюсь. На этой планете слишком холодно. Я быстро теряю энергию. Если я увеличу площадь моего тела, энергия будет тратиться еще быстрее.

— Судя по всему, нам надо превращаться в Охотника. Меня они заметят. Белое тело сразу бросится в глаза. Ты готов, Охотник?

— Конечно, готов, — отозвался Охотник.

— Отлично. Выползай из пещеры и двигайся вверх по склону. Спокойно и тихо. Но как можно быстрее. Их отряд весь собрался внизу, и, если ты себя не выдашь, мы вряд ли натолкнемся на кого-либо из них.

— Вверх? — спросил Охотник. — А куда потом?

— Беги по любой из дорог, — ответил Оборотень, — пока мы не встретим телефон-автомат.

— Если ваша мысль, верна, — сказал Чандлер Гортон, — мы должны немедленно разыскать Блейка.

— Почему вы думаете, что это Блейк? — спросил главврач. — Но Блейк же убежал из больницы. Если Даниельс прав, это инопланетное существо.

— Но там был и Блейк, — возразил Гортон. — Поначалу он мог принять облик инопланетного существа, но потом превратиться в Блейка.

Сенатор Стоун, нахохлившись в большом кресле, зашипел на Гортона:

— Если вас интересует мое мнение, все это чушь.

— Разумеется, нас интересует, что вы думаете, — отвечал Гортон. — Но мне очень хочется, Соломон, чтобы ваше мышление хоть раз принесло немного пользы.

— Какая тут может быть польза? — вскричал Стоун. — Это какая-то детская инсценировка. Я еще в ней не разобрался, но знаю, что так оно и есть. И я готов держать пари, что за всем этим стоите вы, Чандлер. Вечно вы выкидываете трюки. Вот и подстроили все, чтобы что-то там доказать! Я больше чем уверен в этом, хоть и не знаю пока, что именно. Я сразу понял,

это дело нечисто, еще когда вы позвали в свидетели этого шута Люкаса.

— Доктора Люкаса, с вашего разрешения, сенатор, — поправил Гортон.

— Ладно, пусть доктора Люкаса. Что ему об этом известно?

— Давайте выясним, — сказал Гортон. — Доктор Люкас, что вам об этом известно?

Люкас сухо улыбнулся.

— Относительно случившегося в этой больнице — ровным счетом ничего. А что касается высказанного доктором Даниельсом мнения о происшедшем, я должен с ним согласиться.

— Но это лишь предположение, — подчеркнул Стоун. — Доктор Даниельс все это придумал. Bravo! У него богатое воображение, но это не значит, что все произошло так, как ему кажется.

— Я должен обратить ваше внимание на то, что Блейк был пациентом Даниельса, — сказал главврач.

— И, следовательно, вы верите предположениям доктора.

— Не обязательно. Я не знаю, что и думать. Но если кто-то имеет право на мнение, так это доктор Даниельс.

— Давайте-ка немного успокоимся, — предложил Гортон, — и посмотрим, что у нас есть. По-моему, на выдвинутое сенатором обвинение в инсценировке вряд ли стоит отвечать, однако думаю, что мы должны согласиться: сегодня вечером здесь произошло нечто в высшей степени необычное. Кроме того, я сомневаюсь, что решение созвать нас всех вместе далось доктору Уинстону легко. Он говорит, что не может составить обоснованное мнение, однако доктор, должно быть, чувствовал, что причина для беспокойства есть.

— Я по-прежнему так думаю, — сказал главврач.

— Как я понимаю, этот волк или что-то еще...

Соломон Стоун громко фыркнул. Гортон бросил на него ледяной взгляд.

— ...или что-то еще, — продолжал он, — перебежал через улицу в парк, и полиция погналась за ним.

— Совершенно верно, — сказал Даниельс. — Они там до сих пор стараются загнать его. Какой-то дурак водитель ослепил его фарами, когда он перебежал дорогу, и попытался задавить.

— Разве не ясно, что всему этому надо положить ко-

пец? — сказал Гортон. — Похоже, вся округа сорвалась с катушек...

— Поймите, — объяснил главврач, — все это выглядело сплошным безумием. Никто не мог сохранить хладнокровие.

— Если Блейк — то, чем считает его Даниельс, — сказал Гортон, — мы должны вернуть его. Мы потеряли двести лет развития человеческой биоинженерии только потому, что проект Космической Службы, как считали, провалился. И поэтому его замалчивали. И замалчивали, надо подчеркнуть, настолько успешно, что о нем забыли. Миф, легенда — вот и все, что от него осталось. Однако теперь видно, что проект не был неудачным. И где-то в лесах сейчас, должно быть, бродит доказательство его успеха.

— Провалиться-то он провалился, — сказал доктор Люкас. — Он не сработал так, как хотела Космическая Служба. Думается, догадка Даниельса верна: если характеристики инопланетянина введены в андроида, их не сотрешь. Они стали постоянным свойством самого андроида. И он превратился в два существа — человека и инопланетянина. Во всех отношениях — как в телесном, так и с точки зрения устройства своего разума.

— Кстати, о разуме, сэр. Будет ли мышление андроида искусственным? — спросил главврач. — Я имею в виду специально разработанный и введенный в него разум.

Люкас покачал головой.

— Сомневаюсь, доктор. Это еще довольно сырой метод. В отчетах — по крайней мере, в тех, что я видел, — об этом не упоминается, но я предполагаю, что в мозг андроида был введен разум реального человека. Даже в те времена такое оказалось технически осуществимым. Как давно были созданы банки разума?

— Триста с небольшим лет назад, — ответил Гортон.

— Значит, технически они могли осуществить такой перенос. Построение же искусственного разума и сегодня трудное дело, а двести лет назад — и подавно. Думаю, что даже сейчас нам неизвестны все составляющие, необходимые для изготовления уравновешенного разума — такого, который можно назвать человеческим. Слишком много для этого нужно. Мы могли бы синтезировать разум — наверное, могли бы, но это был бы страшный разум, порождающий странные поступки,

странные чувства. Он не был бы целиком человеческим, но достигал бы до человеческого, а может быть, превосходил бы его.

— Значит, вы думаете, что Блейк носит в своем мозгу дубликат разума какого-то человека, жившего в те времена, когда Блейка создавали? — спросил Гортон.

— Я почти уверен в этом, — ответил Люкас.

— И я тоже, — сказал главврач.

— В таком случае, он — человек, — проговорил Гортон. — Или, по крайней мере, обладает разумом человека.

— Я не знаю, как иначе они могли снабдить его разумом, — произнес Люкас.

— И тем не менее это чепуха, — сказал сенатор Стоун. — Сроду не слышал такой чепухи.

Никто не обратил на него внимания. Главврач посмотрел на Гортона.

— По-вашему, вернуть Блейка жизненно необходимо?

— Да. Пока полиция не убила его, или ее, или в каком он там теле... Пока они не загнали его в такую дыру, где мы его и за несколько месяцев не найдем, если вообще найдем.

— Согласен, — сказал Люкас. — Подумайте только, сколько он может нам рассказать. Подумайте, что мы можем узнать, изучив его. Если Земля собирается заняться программой человеческой биоинженерии — ныне или в будущем, — тому, что мы сможем узнать от Блейка, цены не будет.

Главврач озадаченно покачал головой.

— Но Блейк — особый случай. Организм с незамкнутыми цепями. Насколько я понимаю, предложенная биоинженерная программа не предусматривает создания таких существ.

— Доктор, — сказал Люкас, — то, что вы говорите, верно, однако любой андроид, любой организованный синтетический...

— Вы тратите время попусту, господа, — сказал Стоун. — Никакой программы человеческой биоинженерии не будет. Я и кое-кто из моих коллег намерены позаботиться об этом.

— Соломон, — устало сказал Гортон, — давайте отложим заботы о политической стороне дела. Сейчас в лесах бродит перепуганный человек, и мы должны найти

способ дать ему знать, что не хотим причинить ему вреда.

— И как вы предполагаете это осуществить?

— Ну, это, я думаю нетрудно. Отзовите загонщиков, потом опубликуйте эти сведения, подключите газеты, электронные средства информации...

— Думаете, волк будет читать газеты или смотреть трехмерник?

— Скорее всего он не останется волком, — сказал Даниельс. — Я убежден, что он опять превратится в человека, как только сможет. Наша планета может обескураживать или причинять неудобства инопланетному существу...

— Господа, — сказал главврач. — Прошу внимания, господа.

Все повернулись к нему.

— Мы не можем этого сделать. В такого рода истории больница будет выглядеть нелепо. И так все плохо, а тут еще оборотены! Разве не ясно, какие будут заголовки? Разве не ясно, как повеселится за наш счет пресса?

— А если мы правы? — возразил Даниельс.

— То-то и оно. Мы не можем быть уверенными в своей правоте. У нас может быть сколько угодно причин считать себя правыми, но этого все равно недостаточно. В таком деле нужна стопроцентная уверенность, а у нас ее нет.

— Значит, вы отказываетесь опубликовать такое объявление?

— От имени больницы не могу. Если Космическая Служба даст на то свое разрешение, я соглашусь. Но сам я не могу. Даже если правда на моей стороне, все равно Космослужба обрушится на меня, как тонна кирпича. Они поднимут жуткий скандал...

— Несмотря на то, что прошло двести лет?

— Несмотря на это. Разве не ясно, что, если Блейк и вправду то, чем мы его считаем, он принадлежит Космослужбе? Пусть они и решают. Он — их детище, а не мое. Они заварили эту кашу и...

Комната наполнилась громовым хохотом Стоуна.

— Не смотрите на него, Чандлер. Идите и расскажите все газетчикам сами. Разнесите эту весть. Докажите нам, что вы не из робкого десятка. Боритесь за свои убеждения. Надеюсь, это вам под силу.

— Уверен, что так, — ответил Гортон.

— Только попробуйте, — вскричал Стоун. — Одно слово на людях, и я подниму нас на воздух! Так высоко, что вы и за две недели не вернетесь на Землю!

Истырные гудки телефона наконец-то пробились в созданный трехмерником мир иллюзий. Элин Гортон встала, вышла из будки. Телефон попискивал, видеоскрин сверкал нетерпеливыми вспышками. Элин добралась до него, включила аппарат на прием и увидела обращенное к ней лицо, слабо освещенное плохонькой лампочкой в потолке телефона-автомата.

— Эндрю Блейк? — в изумлении вскричала она.

— Да, это я. Видите ли...

— Что-то случилось? Сенатора вызвали в...

— Кажется, у меня маленькие неприятности, — сказал Блейк. — Вы вероятно, слышали о происшедшем.

— Вы о больнице? Я немного посмотрела, но смотреть оказалось не на что. Какой-то волк. И, говорят, исчез один из пациентов, кажется... — Она задохнулась. — Один из пациентов исчез! Это они о вас, Эндрю?

— Боюсь, что да. И мне нужна помощь. И вы — единственная, кого я знаю, кого могу попросить...

— Что я должна сделать, Эндрю? — спросила она.

— Мне нужна какая-нибудь одежда, — сказал он.

— Вы что же, покинули лечебницу без одежды?

— Это длинная история, — сказал он. — Если вы не хотите мне помочь, так и скажите. Я пойму. Мне неохота впутывать вас, но я понемногу замерзаю. И я бегу...

— Убегаете из больницы?

— Можно сказать, да.

— Какая нужна одежда?

— Любая. На мне нет ни нитки.

На миг она заколебалась. Может быть, попросить у сенатора? Но его нет дома. Он не вернулся из больницы, и неизвестно, когда вернется.

Когда она заговорила снова, голос ее звучал спокойно и четко:

— Дайте-ка сообразить. Вы исчезли из больницы, без одежды, и не собираетесь возвращаться. По вашим словам, вы в бегах. Значит, кто-то за вами охотится?

— Какое-то время за мной гналась полиция.

— Но сейчас не гонится?

— Нет, не гонится. Мы от них ускользнули.

— Мы?

— Я оговорился. Я хочу сказать, что улизул от них. Она глубоко вздохнула, набираясь решимости.

— Где вы?

— Точно не знаю. Город изменился с тех пор, когда я знал его. Думаю, я на южном конце старого Тафтского моста.

— Оставайтесь там, — сказала она. — И караульте мою машину. Я замедлю ход и буду высматривать вас.

— Спасибо...

— Минутку. Я тут подумала... Вы из автомата звоните?

— Совершенно верно.

— Чтобы такой телефон действовал, нужна монетка. Где же вы ее взяли, коли на вас нет одежды?

На его лице появилась грустная улыбка.

— Монетки тут падают в маленькие коробочки. Я воспользовался камнем...

— Вы разбили коробочку, чтобы достать монетку и позвонить по телефону?

— Преступник, да и только, — сказал он.

— Ясно. Тогда лучше дайте мне номер телефонной будки и держитесь поблизости, чтобы я могла позвонить, если не сумею вас отыскать.

— Сейчас, — он взглянул на табличку над телефоном и вслух прочел номер. Элин отыскала карандаш и записала цифры на полях газеты.

— Вы понимаете, что искушаете судьбу? — спросила она. — Я держу вас на привязи у телефона, а по номеру можно узнать, где он.

Блейк скорчил кислую мину.

— Понимаю. Но приходится рисковать. У меня же нет никого, кроме вас.

— Человек, с которым ты говорил, женская особь? — спросил Охотник. — Она женщина, правильно?

— Женщина, — подтвердил Оборотень. — Еще какая. Я имею в виду, красивая женщина.

— Мне трудно ухватить оттенки смысла, — сказал Мыслитель. — Я не сталкивался раньше с этим понятием. Женщина — это существо, к которому можно выражать свою приязнь? Влечение, насколько я могу судить, должно быть взаимным. Женщине можно доверять?

— Когда как, — ответил Оборотень. — Это зависит от многих вещей.

— Твое отношение к самкам мне непонятно, — проворчал Охотник. — Что они такое? Не более чем продолжатели рода. В соответствующий момент и время года...

— Твоя система неэффективна и отвратительна, — добавил Мыслитель. — Когда мне надо, я сам продолжаю самого себя. Вопрос, который я задал, связан не с социальной или биологической ролью женщины, а с тем, можем ли мы довериться именно ей?

— Не знаю, — ответил Оборотень. — Думаю, что да. И я уже на это сделал ставку.

Дрожа от холода, он укрылся за кустами. Зубы начинали выбивать дробь. С севера дул ледяной ветер. Впереди, напротив Блейка, стояла телефонная будка с чуть подсвеченной тусклой надписью. За будкой тянулась пустынная улица, по которой изредка с шуршанием проносились наземные автомобили.

Блейк присел на корточки, вжимаясь в кусты. Господи, подумал он, ну и положение! Сидеть здесь голым, наполовину окоченевшим и ждать девушку, которую он видел всего два раза в жизни, и почему-то надеяться, что она принесет ему одежду.

Он вспомнил телефонный звонок и поморщился. Ему пришлось собрать всю свою решимость, чтобы заставить себя позвонить, и если б она не стала с ним разговаривать, он бы не осудил ее. Но она выслушала его. Испуганно, конечно, и, может быть, с некоторым недоверием, как любой бы на ее месте. Когда звонит едва знакомый человек и обращается с дурацкой просьбой. Никаких обязательств перед ним у нее не было. Он это понимал. Но еще более нелепой ситуацию делало то, что Блейк уже второй раз вынужден просить у дочери сенатора одежду, чтобы было в чем идти домой. Только в этот раз к себе он не пойдет. Полиция наверняка уже караулит у дома.

Дрожа и тщетно пытаясь сохранить тепло тела, Блейк обхватил себя руками. С неба донесся рокот, и он быстро посмотрел вверх. Над деревьями, постепенно снижаясь, — по всей видимости, направляясь на одну из посадочных площадок города, — летел дом. В окнах горел свет, смех и музыку слышно было даже на земле. Счастливые, беззаботные люди, подумал Блейк, а он сидит тут, скрючившись и окоченев от холода.

Ну а что потом? Что делать им троем потом? После того как он получит одежду?

Судя по Элин, средства массовой информации еще не объявили, что он тот самый человек, который сбежал из клиники. Но еще несколько часов — и сообщение появится. И тогда его лицо будет красоваться на каждой газетной странице. На каждом экране. В этом случае рассчитывать на то, что его не узнают, не приходится. Конечно, тело можно передать Мыслителю или Охотнику и проблема опознания отпадет, но при этом любому из них надо будет избегать человеческого общества еще тщательней, чем ему. И климат против них — для Мыслителя слишком холодный, для Охотника чересчур жаркий, — и еще одна сложность, связанная с тем, что поглощать и накапливать необходимую для тела энергию мог только он. Возможно, существует пища, с которой справится и Охотник, но, чтобы выяснить это, ее надо найти и попробовать. Есть места, расположенные вблизи энергоисточников, и Мыслитель мог бы там зарядиться, но добраться до них и при этом остаться незамеченным очень трудно.

А может, самое безопасное сейчас — попытаться связаться с Даниельсом? Блейк подумал и решил, что такой шаг будет наиболее разумным. Ответ, который он получит, известен заранее — вернуться в больницу. А больница — это западня. Там на него обрушат бесконечные интервью и, вероятно, подвергнут лечению. Его освободят от заботы о самом себе. Его станут вежливо охранять. Его сделают пленником. А он должен остаться собой.

Кем это — «собой»? Это значит, конечно, не только человеком, но и теми двумя существами. Даже если бы он захотел, ему никогда не избавиться от двух других разумов, которые вместе с ним владеют данной массой вещества, служащей им телом. И, хотя ему прежде не приходилось об этом задумываться, Блейк знал: он не желает избавляться от этих разумов. Они так близки ему, ближе, чем что-либо в прошлом и настоящем. Это друзья или не совсем друзья, а, скорее, партнеры, связанные единой плотью. Но даже если бы они не были друзьями и партнерами, существовало еще одно соображение, которое он не мог не принимать во внимание. Именно Блейк, и никто иной, втянул их в эту невероятную ситуацию, и потому у него нет другого пути, кроме как быть с ними вместе до конца.

Интересно, придет Элин или сообщит в полицию и клинику? И даже если она выдаст его, он не сможет ее

исудить. Откуда ей знать, не свихнулся ли он слегка, а может, и не слегка? Не исключено, что она донесет на него, полагая, что действует ему во благо. В любой момент можно ждать sireны полицейской машины, которая извергнет из себя ораву блюстителей порядка.

— Охотник, — позвал Оборотень, — похоже, у нас неприятности. Она слишком задерживается.

— Что-нибудь придумаем. Подведет нас она — найдем другой выход.

— Если появится полиция, — сказал Оборотень, — превращаемся в тебя. Мне от них ни за что не убежать. В темноте я плохо вижу, ноги сбиты, а...

— В любой момент, — согласился Охотник. — Я готов. Только дай знать.

Внизу, в поросшей лесом долине, захныкал енот. Волна дрожи прокатилась по телу Блейка. Еще десять минут, решил он. Дам ей еще десять минут. Если за это время она не появится, мы отсюда уходим.

Жалкий и растерянный, Блейк сидел в кустах, физически ощущая свое одиночество. Чужак, подумал он. Чужак в мире существ, форму которых имеет. А есть ли вообще для него место, спросил Блейк себя, не только на этой планете, но во Вселенной? «Я человек, — сказал он тогда Мыслителю. — Я настаиваю на том, что я человек». А по какому, собственно, праву настаивает?

Время тянулось медленно. Енот молчал. Где-то в лесу обеспокоенно чирикнула птица — какая опасность, реальная или почудившаяся, разбудила ее?

На мостовой показалась машина. Остановилась у тротуара напротив телефонной будки. Мягко просигнализировала гудок.

Блейк поднялся из-за кустов и помахал рукой.

— Я здесь, — крикнул он.

Дверца открылась, и из машины вышла Элин. В тусклом свете телефонной будки он узнал ее — этот овал лица, эти прекрасные темные волосы. В руке она несла сверток.

Элин прошла мимо телефонной будки и направилась к кустам. Не доходя трех метров, остановилась.

— Эй, лови, — сказала она и бросила сверток.

Негнушмиися от холода пальцами Блейк развернул его. Внутри были сандалии на твердой подошве и черная шерстяная туника с капюшоном.

Одевшись, Блейк вышел из кустов к Элин.

— Спасибо, — сказал он. — Я почти заледенел.

— Извините, что так долго, — произнесла она. — Я так переживала, что вы здесь прячетесь. Но надо было все собрать.

— Все?

— То, что вам понадобится.

— Не понимаю...

— Вы ведь сказали, что убегаете от преследователей. Значит, вам нужна не только одежда. Пойдемте в машину. У меня включен обогреватель. Там тепло.

— Нет, — отпрянул Блейк. — Неужели вам не ясно? Я не могу допустить, чтобы вы впутались в это еще больше. Я вам и так очень обязан...

— Ерунда, — сказала она. — Каждый день положено делать доброе дело. Мое сегодняшнее — это вы.

Блейк плотнее завернулся в тунику.

— Послушайте, — сказала она, — вы же совсем замерзли. Ну-ка, забирайтесь в машину.

Он заколебался. Согреться в теплом салоне было заманчиво.

— Пойдемте, — позвала она.

Блейк подошел с ней к автомобилю, подождал, пока она усядется на водительское сиденье, затем сел сам и закрыл дверцу. Струя теплого воздуха ударила его по лодыжкам.

Она включила передачу, и машина покатила вперед.

— На одном месте нельзя стоять, — объяснила она. — Кто-нибудь может заинтересоваться или донести. А пока мы на ходу, никаких вопросов. У вас есть место, куда я могла бы вас отвезти?

Блейк покачал головой. Он даже не задумывался, куда деваться дальше.

— Может быть, выехать из Вашингтона?

— Да-да, — согласился он. — Выбраться из Вашингтона — для начала уже неплохо.

— Можете рассказать мне, в чем дело, Эндрю?

— Вряд ли, — сказал он. — Если я вам расскажу, вы скорее всего остановитесь и вышвырнете меня из машины.

— В любом случае не стоит так драматизировать, — рассмеялась она. — Сейчас я развернусь и поеду на запад. Не возражаете?

— Не возражаю. Там есть где спрятаться.

— А как долго, по-вашему, вам придется прятаться?

— Если б я знал, — ответил он.

— Знаете, что я думаю? Я не верю, что вы вообще сможете спрятаться. Ваш единственный шанс — все время двигаться, нигде не задерживаясь подолгу.

— Вы все продумали?

— Просто здравый смысл подсказывает. Туника, которую я вам принесла, — одна из папиных шерстяных, он ими очень гордится, — такую одежду носят студенты-бродяги.

— Студенты-бродяги?

— Ой, я все забываю. Вы же еще не успели освоиться. Они не настоящие студенты. Бродячие артисты. Бродят повсюду, одни из них рисуют, другие пишут книги, третьи сочиняют стихи. Их не много, но и не так уж мало, и их принимают такими, какие они есть. Внимание на них, конечно, никто не обращает. Так что можете опустить капюшон, и ваше лицо никто не разглядит. Да и вряд ли станет разглядывать.

— Вы советуете мне сдать студентом-бродягой?

— Я приготовила вам старый рюкзак, — продолжала она, не обращая внимания на его слова. — Именно с такими они и ходят. Несколько блокнотов, карандашей, пару книг вам почитать. Лучше взгляните на них, чтобы представлять, о чем они. Нравится вам или нет, но придется стать писателем. При первой возможности начарапайте страницу-другую. Чтобы, если кто заинтересуется, не к чему было придаться.

Блейк расслабленно шевелился в кресле, выпитывая тепло. Элин повернула на другую улицу и теперь ехала на запад. На фоне неба громоздились силуэты многоквартирных башен.

— Откройте вон то отделение справа, — сказала она. — Вы наверняка проголодались. Я приготовила несколько сэндвичей и кофе — там полный термос.

Он сунул руку в отделение, достал пакет, разорвал его и извлек сэндвич.

— Я в самом деле проголодался, — признался он.

— Надо думать, — сказала она.

Автомобиль неторопливо катился вперед. Многоквартирных домов встречалось все меньше. Тут и там вдоль дороги возникали поселки, составленные из летающих коттеджей.

— Я могла бы увести для вас леталку, — сообщила она. — Или даже автомобиль. Но их легко обнаружить по регистрационной лицензии. Зато на человека, кото-

рый бредет пешком, никто не обращает внимания. Так вам будет безопаснее.

— Элин, — спросил он, — почему вы все это для меня делаете?

— Не знаю, — она пожала плечами. — Наверное, потому, что вам столько досталось. Притащили из космоса, засунули в больницу, где начались все эти проверки и анализы. Ненадолго выпустили попасться в той деревушке, затем снова заперли.

— Они старались помочь мне, как могли.

— Я понимаю. Но вряд ли это было вам приятно. Поэтому я не осуждаю вас за то, что вы сбежали, как только подвернулась возможность.

Некоторое время они ехали молча. Блейк съел сандвичи, запил кофе.

— Кстати, о волке, — вдруг спросила она. — Вы ничего не знаете об этом? Говорят, там был волк.

— Насколько мне известно, никакого волка там не было, — ответил он. А про себя, оправдываясь, подумал, что формально он не солгал: Охотник действительно не волк.

— В клинике все в шоке, — сказала она. — Они позвонили сенатору и попросили приехать.

— Из-за меня или из-за волка? — поинтересовался он.

— Не знаю. Сенатор еще не вернулся, когда я уезжала.

Они подъехали к перекрестку, и Элин сбросила скорость, свернула на обочину и остановилась.

— Все, дальше везти вас я не могу, — сказала она. — Мне надо успеть вернуться домой.

Блейк открыл дверцу, но, прежде чем выйти, повернулся.

— Спасибо, — произнес он. — Вы мне так помогли. Надеюсь, когда-нибудь...

— Еще минуту, — остановила его она. — Вот ваш рюкзак. Там вы найдете немного денег...

— Но, подождите...

— Нет, это вы подождите. Деньги вам понадобятся. Сумма небольшая, но на какое-то время вам хватит. Это из моих карманных. Когда-нибудь вернете.

Он нагнулся, взял рюкзак за ляжку, перебросил через плечо.

— Элин... — произнес Блейк неожиданно севшим голосом, — я не знаю, что сказать.

Полумрак салона скрадывал расстояние, приближая ее к нему. Не сознавая, что делает, он притянул Элин к себе одной рукой. Затем склонился и поцеловал ее. Ее ладони легли ему на затылок.

Когда они оторвались друг от друга, Элин посмотрела на него уверенным взглядом.

— И бы не стала тебе помогать, — сказала она. — Если бы ты мне не понравился. Я верю тебе. Мне кажется, ты не делаешь ничего такого, чего надо было бы стыдиться.

Блейк промолчал.

— Ну, ладно, — сказала она. — Тебе пора, путник в ночи. Позже, когда сможешь, дай мне знать о себе.

Закусочная стояла на острие У-образной развилки, от которой дорога шла в двух разных направлениях. В призрачной предрассветной мгле красная вывеска над крышей казалась розовой. Прихрамывая, Блейк ускорил шаг. Здесь можно было отдохнуть, обогреться и перекусить. Бутерброды, которыми снабдила его Элин, помогли ему прошагать без остановки всю ночь, но теперь он снова проголодался. Когда наступит утро, он должен будет найти какое-нибудь местечко, где можно и укрыться, и отоспаться. Может быть, стог сена. Интересно, думал он, остались ли еще стога сена, или даже такие простые вещи, как стога, уже исчезли с лица Земли с тех пор, когда он ее знал?

Северный ветер яростно хлестал его, и Блейк натянул капюшон накидки на лицо. Бечевка мешка натирала плечо, и он попытался устроить его поудобнее, отыскать еще не натертый клочок кожи. Но такого клочка, похоже, не осталось.

Наконец он добрался до забегаловки, пересек стоянку перед входом и поднялся по короткой лестнице к двери. В закуской было пусто. Поблескивала отполированная стойка, в свете рядком протянувшихся по потолку ламп ярко сиял хром кофейника.

— Как поживаете? — спросила Закусочная голосом храброй и бойкой официантки. — Чего бы вы хотели на вавтрак?

Блейк огляделся, но никого не увидел и только тогда оценил положение. Еще одно здание-робот, наподобие летающих домов.

Протопав по полу, он уселся на один из табуретов.

— Олады, — сказал он, — немного ветчины и кофе. Он высвободил плечо из лямки мешка и опустил его на пол рядом с табуретом.

— Рано утречком на прогулочку? — спросила Закусочная. — Только не говорите мне, будто шагали всю ночь напролет.

— Нет, не шагал, — ответил Блейк. — Просто рано встал.

— Что-то вас, парни, последнее время совсем не видно, — заявила Закусочная. — Чем вы занимаетесь, приятель?

— Пописываю, — ответил Блейк. — Во всяком случае, пытаюсь.

— Ну что ж, — рассудила Закусочная, — так хоть страну посмотришь. А я-то все тут торчу и никогда ничего не вижу. Только разговоры слушаю. Только не подумайте, что мне это не нравится, — торопливо добавила она. — Хоть мозги чем-то заняты.

Из патрубка на сковородку с ручкой выпал ком теста, потом горловина передвинулась вдоль канавки, выпустила еще два комка и со щелчком вернулась на место. Металлическая рука, прикрепленная рядом с кофейником, разогнулась, вытянулась и передвинула рычаг над сковородой. Три ломтя ветчины скользнули на сковородку, рука ловко опустилась и отделила их один от другого, уложив ровным рядом.

— Кофе сейчас подать? — спросила Закусочная.

— Если можно, — ответил Блейк. Металлическая рука схватила чашку, поднесла к носику кофейника и подняла вверх, включая патрубок. Потек кофе, чашка наполнилась, рука повернулась и установила ее перед Блейком, затем нырнула под прилавок, достала ложку и вежливо пододвинула поближе сахарницу.

— Сливки? — спросила Закусочная.

— Нет, спасибо, — ответил Блейк.

— Позавчера такую историю слыхала — закачаешься, — сказала Закусочная. — Один парень заходил, рассказывал. Похоже, что...

За спиной у Блейка открылась дверь.

— Нет! Нет! — закричала Закусочная. — Убирайся вон. Сколько раз тебе говорить: не входи, когда у меня посетители.

— Я и зашел, чтобы встретиться с твоим посетителем, — ответил скрипучий голос. Услышав его, Блейк резко обернулся.

В дверях стоял Брауни; его маленькие глаза поблещивали на мышинной мордочке, по бокам куполообразной головы торчали увенчанные кисточками ушки. Штанчики на нем были в зеленую и розовую полоску.

— Я его кормлю, — запрочитала Закусочная. — Притерпелась уже. Говорят, когда один из них живет поблизости, это к счастью. Но мне от моего одно горе. Он хитрющий, он пахальный, он меня не уважает...

— Это потому, что ты важничаешь и подделываешься под людей, — сказал Брауни. — И забываешь, что ты не человек, а лишь его заменитель, захававший себе хорошую работу, которую мог бы делать человек. Почему, спрашивается, кто-то должен тебя уважать?

— Больше ты от меня ничего не получишь! — закричала Закусочная. — И не будешь тут ночевать, когда холодно. Довольно, я сыта тобой по горло!

Брауни пропустил эту тираду мимо ушей и проворно всесменил по полу. Остановившись, он церемонно поклонился Блейку.

— Доброе утро, досточтимый сэр. Надеюсь, я застал вас в добром здравии?

— В очень добром, — подтвердил Блейк. Веселость боролась в нем с дурными предчувствиями. — Не позавтракаете ли со мной?

— С радостью, — сказал Брауни, вскакивая на табурет рядом с Блейком и устраиваясь на нем, как на наесте; ноги Брауни болтались, не доставая до пола.

— Сэр, — сказал он, — я буду есть то же, что и вы. Пригласить меня — очень любезно и великодушно с вашей стороны, ибо я совсем изголодался.

— Ты слышала, что сказал мой друг, — обратился Блейк к Закусочной. — Он хочет того же, чего и я.

— И вы это оплатите? — осведомилась Закусочная.

— Разумеется, оплачу.

Механическая рука поднялась и пододвинула оладыи к краю сковороды, перевернув их. Из патрубка полезли новые комья теста.

— Какое блаженство питаться по-человечески, — доверительно сообщил Брауни Блейку. — Люди дают мне в основном отходы. И хоть голод — не тетка, внутренности мои иногда требуют большей разборчивости в пище.

— Не позволяйте ему присасываться к вам, — предостерегла Блейка Закусочная. — Завтраком угостите, коль уж обещались, но потом отвадьте его. Не давайте есть себе на шею, не то всю кровь высосет.

— У машин нет чувств, — сказал Брауни. — Им несведомы прекрасные порывы. Они безучастны к страданиям тех, кому призваны служить. И у них нет души.

— И у вас тоже, варвары инопланетные! — в ярости вскричала Закусочная. — Ты обманщик, бродяга и лодырь. Ты безжалостно паразитируешь за счет человечества, ни удержишь не зная, ни благодарности!

Брауни скосил на Блейка свои хомячьи глазки и с безнадежным видом воздел руки горе, держа их ладошками кверху.

— Да, да, — удрученно проговорила Закусочная. — Каждое мое слово — истинная правда.

Рука подхватила первые три оладья, положила их на тарелку рядом с ветчиной, нажала кнопку и с большой ловкостью подхватила три вылетевшие из лотка кусочка масла. Поставив тарелку перед Блейком, рука метнулась под стойку и вытащила кувшин с сиропом.

Носик Брауни блаженно задрожал.

— Пахнет вкусно, — сказал он.

— Не вздумай умыкнуть! — вскричала Закусочная. — Жди, когда твои будут готовы!

Издали донеслось тихое жалобное блеяние. Брауни замер, уши его подскочили и задрожали. Блеяние повторилось.

— Еще один! — заорала Закусочная. — Им положено издали оповещать нас, а не сваливаться как снег на голову. И тебе, паршивому прохиндею, полагается быть на улице, слушать и караулить их появление. За это я тебя и кормлю.

— Еще слишком рано, — сказал Брауни. — Следующий должен пройти только поздно вечером. Им положено рассредоточиваться по разным дорогам, чтобы не перегружать какую-то одну.

Снова прозвучала сирена — на этот раз громче и ближе. Одинокий жалобный звук прокатился по холмам.

— Что это? — спросил Блейк.

— Крейсер, — ответил ему Брауни. — Один из этих больших морских сухогрузов. Он вез свой груз от самой Европы, а может, из Африки, а около часа назад вышел на берег и едет по дороге.

— Ты хочешь сказать, что он не останавливается, добравшись до берега?

— А почему он должен останавливаться? — удивился Брауни. — Он передвигается по тому же принципу, что и сухопутные машины — на подушке из воздуха. Он

может идти и по воде, и посуху. Подходит к берегу и, не задерживаясь, прет себе по дороге.

Послышался скрежет и грохот металла о металл. Блейк увидел, как с внешней стороны окон скользят большие стальные ставни. От стены отделились скобы на шарнирах и потянулись к двери, чтобы затворить ее поплотнее. Вой сирены уже наполнил помещение, а вдалеке что-то жутко зануло, как будто мощный ураган несся над землей.

— Все задраено! — заорала Закусочная, перекрикивая шум. — Ложитесь-ка лучше на пол, ребята. Судя по звуку, машина здоровая!

Здание тряслось, зал едва не лопался от наполнившего его оглушительного шума, похожего на рев водопада. Брауни забился под табурет и держался изо всех сил, обхватив обеими ручонками металлическую стойку сиденья. Он разевал рот и, видимо, что-то кричал Блейку, но голосок его тонул в катившемся по дороге вое.

Блейк соскочил с табурета и распластался на полу. Он попытался вцепиться в половицы пальцами, но те были сделаны из твердого гладкого пластика, и он никак не мог за них ухватиться. Казалось, закусочная ходит ходуном; рев крейсера был почти невыносим. Блейк вдруг увидел, что скользит по полу.

А потом рев стал тоньше и замер вдали, вновь превратившись в слабый и протяжный жалобный вой.

Блейк поднялся с пола.

На прилавке, там, где стояла чашка, теперь была кофейная лужица, а сама чашка бесследно исчезла. Тарелка, на которой лежали оладьи и ветчина, осколками разлетелась по полу. Пожухлые оладьи валялись на табурете, а те, что предназначались Брауни, все еще были на сковороде, но дымились и обуглились по краям.

— Я сделаю новые, — сказала Закусочная.

Рука взяла лопаточку, сбросила подгоревшие оладьи со сковородки и швырнула в мусорный бак, стоявший под плиткой. Блейк заглянул за прилавок и увидел, что весь пол там усеян осколками посуды.

— Вы только посмотрите! — скрипуче закричала Закусочная. — Должен быть специальный закон. Я поставлю в известность хозяина, а он подаст жалобу на эту компанию и добьется возмещения. Он всегда добивался. И вы, ребята, тоже можете вчинить иск. Пришлите им первое потрясение или что-нибудь в этом роде. Если хотите, у меня есть бланки исковых заявлений.

Блейк покачал головой.

— А как же водители? — спросил он. — Что делать, если встретишь такую штуку на дороге?

— А вы видели бункеры вдоль обочин? Футов десять в высоту, с подъездными дорожками?

— Видел, — ответил Блейк.

— Как только крейсер уходит с воды и начинает путь по суше, он должен включать сирену. И она ревет все время, пока он движется. Услышишь сирену — отправляйся к ближайшему бункеру и прячься за ним.

Патрубок медленно двигался вдоль канавки, выпуская тесто.

— А как это так получается, мистер, что вы не знаете о крейсерах и бункерах? — спросила Закусочная. — Может, вы из глухомани какой лесной?

— Не твоего ума дела, — ответил за Блейка Брауни. — Знай себе стряпай наш завтрак.

— Я вас немного провожу, — сказал Брауни, когда они вышли из закуской.

Утреннее солнце вставало над горизонтом у них за спиной, а впереди по дороге плясали их длинные тени. Дорожное покрытие, как заметил Блейк, было выбито и размыто.

— За дорогами не следят так, как следили на моей памяти, — сказал он.

— Нет нужды, — ответил Брауни. — Колес больше нет. Зачем ровная поверхность, если нет сцепления? Все машины ходят на воздушных подушках. Дороги нужны только как путеводные нити, да еще чтобы держать транспорт подалеже от людей. Теперь, когда прокладывают новую дорогу, просто ставят два ряда столбиков, чтобы водители видели, где шоссе.

Они неспешно брели вперед. Из болотистой низинки слева, сверкая воронеными крыльями, взмыла стайка черных дроздов.

— Собираются в стаи, — сказал Брауни. — Скоро им улетать. Нахальные птицы — эти черные дрозды. Не то, что жаворонки или малиновки.

— Ты знаешь этих диких животных?

— Мы же вместе живем, — отвечал Брауни. — И со временем начинаем их понимать. Некоторых — так хорошо, что почти можем разговаривать с ними. Правда,

на с птицами: птицы и рыбы глухие. А вот еноты, лисы, выхухоли и порки — народ что надо.

— Как и понимаю, вы живете в лесах?

— В лесах и полях. Мы сживаемся с природой. Мы принимаем мир таким, каков он есть, приспособливаемся к обстоятельствам. Мы — кровные братья всякой жизни. Ни с кем не ссоримся.

Блейк попытался вспомнить, что ему говорил Даниельс. Станный маленький народец, полюбивший Землю не из-за господствующей на ней формы жизни, а из-за прелестей самой планеты. Возможно, потому, подумал Блейк, что в ее менее развитых обитателях, в многочисленных диких зверях, населяющих поля и леса, нашли они ту немудреную дружбу, которую так любили. Они настояли на том, что будут жить своей жизнью, пойдут независимым путем, и при всем при том стали бродягами и побирuşками, пристающими ко всякому, кто согласен удовлетворять их нехитрые надобности.

— Несколько дней назад я повстречал еще одного нашего, — сказал он. — Ты извини, я точно не знаю. Может...

— О, нет, — ответил Брауни. — Это был другой. Тот, который вас отыскал.

— Отыскал меня?

— Ну да. Был караульным и отыскал. Он сказал, что вы не один и в беде. И передал всем нам, чтобы любой, кто вас встретит, приглядывал за вами.

— Похоже, ты отлично с этим справился. Нашел ты меня довольно быстро.

— Когда мы ставим перед собой какую-то цель, — гордо сказал Брауни, — мы можем действовать очень четко.

— А я? При чем тут я?

— Точно не знаю, — сказал Брауни. — Мы должны присматривать за вами. Знайте, что мы начеку, и вы можете рассчитывать на нас.

— Спасибо, — сказал Блейк. — Большое спасибо.

Только этого и не хватало, подумал он. Только слежки этих маленьких одержимых созданий ему и не хватало.

Какое-то время они шли молча, потом Блейк спросил:

— Тот, который нашел меня, велел тебе наблюдать за мной?

— Не только мне.

— Знаю. Он велел вам всем. Не согласишься ли ты объяснить, как он сообщил об этом остальным? Хотя это, наверное, глупый вопрос: есть же почта и телефон.

Брауни издал какое-то кудахтанье, выражающее безмерное презрение.

— Мы бы и под страхом смерти не стали пользоваться такими приспособлениями, — сказал он. — Это противоречит нашим принципам, да и нужды никакой нет: мы просто посылаем сообщение, и все.

— Ты хочешь сказать, что вы теленаты?

— По правде говоря, я не знаю. Мы не умеем передавать слова, если вы это имеете в виду. Но мы обладаем единством. Это трудноато объяснить...

— Могу себе представить, — сказал Блейк. — Нечто вроде туземного телеграфа на психическом уровне.

— Для меня это звучит как бессмыслица, но, если назвать эту штуку так, вреда не будет, — сказал Брауни.

— Наверное, вы приглядываете за множеством людей, — предположил Блейк.

Это так на них похоже, подумал он. Горстка маленьких хлопотунчиков, которых более всего заботит, как живут другие люди.

— Нет, — ответил Брауни. — Во всяком случае, сейчас. Он нам сказал, что вас больше, чем один, и...

— А это тут при чем?

— Что вы, господь с вами. В этом-то все и дело, — сказал Брауни. — Часто ли встречается существо, которое не одно? Не скажете ли вы мне, сколько...

— Меня — трое, — ответил Блейк.

Брауни с торжествующим видом выкинул коленце джиги.

— Так я и знал! — ликуя, вскричал он. — Я побился об заклад с самим собой, что вас трое. Один из вас теплый и лохматый, но с ужасным норовом. Так?

— Да, — ответил Блейк, — должно быть, так.

— Но второй, — сказала Брауни, — совершенно сбивает меня с толку.

— Приветствую собрата по несчастью, — сказал Блейк. — Меня тоже.

Блейк заметил это, когда взошел на высокий крутой холм, — оно лежало в долине и поразительно напоминало чудовищного жука с округлым горбом посередине

и тупорылого спереди и сзади — гигантская черная машина, заполнившая чуть ли не половину всей равнины.

Блейк остановился. Ему еще не приходилось видеть большие крейсера-сухогрузы, которые курсировали между континентами и о которых ходило столько слухов.

Автомобили со свистом проносились мимо, обдавая Блейка струями выхлопных газов из своих рокочущих реактивных сопел.

Держась подальше от проезжей части, Блейк по обочине спустился с холма и наконец дошел до крейсера. Прижавшись к краю дороги, тот стоял на мощных приземистых ножках двухметровой длины и, казалось, дремал, словно петух на насесте.

У переднего конца машины, облокотившись на ступени кабины и вытянув ноги перед собой, сидел мужчина. Замасленная инженерная фуражка сползла ему на глаза, а туника задралась до самого пояса.

Блейк остановился, разглядывая его.

— Доброе утро, приятель, — поздоровался он. — Мне кажется, у тебя неприятности.

— Привет и тебе, брат, — сказал человек, посмотрев на черные одежды Блейка и его рюкзак. — Тебе правильно кажется. Полетела форсунка, и вся эта штука пошла вразнос. Хорошо еще, не развалилась. — Он демонстративно сплюнул в пыль. — А теперь нам придется здесь торчать. Я уже заказал по радио новый блок и вызвал парней из ремонтной бригады, но они, как всегда, не спешат.

— Ты сказал «нам»?

— Ну да, нас же здесь трое. Остальные там наверху, дрыхнут. — Он ткнул большим пальцем вверх, в сторону небольшого жилого отсека за водительской кабиной. — И ведь укладывались в расписание, — добавил он, — а это самое трудное. Через море прошли отлично, обошлось без штормов и береговых туманов. А теперь придем в Чикаго на несколько часов позже. Сверхурочные, конечно, выплатят, но на кой черт они нужны?

— В Чикаго?

— Да, сейчас туда. Каждый раз — новое место. Чтoб дважды в одно и то же — такого не бывает.

Он приподнял руку и потянул за козырек фуражки.

— Все думаю о Мэри и ребятишках, — сказал он.

— Но ты же можешь связаться с ними, сообщи, что выдержишься.

— Пытался. Никого нет дома. Пришлось просить диспетчера сходить к ним и сказать, чтоб меня не ждали. Скоро, по крайней мере. Понимаешь, всякий раз, когда я еду этой дорогой, дети выходят к шоссе, стоят, ждут, чтобы помахать мне. Они приходят в восторг, когда видят, как их папочка ведет такое чудище.

— Как ты живешь поблизости? — сказал Блейк.

— Да, тут есть один городок, — ответил инженер. — Этакая уютная тихая заводь мильх в ста отсюда. Старинное местечко, такие сейчас редко встретишь. Все точно так же, как две сотни лет назад. Нет, конечно, на Главной улице время от времени обновляют фасады, бывает, кто-нибудь надумает и целый дом перестроить, но в основном город остается таким, каким он был всегда. Без этих гигантских многоквартирных комплексов, которые сейчас везде строят. Там хорошо жить. Спокойно. Нет Торговой палаты. Никто ни на кого не давит. Не лезет вон из кожи, чтобы разбогатеть. Потому что тем, кто хочет разбогатеть, сделать карьеру или что-нибудь такое, там жить ни к чему. Отличная рыбалка, есть где поохотиться. На енотов, например. В подкову играют.

Блейк кивнул.

— В таком городке хорошо растить детей, — добавил инженер.

Он подобрал сухую соломинку, потыкал ею в землю.

— Это место называется Виллоу-Гроув, — сообщил он. — Когда-нибудь слышал?

— Нет, — сказал Блейк, — в первый раз...

И тут до него дошло, что это не так. Он слышал об этом городе! Когда в тот день охранник привез его домой от сенатора, в почтографе оказалась записка, в которой упоминался Виллоу-Гроув.

— Значит, все-таки слышал, — заметил инженер.

— Кажется, да, — сказал Блейк. — Кто-то мне о нем упоминал.

— Хороший городок, — повторил инженер.

А что там говорилось в записке? Связаться с кем-то в городе Виллоу-Гроув, чтобы узнать нечто, представляющее для Блейка интерес. И там назывался человек, с которым надо было связаться. Как же вспомнить его имя? Блейк напряг память, но нужного имени так и не нашел.

— Мне надо идти дальше, — сказал он. — Надеюсь, ремонтники придут.

— Куда они денутся, — инженер с отвращением сплюнул, — придут. Только вот когда?

Блейк побрел дальше, держа направление на большой, возвышающийся над всей долиной холм. На вершине виднелись деревья — неровная, раскрашенная осенними красками полоса на горизонте, наконец-то нарушившая золотисто-коричневую монотонность полей. Может быть, там, среди деревьев, удастся найти место, где можно поспать.

Он доплелся до вершины холма. Внизу стояли деревья. Не какая-нибудь поросль или отдельные деревца, а лес, покрывающий большую часть отлогого склона. Еще ниже, где долина выравнивалась, лежали поля, но на следующем склоне опять росли деревья. Холмы здесь слишком круты для земледелия, понял Блейк, и такая чередка возделанных равнин и лесистых холмов может тянуться на многие мили.

Спускаясь к лесу, он вдруг вспомнил, что человек с крейсера говорил об охоте на енотов. Опять, подумал Блейк, случайная фраза поднимает пласт воспоминаний, о которых он не догадывался раньше, и на место становится еще один фрагмент головоломки его человеческого прошлого. Он вдруг вспомнил — вспомнил с ослепительной остротой: ночь, светятся фонари, он стоит на холме, сжимая ружье, и ждет, когда собаки возьмут след, и тут где-то вдалеке подает голос гончая, почуявшая запах. Минуту спустя вся свора включается в погоню, и от лая собак звенит и холм, и долина. Он вспомнил сладкий, ни с чем не сравнимый аромат замерзших опавших листьев, вновь увидел голые ветви деревьев на фоне взшедшей луны и азарт погони вслед за собаками, мчащимися вверх по склону. А потом головокружительный бросок вниз — и дорогу подсвечивает лишь слабый лучик фонаря, и ты изо всех сил стараешься не отстать от своры.

Но откуда всплыло воспоминание об охоте на енотов? Неужели он сам когда-то участвовал в такой охоте? Невероятно. Потому что ему известно, кто он — синтезированный человек, изготовленный ради одной цели, какой не является охота на енотов.

Он остановился у гигантского дуба в несколько обхватов, ствол которого, кривой, перекрученный, в наростах, покрывала тяжелая чешуя колоний лишайника, от-

чего гора казалась серебристо-коричневой. Внизу дерево окружали плотные заросли папоротника. Блейк раздвинул их, опустился на четвереньки и пополз. Жлестнули по лицу и шее ветки папоротника, и он оказался в мягкой прохладной темноте, пахнувшей древесной трухой. Откуда-то сверху, рассеивая мрак, сочился слабый свет.

Глаза понемногу приспособились к темноте, и Блейк разглядел, что внутренняя поверхность дерева довольно гладкая. Полая сердцевина шахтой уходила вверх, и где-то в верхней части этого вертикального тоннеля светились отверстия дупел.

Блейк подтянул к себе рюкзак, порылся в его содержимом. Тонкое, почти не занимающее места одеяло с металлическим отблеском, таких он раньше не встречал, нож в ножнах, складной топорик, небольшой набор кухонных принадлежностей, зажигалка и флакон с жидкостью, сложенная карта, фонарик...

Карта!

Он достал ее, развернул и, подсвечивая фонариком, склонился над ней, чтобы разобрать названия населенных пунктов.

Виллоу-Гроув, сказал инженер, милях в ста отсюда. Вот оно, место, куда он должен попасть. Наконец-то, подумал Блейк, у него появилась цель в этом мире и в ситуациях, которые казались лишенными какой-либо определенности. Точка на карте и человек, имя которого он не помнит и который владеет информацией, представляющей для него возможный интерес.

Отложив одеяло в сторону, он убрал все остальное обратно в рюкзак. Потом придвинулся к стенке, развернул одеяло, накрылся им и, подоткнув под себя, лег. Оно облепилось вокруг него, словно его тело вдруг сделалось магнитным. Одеяло оказалось довольно теплым. Пол был мягким, без бугров. Блейк зачерпнул пригоршню вещества, покрывавшего пол, и позволил ему свободно просыпаться между пальцами. Раскрошенная гнилая древесина, понял он, которая ссыпалась годами из тоннеля пустой сердцевины ствола.

Блейк закрыл глаза, и сон постепенно стал завладевать им. Казалось, сознание проваливается в какой-то колодец, тонет, но в колодце уже что-то есть — два других я, они подхватывают его, придерживают, обступают, и он становится с ними одним целым. Это как возвращение в родной дом, как встреча со старыми дру-

вьями, которых не видел целую вечность. Слова не проносятся, слова не нужны. Только радость встречи, и понимание, и ощущение единства, и он больше не Эндрю Блейк и даже не человек, а существо, у которого нет названия и которое значит больше, нежели только Эндрю Блейк или человек. Но сквозь единство, и уют, и радость встречи пробилась одна беспокойная мысль. Он сделал усилие, и его отпустили, он опять стал собой, снова личностью — но не Эндрю Блейком, а Оборотнем.

— Охотник, когда мы проснемся, будет еще холодней. Может быть, лучше на ночь стать тобой? Передвигаешься ты быстрее, умеешь ориентироваться в темноте и...

— Я согласен, превратимся в меня. Но как быть с одеждой и рюкзаком? Опять ты останешься голым и...

— Ты понесешь вещи. Или ты не помнишь, что у тебя есть руки и пальцы? Ты постоянно забываешь про свои руки.

— Ладно! — сказал Охотник. — Ладно! Ладно! Ладно!

— Виллоу-Гроув, — напомнил Оборотень.

— Да, я знаю, — ответил Охотник. — Мы прочли карту вместе с тобой.

И снова стал подступать сон. И Блейк наконец заснул.

Оборотень говорил, что похолодает, и действительно стало прохладней, но ненамного. И только когда Охотник достиг гребня холма, с севера ударил кинжальный ветер, и пахнуло долгожданной прохладой. Он остановился, чтобы насладиться ветром, потому что здесь, в силу каких-то геологических особенностей, не росли деревья — в отличие от большинства холмов, покрытых лесами, здесь линия леса обрывалась, немного не доходя до гребня.

Ночь выдалась чистой, и в небе светились звезды, хотя, как показалось Охотнику, звезд было не так много, как на его родной планете. Но и тут, на этой возвышенности, подумал Охотник, можно стоять и улавливать картины со звезд, правда, теперь он знал от Мыслителя, что это не только картины, но и мозаичные информационные отпечатки иных рас и иных цивилизаций и что они несут в себе исходные, основополагающие факты, и

которых когда-нибудь можно будет вывести вселенскую истину.

Пространство между ним и следующим холмом выглядело безопасным. Далеко слева ленточки бегущих огней отмечали путь машин, мчавшихся по автостраде. А в долине находились поселения людей, их выдавали лучи света и струящиеся от них вибрации — вибрации, присущие самому человеку и странной силе, которую люди именуют электричеством.

Запоминая каждое дерево, каждый куст на своем пути, классифицируя и оценивая каждое увиденное животное, готовый встретить любую опасность и боясь лишь, что не сумеет ее распознать, Охотник тихо спустился с холма и пересек лес.

За деревьями пошли поля, дороги и дома, — и здесь он опять задержался, чтобы осмотреться.

Вдоль ручья гулял человек с собакой; по частной дороге, ведущей к дому на другой стороне ручья, медленно ехала машина; в поле лежала корова — больше, не считая мышей, сусликов и прочей мелочи, в долине никого не было.

Долину Охотник пересек рысью, а потом понесся большими легкими прыжками. Достиг следующего холма, взобрался наверх, спустился по противоположному склону. Левой рукой он придерживал объемистый рюкзак с одеждой Оборотня и вещами. Рюкзак мешал, потому что съезжал набок, и ему приходилось компенсировать это дополнительным усилием, кроме того, надо было постоянно следить за тем, чтобы не зацепиться за куст или ветку.

Он остановился на минуту, сбросил рюкзак на землю и убрал левую руку. Освободившись от груза, рука устало вернулась в плечевой карман. Охотник выдвинул правую руку, поднял рюкзак и, перебросив его через плечо, продолжил бег. Наверное, подумал он, надо чаще перевешивать груз с плеча на плечо, менять руки. Так будет легче.

Еще одна перебежка через долину, и снова вверх по склону следующего холма. На гребне он остановился, чтобы перед спуском перевести дух.

Виллоу-Гроув, сказал Оборотень. Около ста миль. Если придерживать взятого темпа, к рассвету он будет там. Но что может ждать их в Виллоу-Гроув? На языке Оборотня «Виллоу» означает вид дерева, а «Гроув» — группу деревьев. Как странно люди называют

некоторые географические пункты! Причем логики в этом мало, поскольку группа деревьев может погибнуть, исчезнуть, и тогда название места потеряет смысл.

Деревья не постоянны, подумал он. Но и сами люди как раса — тоже. И это их непостоянство, смена жизней и смертей обеспечивают то, что они называют прогрессом. Надо было, подумал он, создать такую форму жизни.

Охотник сделал шаг вниз по склону и замер, напряженно вслушиваясь. Откуда-то издали доносился слабый протяжный звук.

Собака, определил он. Собака, напавшая на след.

Быстро, но осторожно Охотник спустился с холма. На опушке леса остановился, чтобы оглядеть лежащую впереди равнину. Не обнаружив ничего тревожного, он пересек ее, добежал до забора, перемахнул через него и побежал дальше.

Появились первые признаки усталости. Несмотря на относительную прохладу ночью, к температуре Земли Охотник еще не приспособился. С самого начала он взял быстрый темп, чтобы быть в Виллоу-Гроув к утру. Теперь, пока не придет второе дыхание, придется бежать помедленнее. Надо сдерживать себя.

Следующую долину Охотник пересек трусцой, потом медленно поднялся на очередной склон. Наверху, сказал он себе, надо будет присесть и немного отдохнуть.

На половине подъема Охотник снова услышал лай, и теперь он казался ближе и громче. Но дул порывистый ветер, и достаточно точно определить направление или расстояние было невозможно.

На гребне Охотник сделал остановку. На небе восходила луна, и деревья, под которыми он сидел, отбрасывали длинные тени через лужайку на крутом откосе.

Лай приближался. Судя по всему, собак не меньше четырех, а то пять или шесть.

Не исключено, охота на енотов. Люди используют собак для травли енотов и называют это спортом. Ничего спортивного в этом, конечно, нет. Чтобы считать что-либо подобным спортом, требуется особая извращенность. Впрочем, если вдуматься, люди извращены во многих отношениях. Они пытаются выдать это за честную схватку, но травля не имеет ничего общего ни со схваткой, ни с честностью.

Лай уже слышался с последнего холма. В нем те-

перь звучало какое-то особое возбуждение. Собаки шли сюда по следу.

Охотник вскочил и, обернувшись, устремил вниз сенсорный конус. И сразу увидел собак — они поднимались по склону и уже не принохивались к земле, а просто шли по запаху.

И вдруг его словно оглушило — как он не понял это сразу, когда только слышал лай. Собаки преследовали не енота. Они гнались за более крупной дичью.

Содрогнувшись от ужаса, Охотник развернулся и бросился вниз по склону. Свора уже взобралась на гребень, и яростная песнь погони, не прерываемая более препятствиями, звенела все громче и явственней.

Охотник достиг еще одной долины, пересек ее, бросился вверх по очередному склону. От собак ему удалось пока уйти, но он чувствовал, как усталость вытесняет из тела последние силы, и отчетливо представлял себе, что будет дальше: в коротком отчаянном рывке он может оторваться от своих преследователей, но в конце концов силы иссякнут. Может быть, подумал Охотник, правильной самому выбрать место для схватки и встретить их там. Но их слишком много. Было бы две или три — с двумя-тремя он наверняка справился бы.

Как странно, подумал Охотник, что за ним погнались собаки. Ведь он существо с другой планеты, наверняка собаки не встречали ничего подобного, и след у него должен быть необычный, и запах. И все же отличия (если это отличия), по всей видимости, не отпугивают их и вообще не оказывают на них никакого воздействия, разве что еще больше разжигают охотничий азарт. Вполне вероятно, сказал себе Охотник, что он не так заметно отличается от обитателей этой планеты, как можно было подумать.

Дальше он побежал скачками, снизив скорость и стараясь экономить силы. Однако усталость давала о себе знать. Еще не так долго — и наступит изнеможение.

Конечно, можно передать управление Оборотню. Вполне вероятно, если его след превратится в человеческий, собаки отстанут, а если и не сойдут со следа, то на человека не нападут. Но принимать такое решение ему не хотелось. Надо постараться справиться самому, говорил он себе. В нем вдруг появилась какая-то упрямая гордость, которая мешала ему позвать Оборотня.

Охотник взобрался на холм. Внизу перед ним лежала долина, а в долине стоял дом, в одном из окон ко-

того горел свет. И тут у Охотника в голове начал созревать план.

— Не Оборотень, а Мыслитель. Теперь дело за ним.

— Мыслитель, ты можешь извлечь энергию из дома?

— Могу, конечно. Однажды я это уже проделал.

— Находясь снаружи?

— Если только не очень далеко.

— Тогда отлично. Когда я...

— Давай, — ответил Мыслитель. — Я знаю, что ты надумал.

Охотник не спеша сбежал с холма, подпустил собак поближе, а затем стремглав понесся через долину к дому. Теперь, когда собаки завидели жертву, они, оглушительно лая, все силы, каждый вдох уставших легких вложили в последний рывок, который должен был завершить погоню.

Охотник обернулся и увидел свору — жуткие, алчущие тени, очерченные лунным светом, и услышал возбужденный лай, заполнивший пространство между ним и животными, жаждущими его крови.

И клич Охотника снова взмыл в небо и разнесся по холмам.

До дома теперь было совсем близко, как вдруг, словно откликнувшись на лай собачьей своры, зажегся свет и в других окнах, а на шесте во дворе ослепительно загорелся фонарь. По всей видимости, обитатели дома проснулись, разбуженные неистовым лаем.

Низкая изгородь отделяла дом от поля, и Охотник, перескочив через ограду, приземлился на площадку, залитую светом фонаря. Еще один бросок — и он уже у дома.

— Давай, — крикнул он Мыслителю, прижимаясь к стене. — Давай!

Холод, леденящий, убийственный холод обрушился на него, словно физический удар, вонзился в тело и разум.

Над неровной, зубчатой линией растительности висел спутник этой планеты, почва была чистой и сухой, а через сооружение, которое люди называют забором, прыгали разъяренные собаки.

Где-то рядом был источник энергии, и Мыслитель ухватился за него, движимый голодом, отчаянием и еще чем-то, очень похожим на панику. Ухватился и принал к нему, поглотив сразу больше энергии, чем ему требо-

валось. Дом погрузился в темноту, моргнул и погас фонарь на шесте.

Холод отступил, тело приняло форму пирамиды и засияло. И снова вся информация наконец-то оказалась на месте, более того, она стала еще отчетливей и ясней, чем когда-либо, и, распределившись по мысленным каталогам, ждала, когда ее употребят в дело. Логический процесс в разуме тоже шел безукоризненно и четко, и теперь, после перерыва, который слишком затянулся, можно было...

— Мыслитель, — завопил Охотник. — Прекрати! Собаки! Собаки!

Да-да, конечно. Он ведь знал и про собак, и про план Охотника, и про то, что план действовал.

Скуля и визжа, собаки пытались когтями затормозить свой отчаянный бег и обогнуть это жуткое явление, возникшее вместо волка, которого они гнали.

Слишком много энергии, с испугом подумал Мыслитель. Даже для него слишком много.

Надо освободиться от излишка, решил он. И вспыхнул.

С треском сверкнула молния, на мгновение осветив долину. Краска на доме обуглилась и поползла чернеющими завитками.

Собаки бросились обратно через ограду, взвыли, когда в их сторону полыхнула молния, и пустились наутек, прикрывая поджатыми хвостами опаленные дымящиеся зады.

Виллоу-Гроув, подумал Блейк, городок, который он знал когда-то. Что, разумеется, было невозможно. Вероятно, городок очень похож на тот, о котором он мог читать или видеть на фото. Но Блейк никогда не бывал здесь.

И все же... Он стоял на перекрестке в свете раннего утра, и воспоминания неотступно преследовали его, а мозг продолжал узнавать то, что видели глаза: ступеньки, ведущие от мостовой к банку, толстые вязы, росшие вокруг маленького парка в дальнем конце улочки. Он знал, что в парке, в центре фонтана, стоит статуя, а сам фонтан чаще бездействует, чем работает; что там же, в парке, есть древняя пушка на тяжелых колесах, и ее ствол загажен голубями...

Блейк не только узнавал, но и подмечал изменения.

Велосипедный магазин и лавочка ювелира занимали теперь дом, где прежде был магазин садового инвентаря, а парикмахерская осталась на месте, хотя ее фасад и обновили. И над всей улицей и всей округой витал дух старости, которого не было, когда Блейк в последний раз видел городок.

Но мог ли он, спрашивал себя Блейк, вообще видеть его?

Как мог Блейк видеть его и не вспоминать о нем до сегодняшнего дня? Ведь, по крайней мере, технически он должен владеть тем, что когда-то знал. В тот миг, там, в больнице, все это вернулось к нему — все, что было, все, что он сделал. Но если так, то каким образом у него отняли воспоминание о Виллоу-Гроув?

Старый город, почти древний город, где нет летающих домов, сидящих на своих решетчатых фундаментах, будто на насестах; нет воздушных жилых массивов многоквартирных домов, возвышающихся на окраинах. Прочные, добросовестно сложенные дома из дерева, камня и кирпича, возведенные на века и не предназначенные для скитаний. Некоторые из них, как он видел, были снабжены солнечными электростанциями, пластины которых неловко прилепились к крышам, а на окраине города стояла муниципальная станция более солидных размеров, которая, вероятно, должна была снабжать дома, не оборудованные энергоустановками.

Он поудобнее устроил на плече мешок и плотнее затянул капюшон. Перейдя улицу, Блейк медленно побрел по мостовой. На каждом шагу ему встречались мелочи, будившие бессвязные воспоминания. Теперь он вспоминал не только дома, но и имена. Банкира звали Джейк Вудс, и Джейка Вудса наверняка уже не было в живых, поскольку, если Блейк когда-то видел сам городок, это скорее всего было более двухсот лет назад. Тогда он, Блейк, вместе с Чарли Брином удирал с уроков и отправлялся на рыбалку. Они вылавливали в ручье головлей.

Невероятно, сказал он себе. Невозможно. И тем не менее воспоминания продолжали накапливаться, наваливаться на него, и в них присутствовали не смутные тени, а события, лица, картинки прошлого. И все они были трехмерными. Блейк помнил, что Джейк Вудс хромал и ходил с тростью; и он знал, что это была за трость — тяжелая, блестящая, сделанная из отполированного вручную дерева. У Чарли были веснушки и ши-

рокая заразительная улыбка. И Блейк помнил, что именно из-за Чарли он всегда попадал в передряги. Тут жила Минни Шорт, полоумная старуха, которая носила рубише, передвигалась странной шаркающей походкой и работала на полставки бухгалтером на лесопилке. Но лесопилка исчезла, а на ее месте стояло построенное из стекла и пластика здание агентства по найму леталок.

Блейк добрался до скамейки, стоявшей перед рестораном напротив банка, и тяжело опустился на нее. На улице было несколько человек; проходя мимо Блейка, они разглядывали его.

Он прекрасно себя чувствовал. Даже после трудной ночи в теле ощущалась свежесть и сила. Возможно, из-за похищенной Мыслителем энергии.

Сняв с плеча мешок, Блейк положил его рядом с собой на скамью, потом откинул с лица капюшон.

Магазины и лавчонки начали открываться. По улице с мягким урчанием проехала машина. Блейк читал вывески. Тут не было ни одной знакомой. Названия магазинов и имена их владельцев и управляющих изменились.

Окна над банком были украшены позолоченными надписями, сообщавшими, кто тут живет: Элвин Бэнк, доктор медицины; Г. Г. Оливер, стоматолог; Райан Уилсон, поверенный; Дж. Д. Лич, оптометрист; Вильям Смит...

Стоп! Райан Уилсон — вот оно! Имя, упомянутое в записке.

Там, на другой стороне улицы, находится контора человека, сказавшего в записке, что он может сообщить нечто любопытное.

Часы над дверью банка показывали почти девять. Уилсон уже мог быть в конторе. Или вот-вот появится. Если контора еще закрыта, Блейк может подождать его.

Он поднялся со скамьи и пересек улицу. Дверь, ведущая на лестницу, которая шла наверх, на этаж над банком, болталась на петлях, скрипела и стонала, когда Блейк открывал ее. Лесенка была крутая и темная, а коричневая краска перил вытерлась и облупилась. Контора Уилсона располагалась в самом конце коридора, дверь ее была открыта.

Блейк вошел в приемную, которая оказалась пустой. Во внутреннем кабинете сидел человек в рубаше с короткими рукавами и трудился над какими-то бумагами. Другие документы кипой лежали в корзинке на столе.

Человек поднял глаза.

— Входите, входите, — сказал он.

— Вы Райан Уилсон?

Человек кивнул.

— Моя секретарша еще не пришла. Чем могу быть полезен?

— Вы прислали мне записку. Мое имя — Эндрю Блейк.

Уилсон откинулся на стуле и воззрился на Блейка.

— Черт меня побери, — сказал он наконец. — Вот уж не чаял свидеться. Думал, вы исчезли навсегда.

Блейк озадаченно покачал головой.

— Вы видели утреннюю газету? — спросил Уилсон.

— Нет, — ответил Блейк, — не видел.

Человек потянулся к сложенной газете, лежавшей на углу стола, развернул ее и показал Блейку.

Заголовок кричал: «Действительно ли человек со звезд — оборотень?» В подзаголовке сообщалось: «Охота на Блейка продолжается». Под «шапкой» Блейк увидел свою фотографию. Он почувствовал, как застывает лицо, но сумел сохранить бесстрастное выражение.

— Интересно, — сказал Блейк Уилсону. — Спасибо, что показали. Они уже объявили награду?

Уилсон резко взмахнул кистью руки, складывая газету, и положил ее обратно на угол стола.

— Вам надо всего-навсего набрать номер, — сказал Блейк. — Телефон больницы...

Уилсон покачал головой.

— Это не мое дело, — заявил он. — Мне все равно, кто вы.

— Даже если я оборотень?

— Даже если так, — отвечал Уилсон. — Вы можете повернуться и уйти, если желаете, а я вернусь к работе. Но если вы хотите остаться, я должен буду задать вам пару вопросов. И если вы сумеете ответить на них...

— Вопросы?

— Да. Всего два.

Блейк заколебался.

— Я действую по поручению клиента, — сообщил ему Уилсон. — Клиента, который умер полтора столетия назад. Это дело переходило по наследству от одного поколения сотрудников этой юридической фирмы к другому. Ответственность за выполнение просьбы клиента принял на себя еще мой прапрадед.

Блейк замотал головой, стараясь разогнать туман в мыслях. Что-то тут было не так. Он понял это в тот миг, когда увидел городок.

— Ладно, — сказал он. — Валяйте, задавайте ваши вопросы.

Уилсон выдвинул ящик стола, вытащил из него два конверта. Один он отложил в сторону, второй вскрыл и извлек листок бумаги, который зашелестел, когда поверенный принялся разворачивать его.

Уилсон поднес листок к лицу и принялся рассматривать его.

— Хорошо, мистер Блейк, — сказал он. — Первый вопрос: как звали вашу учительницу в начальных классах?

— Ну, ее имя было, — проговорил Блейк, — ее имя было...

Ответ пришел почти сразу.

— Ее звали Джонс, — сказал он. — Мисс Джонс. Лда Джонс, кажется. Это было так давно.

Но как-то выходило, что все это было не так уж и давно. Он внезапно вспомнил, как она выглядела. Чопорная, похожая на старую деву, с вечно поджатыми губами и растрепанной прической. Она еще носила лиловую блузку. Как он мог забыть эту ее лиловую блузку?

— Хорошо, — сказал Уилсон. — А что вы и Чарли Брин сделали с арбузами Дикона Уотсона?

— Ну, мы... Эй, а как вы об этом-то узнали?

— Неважно, — сказал Уилсон. — Просто отвечайте на вопрос.

— Что ж, — сказал Блейк, — по-моему, это была жестокая проделка. Нам обоим потом было не по себе. Мы никому об этом не говорили. Чарли стащил у отца шприц: его старик, как вы, верно, знаете, был доктором.

— Я ничего не знаю, — ответил Уилсон.

— Ну, в общем, взяли мы шприц. У нас был кувшин керосина, и мы вырыснули керосин во все арбузы. Понемножку, как вы понимаете. Ровно столько, сколько нужно, чтобы у арбузов появился странный привкус.

Уилсон положил листок и взял второй конверт.

— Вы сдали экзамен, — сказал он. — Надо думать, что это принадлежит вам.

Он вручил конверт Блейку.

Блейк взял его и увидел на лицевой стороне надпись, сделанную, судя по всему, трясущейся рукой глубокого

старца. Чернила до того выцвели, что стали бледно-коричневыми.

Надпись гласила: «Человеку, которому принадлежит мой разум». Строкой ниже виднелась подпись: «Теодор Робертс».

Рука Блейка дрогнула, и он опустил ее, все еще сжимая в пальцах конверт. Блейк попытался унять дрожь.

Теперь он знал. Теперь он снова знал. К нему вернулось все — все то, что было забыто, все лица и личности.

— Это я, — сказал он, с трудом шевеля застывшими губами. — Это был я. Тедди Робертс. Я не Эндрю Блейк.

Передние ворота, чугунные и массивные, были заперты, он вошел через задние и обнаружил посыпанную гравием тропинку, которая змейкой поднималась вверх по склону. Внизу лежал городок Виллоу-Гроув, а здесь, под покосившимися замшелыми надгробиями, обрамленными соснами и старинной чугунной оградой, покоились старики, которые были молодыми людьми во времена его детства.

— Ступайте по левой дорожке, — сказал Уилсон. — Ваш семейный участок на полпути к вершине холма, с правой стороны. Но, знаете ли, Теодор не совсем мертв. Он помещен в Банк Разумов, и еще он в вас. Здесь только его тело. Хотя я этого не понимаю.

— Я тоже, — сказал Блейк, — но, думаю, мне надо сходить.

И он двинулся в путь, карабкаясь по крутой, неровной, почти не хоженной тропинке вверх к воротам кладбища. По дороге ему пришло в голову, что во всем городке самым знакомым местом ему показалось именно кладбище. Сосны по внутреннюю сторону чугунной решетки выглядели и выше, чем он помнил, и даже при ярком дневном свете были более темными и мрачными, чем он мог предположить. В их тяжелой хвое стонал ветер, и эти звуки походили на погребальную песню из воспоминаний детства.

Письмо было подписано именем Теодор. Но нет, тогда он был не Теодор, а Тедди. Маленький Тедди Робертс, и позже тоже Тедди Робертс, молодой физик с дипломами технологических институтов Калифорнии и

Массачусетса, которому Вселенная представлялась блестящим совершенным механизмом, требующим объяснения. Теодор появится позже — доктор Теодор Робертс, старый грузный человек с медленной походкой, нудным голосом и седой головой. Того человека, сказал себе Блейк, он не знал и никогда не узнает. Потому что его разум, разум, нанесенный на его синтетический мозг в его синтетическом теле, был разумом Тедди Робертса.

Теперь, чтобы поговорить с Тедди Робертсом, надо было лишь снять трубку, набрать номер Банка Разумов и назвать себя. И немного погодя, возможно, раздастся голос, и голос этот будет говорить от имени разума Теодора Робертса. Не самого человека, чей голос умер вместе с ним; и не разума Тедди Робертса — более пожилого, более мудрого, более уравновешенного разума, в который должен был вырасти разум Тедди Робертса. Но это бессмысленно, подумал он, это будет разговор двух незнакомцев. Или нет? Ведь письмо ему оставил не Тедди, а Теодор, и послание выводила слабая трясущаяся рука старика.

Пройдя через заднюю калитку, он остановился в тени сосен. На вершине холма среди замшелых гранитных плит в тишине солнечного утра работал человек, и яркие блики вспыхивали на его инструменте.

Сразу за калиткой стояла церквушка, сияя в тени зеленых сосен белизной дощатых стен и тщетно пытаясь дотянуться колокольной до уровня деревьев. Дверь часовни была открыта, и Блейк заметил, что внутри горит мягкий свет.

Медленным шагом Блейк миновал церковь и направился вверх по дорожке. Хрустел и перекатывался под ногами гравий. «На полпути справа». Когда он добрался до указанного места, то увидел камень с надписью, которая возвещала миру, что здесь покоится тело Теодора Робертса.

Сомнения охватили Блейка.

Зачем он сюда пришел?

Затем, чтобы посетить место, где похоронено его тело, — нет, не его, а человека, чей разум он носит в себе.

А если тот разум еще жив, если живы сразу оба разума — какое значение имеет тело? Оно не более, чем корпус, и его смерть не должна вызывать сожаления, а место захоронения не играет никакой роли.

Он повернулся и медленно пошел обратно к калит-

ка. У часовни задержался, разглядывая лежащий внизу город через решетку ворот.

Блейк знал, что вернуться в город он пока не готов, и неизвестно, будет ли готов когда-либо. Потому что тогда ему придется решать, что делать дальше. А он не знал этого. Не имел ни малейшего представления.

Блейк повернулся, подошел к порогу церкви и уселся на ступеньку.

«И действительно, что теперь делать?» — подумал он. Как ему поступить?

Теперь Блейк наконец узнал все про себя, и убегать больше нет надобности. Он обрел-таки почву под ногами, но почва эта оказалась слишком зыбкой.

Блейк сунул руку в карман туники и достал письмо. Развернул и здесь же, на пороге церкви, снова перечитал его:

«Мой дорогой сэръ! Сожалею, что приходится обращаться к Вам в этой странной и нелепой форме. Я перебрал другие варианты обращения, но ни один из них не звучит, как хотелось бы. Поэтому остается воспользоваться таким, которое, несмотря на внешнюю официальность, по крайней мере, исполнено достоинства. К настоящему моменту Вы, конечно, уже разобрались, кто есть я, а кто Вы, так что нет необходимости вдаваться в объяснения по поводу наших взаимоотношений, которые, на мой взгляд, не имеют аналогов в истории Земли и несколько необычны для нас обоих. Все эти годы меня не покидала надежда, что однажды Вы возвратитесь, и тогда мы сможем посидеть вдвоем, быть может, и провести несколько приятных часов, сравнивая наши наблюдения. Теперь, однако, я начал сомневаться, что Вы вернетесь. Ваше отсутствие слишком затянулось, и я боюсь, могло случиться нечто такое, что помешало Вашему возвращению. Но даже если оно и произойдет, то я смогу Вас встретить, только если пройдет совсем немного времени, поскольку дни мои на исходе.

Я пишу, что жизнь моя заканчивается, и все же это не совсем верно. Жизнь кончается для меня как физического объекта. Однако разум мой продолжит существование в Хранилище Разумов, один среди многих, способный функционировать независимо или в сотрудничестве с другими находящимися там разумами в качестве своеобразной консультативной коллегии.

Должен признаться, я не сразу решился принять это предложение. Несомненно, мне оказали высокую честь,

остановив выбор именно на мне и тем не менее, даже дав уже согласие, я не уверен в мудрости совершаемого шага как с моей стороны, так и со стороны человечества. Я не убежден, что человек способен достаточно уютно чувствовать себя, сохранившись в виде разума, и кроме того, опасаясь, что со временем человечество может оказаться в чрезмерной зависимости от сконцентрированной мудрости и знаний, собранных в так называемом Банке Разумов. Да, Банк может принести пользу, если мы останемся, как сегодня, только консультативным советом, который рассматривает различные вопросы и выдает рекомендации. Но если люди когда-нибудь станут полагаться на одну лишь мудрость прошлого, прославляя или обожествляя ее, поклоняясь ей и не веря в мудрость своего настоящего, то мы превратимся в помеху.

Я не знаю, почему пишу Вам это. Возможно, потому, что, кроме Вас, мне писать некому. Ведь в значительной мере Вы — это и есть я.

Как странно, что одному человеку выпало в жизни принимать дважды настолько схожие решения. Все те сомнения, которые обуревают меня теперь, мне уже пришлось испытать, когда я оказался в числе тех, чей разум предлагалось наложить на Ваш мозг. Мне казалось, что можно было подобрать разум, более пригодный для Вас, чем мой. Мои склонности и предубеждения могли оказать Вам плохую услугу. Это же соображение беспокоит меня до сих пор: пригодился ли Вам или подвел Вас мой разум?

Если человек размышляет над подобными вопросами, это свидетельствует о том, что в своем развитии от простого животного он проделал действительно значительный путь. Я много раз задумывался, не слишком ли далеко мы зашли, не завело ли нас наше интеллектуальное тщеславие в запретную зону. Но такие мысли стали посещать меня сравнительно недавно. И, как на плод сомнений стареющего человека, на них не следует обращать внимания.

Мое письмо, наверное, кажется Вам сбивчивым и несущественным. Однако, если Вы наберетесь еще немного терпения, я попытаюсь подойти к сути, ради которой это письмо написано.

Все эти годы я думал о Вас, не зная, живы ли Вы, и, если живы, где Вы и когда вернетесь. Полагаю, что к настоящему моменту Вы поняли, что некоторые, а

может быть, даже многие из тех, кто Вас изготовил, рассматривали Вас как задачу из области биохимии, не более. Думаю также, что за долгие годы Вы свыклись с этим, и потому не обидетесь на прямоту моих слов.

Что касается меня, то я всегда считал Вас собратом по людскому племени, практически таким же человеком, как и сам. В семье, как Вам известно, я остался единственным ребенком. И мне часто казалось, что в Вас я вижу того брата, которого никогда не имел. Но истину я осознал позднее. Она заключается в том, что Вы не брат мне. Вы мне значительно ближе, чем брат. Вы мое второе Я, но ни в коей мере не вторичное, а равное во всех отношениях. И это письмо я пишу в надежде на то, что, если Вы вернетесь, Вы захотите связаться со мной, даже если физически я буду мертв. Меня очень интересуют Ваши дела и мысли. Мне кажется, что, побывав там, где Вы побывали в своем профессиональном качестве, Вы могли прийти к весьма любопытным и содержательным оценкам и взглядам.

Станете ли Вы связываться со мной или нет, решать Вам. И как бы мне ни хотелось поговорить с Вами, я не совсем убежден, что нам следует это сделать. Оставляю это целиком на Ваше усмотрение в полной уверенности, что Вы примете наиболее целесообразное решение. Я же в настоящий момент усиленно размышляю над тем, стоит ли постоянно поддерживать существование одного человеческого разума. Мне видится, что, хотя разум является главным в человеческом существе, человек все же больше, чем только разум. Человек — это не только рассудок, но и память, и способность усваивать факты и вырабатывать оценки. Может ли он сориентироваться в той невероятной стране, в которой оказывается, когда выживает один лишь разум? Возможно, он остается человеком, но тогда возникает вопрос о степени его человечности. Превращается ли он в нечто большее или нечто меньшее, нежели человек?

Ну что ж, если Вы сочтете, что нам следует побеседовать, Вы поделитесь со мной своими мыслями по этому поводу. Однако, если Вы полагаете, что нам лучше не встречаться, и я об этом как-то узнаю, то, заверяю Вас, у меня не будет обиды. И в этом случае пусть с Вами останутся всегда мои наилучшие пожелания и любовь.

Искренне Ваш Теодор Робертс».

Блейк сложил письмо, засунул его обратно в карман туники.

Все еще Эндрю Блейк, подумал он, а не Теодор Робертс. Может быть, Тедди Робертс, но Теодор Робертс — никогда.

Допустим, что он сядет за телефон и наберет номер Банка Разумов, что делать, когда ответит Теодор Робертс? Что сказать? Ему нечего предложить. Это будет встреча двух людей, которые в равной степени нуждаются в помощи и ждут помощи друг от друга, не умея ее оказать.

Можно будет сказать: я оборотень — так меня называют в газетах. Только отчасти человек, не более чем на треть. На остальные две трети я нечто такое, о чем ты никогда не слышал, а если бы услышал, то не поверил бы. Я уже больше не человек, и мне нет места на всей Земле. Я не знаю, кто я. Я чудовище, урод, и всякому, к кому я прикоснусь, причиняю одну лишь боль.

Да, это верно. Он причиняет боль всякому, с кем встречается. Элин Гортон — она поцеловала его, девушка, которую он мог бы полюбить и, возможно, уже полюбил. Но ведь любить может лишь человеческая его часть, только треть его. А это причинит боль ее отцу, замечательному старику с негнущейся спиной и негибаемыми принципами. И причинит неприятности молодому доктору Даниельсу, который первым стал его другом и какое-то время был его единственной поддержкой.

Он всем им мог причинить боль — и причинит, если только...

Вот оно. Если.

Необходимо что-то сделать, предпринять какое-то действие, но какое?

Медленно встав со ступенек, он направился было к воротам, затем повернулся и зашел в церковь, в боковой придел.

В помещении царил тишина и полумрак. Электрические канделябры, расставленные на аналое, терялись среди теней — слабый огонек костра в пустынной темноте покинутой всеми равнины.

Место для размышлений. Место, где можно придумать план действий, провести с самим собой тайное совещание. Тщательно проанализировать свое положение, взвесить ситуацию и определить следующий шаг.

Из придела Блейк перешел в центральную часть здания, к скамейкам. Но садиться не стал, а остался стоять, поддерживаемый окутавшей его сумеречной тишиной,

которую скорее подчеркивал, чем нарушал доносившийся снаружи мягкий шорох ветра в соснах.

Блейку стало ясно, что наступило время решать. Здесь он наконец оказался в той точке пространства и времени, откуда нет пути к отступлению. До этого он убегал, и в бегстве был смысл, но теперь эта простая реакция на обстоятельства утратила логику. Потому что убегать дальше некуда, Блейк достиг окончательного предела, и теперь, если продолжать бег, надо разобраться, куда бежать.

Здесь, в этом маленьком городке, он узнал о себе все, что было можно узнать, и город стал тупиком. Вся планета оказалась тупиком, и нет для него места на этой Земле, и среди людей тоже нет места.

Даже принадлежа Земле, Блейк не может претендовать на статус человека. Он гибрид, а не человек, нечто такое, что никогда не существовало прежде, но возникло в результате жутких экспериментов человечества. Команда из трех различных существ, обладающих возможностью и способностью решать, а может быть, и решить главную загадку Вселенной, но эта загадка не имеет прямого отношения ни к планете Земля, ни к жизненным формам, населяющим ее. И он здесь ничего не может сделать для этой планеты, как и она для него.

Он вновь задумался над могуществом этих трех разумов, соединенных печальным и неожиданным поворотом событий, которые породил человеческий разум, — сила и красота, чудо и ужас. И содрогнулся перед осознанием того, что на Земле, возможно, был создан инструмент, поправший любые понятия цели и смысла, на поиски которых во Вселенной ему предстоит пуститься.

Вероятно, со временем все три разума сольются в один, и, когда это произойдет, вклад человека в нем перестанет иметь значение, поскольку не будет более существовать. А тогда лопнут, разорвутся нити, связывающие его с планетой по имени Земля и с расой обитающих на ней двуногих существ, и он станет свободным. Тогда, сказал Блейк себе, он сможет расслабиться, забыть. И когда забудет, когда из него исчезнет человеческое, тогда Блейк сможет отнестись к силе и возможностям множественного разума как к чему-то вполне обыденному. Ибо интеллект человека, каким бы развитым он ни был, чрезвычайно ограничен. Он поражается чудесам и страшится цельного восприятия Вселенной.

И все же, несмотря на ограниченность, человеческий разум дает ощущение безопасности, тепла, уюта.

Блейк перерос человека в себе, и это было болезненно. От этого он чувствовал не только тепло и уют, но и слабость и пустоту.

Этот мир никогда не предназначался для таких, как он. Он — непрошенный гость. Непрошенный, возможно, только применительно к этой планете, однако все еще упорно сидящий в нем человек никак не может отказаться от нее, и она оказывается единственным во всей Вселенной местом, которое имеет для него значение.

Не исключено, когда-нибудь Блейк стряхнет с себя человечность, но если это случится, то не раньше, чем через несколько тысяч лет. А сейчас это его Земля. Сейчас, а не через вечность — и Земля, и Вселенная.

Блейк ощутил теплую волну чужого сочувствия к себе, он смутно осознавал, откуда оно, и даже, несмотря на горечь и отчаяние, понял, что это западня, и закричал, сляясь освободиться.

Блейк сопротивлялся как мог, но те двое все равно влекли его к себе, в ловушку, он слышал их слова и мысли, которыми они обменивались между собой, и слова, с которыми они обращались к нему, хотя и не понимал их.

Их сочувствие оплело его, и они взяли его и крепко прижали к себе, и их инопланетная теплота окутала его тугим, защищающим от всех опасностей одеялом.

Он начал погружаться в негу забвения, и сгусток измучившей его агонии растаял, растворился в мире, где не было ничего, кроме тронх — его и тех двух других, связанных воедино на вечные времена.

Промозглый и колючий декабрьский ветер завывал над землей, срывая последние бурые сухие листья с дуба, который одиноко рос на середине склона холма. Рваные тучи мчались по небу, и ветер доносил запах скорого снегопада. У кладбищенских ворот стояли двое в синем; бледное зимнее солнце, на миг пробиваясь сквозь тучи, сверкало на начищенных пуговицах и стволах винтовок. Сбоку от ворот собралась горстка туристов, они смотрели через чугунную ограду на белую церквушку.

— Сегодня их немного, — сказал Райан Уилсон. — В хорошую погоду, особенно по выходным, сюда прихо-

дят целые толпы. Я это не очень одобряю, — продолжал он. — Там Теодор Робертс. Мне все равно, какое обличье он принимает. В любом случае это Теодор Робертс.

— Как я вижу, доктора Робертса высоко ценили в Виллоу-Гроув, — сказала Элин.

— Это так, — отвечал Уилсон. — Из нас он был единственным, кому удалось завоевать известность. Городок гордится им.

— И все это вас возмущает?

— Не знаю, подходит ли тут слово «возмущение». Пока соблюдают приличия, мы не возражаем. Но толпа нет-нет да и разгуляется. А мы этого не любим.

— Может быть, мне не стоило приезжать, — проговорила Элин. — Я долго раздумывала, и, чем больше копалась в себе, тем сильнее чувствовала, что должна приехать.

— Вы были его другом, — с грустью сказал Уилсон. — Вы имеете право приходить к нему. Вряд ли у него было очень много друзей.

Люди потянулись от ворот вниз по склону холма.

— В такой день им и смотреть-то особенно не на что, — сказал Уилсон. — Вот они и не задерживаются. Одна только церковь. В хорошую погоду ее двери, разумеется, бывают открыты, и можно заглянуть внутрь, но и тогда мало что увидишь. Просто темная полоса. Но когда двери открыты, кажется, будто там что-то светится. Поначалу ничего не светилось и ничего не было видно. Словно смотришь в дырку прямо под полом. Все как шорами закрыто. Думаю, это какой-то экран. Но потом экран, или защита, или что там еще, постепенно исчез, и теперь можно увидеть, как эта штука светится.

— Они пропустят меня внутрь? — спросила Элин.

— Думаю, что да, — ответил Уилсон. — Я сообщу капитану. Нельзя упрекать Космическую Службу за такие строгие меры предосторожности. Вся ответственность за то, что там находится, лежит на них. Они начали этот проект двести лет назад. Того, что случилось, могло и не быть, если бы не проект «Оборотень».

Элин вздрогнула.

— Простите меня, — сказал Уилсон. — Я не должен был говорить так.

— Почему? — спросила она. — Как бы неприятно это ни было, его все так называют.

И рассказывал вам о том дне, когда он пришел в

мою контору, — сказал Уилсон. — Это был милый молодой человек.

— Это был испуганный человек, бегущий от мира, — поправила его Элин. — Если б только он сказал мне...

— Возможно, тогда он не знал...

— Он знал, что попал в беду. Мы с сенатором помогли бы ему. И доктор Даниельс помог бы.

— Он не хотел впутывать вас. В такие вещи друзей обычно не втягивают. А ему хотелось сохранить вашу дружбу. Более чем вероятно, что он боялся потерять её, рассказав все вам.

— Да, я понимаю, он мог так рассуждать, — ответила Элин. — И я даже не пыталась заставить его поделиться со мной. Но я не хотела делать ему больно. Думала, что надо оставить ему шанс самому все узнать.

Толпа спустилась с холма, прошла мимо них и двинулась по дороге дальше.

Пирамида стояла слева, перед рядами стульев. Она тускло поблескивала и излучала широкую, слегка пульсирующую полосу света.

— Не подходите слишком близко, — посоветовал капитан. — Вы можете испугать его.

Элин не ответила. Она смотрела на пирамиду. От ужаса и изумления, внушаемых этим странным предметом, к горлу подкатывал душливый комок.

— Можно приблизиться еще на два-три ряда, — сказал капитан. — Но подходить вплотную нельзя. Мы же толком ничего не знаем о ней.

— Испугать? — переспросила Элин.

— Не знаю, — ответил капитан. — Уж так эта штука себя держит. Будто боится нас. Или просто не желает иметь с нами никаких дел. До недавнего времени было по-другому. Она была черной. Кусочек пустоты. Создала собственный мир и воздвигла вокруг него всевозможные защитные приспособления.

— А теперь он знает, что мы не причиним ему вреда?

— Ему?

— Эндрю Блейку, — пояснила она.

— Вы знали его, мисс? Так сказал мистер Уилсон.

— Я трижды встречалась с ним, — ответила она.

— Насчет того, знает ли он, что мы не причиним ему вреда, — проговорил капитан. — Возможно, в этом все дело. Кое-кто из ученых так и думает. Многие пытались изучать эту штуку... простите, мисс Гортон, изучать его.

Но далеко продвинуться им не удалось. У них почти нет материала для работы.

— Они уверены? — спросила Элин. — Они уверены, что это Эндрю Блейк?

— Там, под пирамидой, — сказал ей капитан. — У ее основания с правой стороны.

— Туника! — воскликнула она. — Та самая, что я дала ему!

— Да, та туника, что была на нем. Вот она, на полу. Одни только краешек торчит.

— Не отходите от меня слишком далеко, — предупредил капитан. — Не приближайтесь к нему.

Элин сделала еще шаг и остановилась. «Глупо, — подумала она. — Если Эндрю здесь, он знает, знает, что это я, и не испугается. Знает, что я не принесла ему ничего, кроме своей любви».

Пирамида мягко пульсировала.

Но он может и не знать, думала Элин. Может, Блейк укрылся здесь от всего мира. И если он это сделал, значит, у него была причина.

— Капитан, — сказала она. — А ученым известно, сколько там разумов? Их может оказаться больше трех?

— Кажется, они так и не пришли к общему мнению, — ответил он. — На сегодняшний день положение таково, что их может быть сколько угодно.

Сколько угодно, подумала Элин. Это — вместилище бесконечно большого числа разумов. Всей мысли Вселенной.

«Я здесь, — беззвучно сказала она существу, бывшему некогда Эндрю Блейком. — Разве ты не видишь, что я здесь? Если я буду нужна тебе, если ты когда-нибудь снова превратишься в человека...»

Но почему Блейк должен опять превращаться в человека? Может быть, он превратился в эту пирамиду как раз потому, что ему не надо быть человеком? Не надо общаться с родом людским, частью которого он не может стать?

Она повернулась и неуверенно шагнула к выходу из церкви, потом снова вернулась назад. Пирамида мягко светилась, она казалась такой спокойной и прочной и вместе с тем такой отрешенной, что у Элин перехватило горло, а глаза наполнились слезами.

«Я не заплачу, — зло сказала она себе. — Кого мне оплакивать? Эндрю Блейка? Себя? Спятившее человечество?»

Он не мертв, думала она. Но это, быть может, хуже смерти. Будь он мертвым человеком, она могла бы уйти. Могла бы сказать: «Прощай».

Однажды Блейк обратился к ней за помощью. Теперь она уже не в силах помочь ему. Люди не в силах помочь ему. Вероятно, подумалось ей, он уже недоступен для человечества.

Она снова повернулась.

— Я пойду, — сказала она. — Капитан, прошу вас, идите рядом со мной.

Работа доставляла ему удовлетворение и радость, и это беспокоило его. Он ничего не имел против удовлетворения, но вот радость — это было плохо. Ощущение, которого раньше Мыслитель никогда не испытывал и которое не должен был испытывать теперь; нечто ему чуждое — эмоции. А эмоциям нет места, если хочешь достичь оптимальных результатов, думал он, с раздражением пытаюсь истребить в себе радость.

Это как заразная болезнь, сказал себе Мыслитель. И заразился он ею от Оборотня. И еще, возможно, от Охотника — существа, мягко говоря, весьма нестабильного. Теперь ему следует поостеречься: радость — уже достаточно скверно, но от этих двоих можно заразиться и другими аналогичными эмоциями, которые окажутся еще хуже.

Он освободился от радости, выставил охрану против других опасностей и продолжил работу, дробя мысли и понятия до мельчайших составляющих, до формул, аксиом и символов, при этом следя за тем, чтобы в процессе не потерялась их суть, потому что суть понадобится позже.

Время от времени ему встречались обрывки информации, в которых явно что-то крылось, их следовало поместить и отложить, чтобы затем поразмыслить над ними или подождать, пока не появятся дополнительные данные. В целом выстраивалась достаточно прочная логическая основа, но при слишком дальних экстраполяциях увеличивались значения погрешности и для корректировки требовались новые данные. Столько скользких мест на пути, на каждом шагу ловушки. Продвижение к решению требовало строжайшей дисциплины и постоянного самоконтроля, чтобы полностью исключить

из процесса понятие собственного Я. И именно поэтому, подумал он, столь нежелательно влияние радости.

Расположившись на полу церкви, Мыслитель ровно и мягко пульсировал: логический механизм, составляющий его разум, продвигался к универсальной истине.

Оборотень боролся изо всех сил. Он должен выбраться. Должен спастись. Он не может больше оставаться погребенным в этой черноте и тиши, в уюте и безопасности, которые обволокли и спеленали, поглотили его.

Оборотень не хотел борьбы. Он предпочел бы остаться там, где находился, и тем, чем был. Но что-то заставляло его бороться — что-то не внутри его, а снаружи — некое создание, или существо, или обстоятельство, которое звало и говорило, что оставаться нельзя, как бы он ни хотел остаться. Что-то еще надо было сделать, что-то надо было обязательно сделать, и задание это, каким бы оно ни было, выполнить мог только он.

— Спокойней, спокойней, — сказал Охотник. — Оставайся там, где ты есть, так будет лучше.

«Снаружи?» — удивился он. И вспомнил. Женское лицо, высокие сосны у ворот — другой мир, на который он смотрел будто бы через стену струящейся воды, далекий, расплывчатый, нереальный. Но Оборотень твердо знал, что тот мир существует.

— Вы заперли меня! — закричал он. — Отпустите сейчас же.

Но Мыслитель не обратил на него внимания. Он продолжал мыслить, всю свою энергию направив на бесчисленные осколки информации и фактов.

Силы его и воля иссякли, и Оборотень погрузился во тьму.

— Охотник, — позвал он.

— Не мешай, — сказал Охотник. — Мыслитель работает.

Он затих в бессильной злости, сердясь безмолвно, мысленно. Но от злости не было толку.

«Я с ними так не обращался, — сказал он себе. — Я всегда их слушал, когда мы воплощались в меня».

Он лежал расслабившись, наслаждаясь покоем и тишиной, и думал, что так, возможно, лучше. Есть ли еще и чем либо смысл? Есть ли смысл в Земле? Вот

оно — Земля! Земля и человечество. И в том и в другом есть смысл. Может, не для Охотника или Мыслителя, хотя то, что имеет смысл для одного, имеет смысл и для всех троих.

Он слабо шевельнулся, но высвободиться не было ни сил, ни, судя по всему, воли.

И снова Оборотень лег и затих, набираясь сил и терпения.

Они делают это ради него, сказал он себе. Они вышли, и укрыли его в час тревоги, и теперь держат, прижав к себе, чтобы он поправился, окреп.

Оборотень попытался вызвать ту самую тревогу, надеясь, что обретет в ней силы и волю. Но он не мог вспомнить. Воспоминание оказалось уничтоженным, стертым. От него остались лишь закраины, за которые никак не удавалось ухватиться. И он свернулся клубочком, устраиваясь в темноте, и впустил в себя тишину, но даже теперь Оборотень знал, что все равно будет бороться за то, чтобы вновь освободиться — пусть надежда слаба, и скорее всего он проиграет, но будет пытаться снова и снова, потому что какая-то не совсем понятная, но неодолимая сила не позволит ему сдаться.

Время и бессилие простирались перед ним, и само время было бессильно, он знал это, потому что знал все, что знал Мыслитель: время как фактор не играет никакой роли.

Оборотень попытался посмотреть на собственное положение под правильным углом, но оно никак не хотело принимать форму, соотносимую хоть с каким-либо углом зрения. Время — расплывчатое пятно, туманная дымка реальности, и сквозь туман приближается лицо — лицо, сперва для него ничего особого не значащее, но которое он в конце концов узнал, и, наконец, лицо, которое навеки запечатлелось в его памяти.

Губы шевельнулись в полумраке, и, хотя он не мог услышать слов, они тоже навеки отпечатались в его сознании.

«Когда сможешь, дай мне знать о себе».

Вот оно, подумал он. Надо дать ей знать. Она ждет и хочет услышать, что с ним произошло.

Оборотень рванулся вверх из мрака и тишины, сопровождаемый ропотом — яростным, протестующим ропотом тех двух других.

Черные башни закружились в обступающей его тем-

поте — вращающаяся чернота, которую можно почувствовать, но нельзя увидеть. И вдруг он увидел.

Блейк стоял в церкви, в полумраке, подсвеченном слабыми огнями люстры. Затем кто-то закричал, и он увидел, как к выходу через неф бежит солдат. Другой солдат растерянно замер.

— Капитан! Капитан! — орал бегущий. Второй солдат сделал короткий шаг вперед.

— Спокойно, дружок, — сказал Блейк. — Я никуда не уйду.

Что-то путалось у него в ногах. Блейк взглянул вниз и увидел, что это его туника. Он переступил через нее, поднял и набросил на плечи.

Мужчина с нашивками на плечах пересек неф и остановился перед Блейком.

— Меня зовут капитан Сондер, сэр, — представился он. — Космическая Служба. Мы охраняем вас.

— Охраняете или караулите? — спросил Блейк.

— Наверное, понемножку и того, и другого, — чуть заметно ухмыльнувшись, ответил капитан. — Позвольте поздравить вас, сэр, с тем, что вы снова стали человеком.

— Ошибаетесь, — ответил Блейк, поплотней закутываясь в тунику. — И наверное, теперь вы уже знаете, в чем ваша ошибка. Вам должно быть известно, что я не человек — не совсем человек.

Может быть, подумал он, человеческое в нем лишь одно обличье. Хотя нет, этого мало, ведь его разрабатывали и строили как человека. Конечно, произошли определенные изменения, но Блейк не настолько изменился, чтобы стать нечеловеком. Он сделался нечеловеком ровно настолько, чтобы стать неприемлемым. Нечеловеком ровно настолько, чтобы человечество сочло его чудовищем, монстром.

— Мы ждали, — сказал капитан. — И надеялись...

— Сколько? — спросил Блейк.

— Почти год, — ответил капитан

«Целый год! — подумал Блейк. — Ни за что бы не поверил». Казалось, прошло лишь несколько часов, не больше. А интересно, сколько его держали в целительных недрах общего разума, пока Оборотень понял, что должен освободиться? Или он понял это с самого начала, с той минуты, как Мыслитель подавил его? Ответ на это дать трудно. Время применительно к изолированному разуму, возможно, лишено всякого смысла и

годится для измерения продолжительности не более, чем школьная линейка.

И все же времени прошло достаточно, по крайней мере для того, чтобы излечиться. Не было больше ни ужаса, ни режущей на куски агонии, теперь Блейк мог мириться с тем, что он в недостаточной степени человек и не может претендовать на место на Земле.

— И что теперь? — спросил он.

— Мне приказано, — ответил капитан, — сопроводить вас в Вашингтон, в штаб Космической Службы. Если к этому не будет препятствий.

— Препятствий не будет, — заверил его Блейк. — Я не собираюсь оказывать сопротивление.

— Я не вас имею в виду, — сказал капитан, — а толпу на улице.

— Что значит «толпу»? Какая такая толпа?

— На этот раз толпа поклоняющихся вам фанатиков. Дело в том, что возникли секты, которые, насколько мне известно, верят, будто вы пророк, посланный избавить человека от его греховности. А иногда собираются другие группы, объявившие вас исчадьем... Извините, сэр, я забылся.

— А что, — поинтересовался Блейк, — эти группы, и те и другие, причиняют вам какие-нибудь хлопоты?

— Причиняют, сэр, — подтвердил капитан. — И иногда немалые. Поэтому мы должны выбраться отсюда незаметно.

— Но почему не выйти просто через ворота? И положить всему конец?

— Боюсь, что ситуация не столь проста, как вам кажется, — сказал капитан. — Буду с вами откровенен. Кроме нескольких наших людей, о том, что вы уйдете отсюда, не будет знать никто. По-прежнему будет стоять охрана и...

— Вы будете делать вид, что я все еще здесь?

— Да. Так мы избежим ненужных осложнений.

— Но когда-нибудь...

— Нет, — покачал головой капитан. — По крайней мере нескоро, очень нескоро. Вас никто не увидит. А корабль уже ждет. Так что вы можете лететь, если, конечно, хотите лететь.

— Спешите избавиться от меня?

— Может быть, — ответил капитан. — Но еще и хотим дать вам возможность избавиться от нас.

Земля хочет избавиться от него. Возможно, она его боится. Возможно, он просто внушает ей отвращение. Мерзкий плод ее собственного честолюбия и фантазии, плод, который надо быстренько замести под половику. Ибо не осталось ему места на Земле и среди людей, и вместе с тем он был порождением человечества, а его существование стало возможным благодаря смекалке и хитроумию земных ученых.

Блейк раздумывал об этом, когда впервые удалился в церковь, и теперь, стоя у окна своей комнаты и глядя на улицы Вашингтона, он знал, что был прав и точно оценил реакцию человечества.

Хотя нельзя было определить, в какой степени эта реакция исходит непосредственно от людей Земли, а в какой — от чинуш Космической Службы. Для Службы он был давней ошибкой, просчетом планирования с далеко идущими последствиями. И чем быстрее они от него избавятся, тем им будет лучше.

Блейк помнил, что на склоне холма за оградой кладбища была толпа, которая собралась, чтобы отдать дань уважения тому, чем он был в ее глазах. Зеваки? Разумеется. Верующие? Более чем вероятно. Люди, падкие на любые свежие сенсации, которыми можно заполнить пустоты жизни, но все равно люди, все равно человеческие существа, все равно человечество.

Блейк стоял и смотрел на залитые солнцем улицы Вашингтона, на редкие машины, сновавшие по проспекту, и редких пешеходов, слонявшихся под деревьями на тротуарах. Земля, думал он. Земля и люди, живущие на ней. У них есть работа, семьи, ради которых стоит спешить домой; у них есть домашнее хозяйство и увлечения, свои тревоги и маленькие торжества, друзья. Но это — зависимые люди. Интересно, мог бы он задумываться об этом, если бы сам был зависим, если бы в силу каких-то невообразимых обстоятельств человечество приняло его? Одному ему было не по себе. Блейк не воспринимал себя как одинокое существо, поскольку были и двое других, которые держались вместе, соединившись в том сгустке вещества, из которого состояло его тело.

Их не интересовало то, что он угодил в эмоциональный капкан, хотя там, в церкви, они и выказывали к этому интерес. То, что им самим были недоступны такие чувства, к делу не относилось.

Но удел изгоя, исход с Земли и скитания по Вселенной, доля парии — этого ему, наверное, не вынести.

Корабль ждал его, он был уже почти готов. И решить предстояло Блейку: он мог лететь или остаться. Хотя Космическая Служба ясно дала понять, что предпочла бы первое.

Да и что он приобретет, оставшись? Ничего. Разве что слабую надежду в один прекрасный день вновь обрести человечность.

А если он на это способен, хочет ли он этого?

В голове загудело: Блейк не находил ответа. И он стоял, со скучающим видом глядя в окно и почти не видя того, что творится на улице.

Стук в дверь заставил его обернуться.

Дверь открылась, и он увидел стоящего в коридоре охранника. Потом вошел какой-то человек, и Блейк не сразу узнал его. Но затем разглядел, кто это.

— Сенатор, — проговорил он, подходя к человеку, — вы очень любезны. Я не думал, что вы придете.

— А почему, собственно, я не должен был прийти? — спросил Гортон. — В вашей записке было сказано, что вы хотите поговорить со мной.

— Я не знал, захотите ли вы видеть меня, — произнес Блейк. — В конце концов я, вероятно, внес свой вклад в исход референдума.

— Возможно, — согласился Гортон. — Стоун поступил в высшей степени неэтично, используя вас в качестве негативного примера. Хотя я обязан отдать должное этому парню: использовал он вас великолепно.

— Мне очень жаль, — проговорил Блейк. — Это я и хотел вам сказать. Я бы приехал повидать вас, но, похоже, сейчас меня держат на мягком поводке.

— Ну-ну, — возразил сенатор. — Думается, у нас куда больше тем для беседы. Референдум и его результаты, как вы можете догадаться, довольно болезненный для меня предмет. Только позавчера я отослал им прошение об отставке. Откровенно говоря, мне понадобится время, чтобы привыкнуть к мысли, что я не сенатор.

— Может быть, присядете? — предложил Блейк. — Вы в то кресло, что ли. Я могу раздобыть немного коньяку.

— От всего сердца одобряю эту мысль, — сказал сенатор. — Уже достаточно поздно, можно начинать дневное возлияние. В тот раз, когда вы пришли к нам в дом,

мы пили коньяк. Если память меня не подводит, бутылочка была особая.

Он сел в кресло и обвел глазами комнату.

— Должен заметить, что о вас неплохо заботятся, — заявил он. — По меньшей мере офицерские апартаменты.

— И страж у дверей, — добавил Блейк.

— Вероятно, они немного побаиваются вас.

— Наверное, но в этом нет нужды.

Блейк подошел к винному шкафчику, достал бутылку и два стакана. Потом он пересек комнату и уселся на кушетку лицом к Гортону.

— Как я понимаю, вы вот-вот покинете нас, — сказал сенатор. — Мне говорили, что корабль почти готов.

Блейк кивнул, разливая коньяк.

— Я немного размышлял об этом корабле, — сказал он. — Экипажа не будет. Я один на борту. Полная автоматика. Сделать такое всего за год...

— О, не за год, — возразил сенатор. — Разве никто не позаботился рассказать вам о корабле?

Блейк покачал головой.

— Меня кратко проинструктировали. Да, это точное слово: проинструктировали. Мне сказали, на какие рычаги нажимать, какие циферблаты крутить, чтобы попасть туда, куда я хочу попасть. Как работает система снабжения продуктами. Хозяйство корабля. Но это все, Разумеется, я спрашивал, но ответов у них, похоже, не было. Кажется, главная их цель — поскорее выпихнуть меня с Земли.

— Понимаю, — сказал сенатор. — Старые военные игры. Всякие там каналы и тому подобные штуки, наверное. И чуть-чуть этой их нелепой секретности.

Он поболтал коньяк в стакане и поднял глаза на Блейка.

— Если вы думаете, что это ловушка, не бойтесь. Это не так. Корабль будет делать все, что они обещают.

— Рад это слышать, сенатор.

— Корабль не строили. Его, можно сказать, вырастили. Он не сходил с чертежных досок в течение сорока лет или дольше. Конструкцию меняли множество раз, испытывали снова и снова, строили и разбирали, чтобы внести усовершенствования. Это была попытка создать идеальный корабль, понимаете? На него потра-

цены миллионы человеко-дней и миллиарды долларов. Корабль способен работать вечно, и человек может жить в нем вечно. Это единственное средство, способное помочь человеку, оснащеному так, как вы, уйти в космос и выполнить ту работу, для которой и строили корабль.

Блейк вздернул брови.

— Один вопрос, сенатор: зачем столько хлопот?

— Хлопот? Не понимаю.

— Послушайте, все, что вы говорите, верно. Это странное создание, о котором мы вели разговор, на треть состоящее из меня, способно летать по Вселенной на таком корабле и делать дело. Но какая будет отдача? Что это сулит человечеству? Может быть, вы верите, что когда-нибудь мы вернемся, преодолев расстояния в миллионы световых лет, и передадим вам все приобретенные знания?

— Не знаю, — сказал сенатор. — Может быть, так они и думают. Может быть, у вас достанет человечности вернуться.

— Сомневаюсь, сенатор.

— Что ж, — сказал тот, — не вижу большого смысла говорить об этом. Вдруг возвращение окажется невозможным, даже если вы захотите. Мы понимаем, сколько времени займет ваша работа, и человечество не настолько глупо, чтобы верить в свое вечное существование. К тому времени, когда вы получите ответ, нас может уже и не быть.

— Мы получим ответ. Если мы полетим, то получим его.

— Еще одно, — сказал сенатор. — Вам не пришло в голову, что человечество, быть может, способно дать вам возможность полететь в космос в поисках ответа, даже зная, что оно ничего на этом не выгадает? Зная, что где-то во Вселенной найдется некий разум, которому будет полезен ваш ответ и ваши знания?

— Об этом я не подумал, — сказал Блейк. — И я не убежден, что это так.

— Мы досадили вам, не правда ли?

— Не знаю, — ответил Блейк. — Не могу сказать, какие чувства я испытываю. Человек, который вернулся домой и которого сразу же пинком выпроваживают вон.

— Вы не обязаны покидать Землю. Я думал, вам самому этого хочется. Но если вам угодно остаться...

— Остаться? Зачем? — воскликнул Блейк. — Чтобы сидеть в красивой клетке и сполна пользоваться казенной добротой? Чтобы на меня пялили глаза и показывали пальцем? Чтобы дураки преклоняли колена возле этой клетки и молились, как там, в Виллоу-Гроув?

— Наверное, это было бы довольно бессмысленно, — согласился Гортон. — Я имею в виду, остаться тут. В космосе у вас по крайней мере будет занятие, и...

— И еще одно, — прервал его Блейк. — Как получилось, что вы столько обо мне знаете? Как вы все это раскопали? Как вычислили, в чем тут дело?

— Насколько я понимаю, при помощи дедукции, — ответил Гортон, — основанной на тщательных исследованиях и дотошных наблюдениях. Это не все. Но этого достаточно, чтобы понять, какими способностями вы обладаете и как можете их применить. Мы поняли, что такие способности не должны пропадать зря; надо было дать вам возможность использовать их. Кроме того, мы подозревали, что здесь, на Земле, вы их реализовать не сумеете. Тогда-то Космическая Служба и решила предоставить вам корабль.

— Вот, значит, к чему все сводится, — сказал Блейк. — Я должен выполнить задание, хочу я того или нет.

— По моему, решать вам, — с холодком в голосе проговорил Гортон.

— Я на эту работу не напрашивался.

— Да, — согласился Гортон. — По-видимому, не напрашивались. Но вы можете обрести удовлетворение в ее заманчивости.

Они помолчали. Обоим было не по себе от того, что разговор принял такой оборот. Гортон допил коньяк и отставил стакан. Блейк потянулся за бутылкой.

— Нет, благодарю вас. Мне скоро идти. Но прежде я задам вам вопрос. Вот он: что вы рассчитываете там найти? И что вы уже знаете?

— Относительно того, что мы предполагаем найти, я не имею ни малейшего представления, — ответил Блейк. — Что мы уже знаем? Массу вещей, которые не сложишь в цельную картину.

Гортон тяжело поднялся. Движения его были сковавшими.

— Я должен идти, — сказал он. — Спасибо за коньяк.

— Сенатор, — проговорил Блейк, — я послал Элин письмо, а ответа нет.

— Да, я знаю, — сказал Гортон.

— Мне нужно повидаться с ней перед отлетом, сэр. Я хочу кое-что ей сказать.

— Мистер Блейк, — заявил Гортон, — моя дочь не желает ни видеть вас, ни говорить с вами.

Блейк медленно поднялся. Они стояли лицом к лицу.

— А причина? Вы можете сказать, почему?

— Я думаю, что причина должна быть очевидна даже для вас, — ответил Гортон.

Тени уже заползли в комнату, а Блейк все сидел на кровати не шевелясь, и мысль его все ходила и ходила вокруг одного единственного беспощадного факта.

Элин не желала ни видеть его, ни говорить с ним — хотя она, чье лицо он запомнил навсегда, помогла ему вырваться из тьмы и покоя. Если сенатор сказал правду, все его усилия и борьба были напрасны. Лучше бы Блейк тогда остался там, где был, и залечивал бы раны, пока Мыслитель доведет до конца свои размышления и подсчеты. Но правду ли сказал сенатор? Может быть, он затаил на него обиду за роль, которую Блейк сыграл в поражении столь дорогой ему биоинженерной программы? И таким образом решил отплатить, хотя бы частично, за собственное разочарование?

Нет, это маловероятно, сказал себе Блейк. Сенатор — слишком искушенный политик, чтобы не отдавать себе отчет в том, что эта затея с биоинженерией была, мягко говоря, авантюрой и имела немного шансов на победу. И потом, во всем этом есть что-то странное. Поначалу Гортон был очень любезен и отмахнулся от упоминания о референдуме, а потом вдруг тон его сделался резким и холодным. Словно сенатор играл заранее продуманную роль — хотя такое предположение выглядит совершенно бессмысленным.

— Я восхищен тем, как ты держишься, — сказал Мыслитель. — Ни стонов, ни зубовного скрежета, ни вырывания волос.

— Да замолчи ты! — оборвал его Охотник.

— Но я пытался сделать комплимент, — возразил Мыслитель, — и оказать моральную поддержку. Он подходит к проблеме на высоком аналитическом уровне,

без эмоциональных вспышек. Единственный способ найти решение в подобной ситуации.

При этом разумный компьютер мысленно вздохнул.

— Хотя я должен признать, — сказал он, — я не в состоянии разобраться в важности данной проблемы.

— Не обращай на него внимания, — посоветовал Охотник Блейку. — Я заранее принимаю любое твоё решение. Если хочешь задержаться на этой планете, я согласен. Мы подождём.

— Ну конечно, — подтвердил Мыслитель, — какие вопросы. Что такое одна человеческая жизнь? Ты ведь не останешься здесь дольше одной человеческой жизни?

— Сэр, — обратилась к Блейку Комната, — вы позволите включить свет?

— Нет, — сказал Блейк. — Пока не надо.

— Но, сэр, уже темнеет.

— Я люблю темноту.

— Может быть, желаете поужинать?

— Нет, не сейчас, благодарю.

— Кухня готова выполнить любой ваш заказ.

— Чуть позже, — сказал Блейк. — Я ещё не голоден.

Они сказали, что не возражают, если он решит остаться на Земле и попытается стать человеком. Но зачем?

— А почему бы не попробовать? — сказал Охотник. — Человек-женщина может передумать.

— Вряд ли, — сказал Блейк.

И в этом, конечно, было самое худшее: он знал, почему она не передумает, почему никогда не захочет иметь ничего общего с подобным ему существом.

Но дело было не только в Элин, хотя, Блейк знал, прежде всего именно в ней. Ему ещё предстояло оборвать последние связи с человечеством, которое могло бы стать ему родным, с планетой, которая могла бы стать его первым и единственным домом, и теперь человеческая часть его сути не желала мириться с уготованным ей насильем, не хотела терять право первородства, не успев обрести его. И все это — дом, родина, родство — из-за своей недостижимости где-то в глубине души становилось ему особенно дорогим.

Мягко звякнул колокольчик.

— Телефон, сэр, — сказала Комната.

Он протянул руку к телефону, щелкнул выключа-

телем. Экран моргнул, но изображение не появилось. Экран продолжал моргать.

— Вызов без видеопередачи, — объявил коммутатор. — Вы имеете право не отвечать.

— Ничего, — сказал Блейк. — Давайте. Мне все равно.

Голос — четкий, ледяной, лишенный всякой интонации — ровно произнес:

— С вами говорит разум Теодора Робертса. Вы Эндрю Блейк?

— Да, — сказал Блейк. — Как поживаете, доктор Робертс?

— Со мной все в порядке. Разве может быть иначе?

— Извините. Я забыл. Не подумал.

— Поскольку вы не связывались со мной, я решил найти вас сам. Думаю, нам надо поговорить. Насколько мне известно, вы скоро улетаете.

— Корабль почти готов, — ответил Блейк.

— Путешествие за знаниями?

— Да, — подтвердил Блейк.

— Летите все трое?

— Да, все трое.

— С тех пор, как я узнал о вашей ситуации, — сказал разум Теодора Робертса, — я об этом часто думаю. Несомненно, рано или поздно наступит день, когда вас станет не трое, а один.

— Я тоже так думаю, — сказал Блейк. — Но это произойдет очень нескоро.

— Время для вас не играет никакой роли, — сказал разум Теодора Робертса. — И для меня тоже. У вас бессмертное тело, которое можно разрушить только извне. А у меня тела нет вообще, и потому меня нельзя убить. Я могу умереть, только если испортится техника, содержащая мой разум.

Не имеет никакого значения и Земля. Мне кажется, вам необходимо признать этот факт. Земля — не более чем точка в пространстве, крохотная, ничтожная точка.

Если задуматься, в этой Вселенной так мало чего-либо, что действительно важно. Когда ты все просеешь через сито значительности, в нем останется только разум. Разум — общий знаменатель Вселенной.

— А человеческая раса? — спросил Блейк. — Человечество? Оно тоже не имеет значения?

— Человеческая раса, — ответил четкий, ледяной голос, — лишь мельчайшая частица разума. Не говоря

уж об отдельном человеческом или каком ином существе.

— Но разве разум... — начал Блейк, но остановился.

Бесполезно, сказал он себе, разве может понять другую точку зрения существо, с которым он разговаривает, — не человек, а бестелесный разум, находящийся в плену предрассудков своего мира не в меньшей степени, чем существо из плоти и крови — своего. Утраченный для физического бытия, он, наверное, хранит о нем столь же туманные воспоминания, как взрослый — о собственном младенчестве. Разум Теодора Робертса существует в одном измерении. Маленький мир с гибкими параметрами, в котором не происходит ничего вне рамок движения мысли.

— Вы что-то сказали — или хотели сказать?

— По-видимому, — произнес Блейк, пропуская вопрос, — вы говорите мне это затем...

— Я говорю вам это затем, — сказал Теодор Робертс, — что знаю, насколько вы утомлены и растеряны. А так как вы — часть моего Я...

— Я не часть вашего Я, — сказал Блейк. — Два столетия назад вы дали мне разум. С тех пор этот разум изменился. Он более уже не ваш разум.

— Но я полагал... — начал Теодор Робертс.

— Не знаю. Очень любезно с вашей стороны. Но из этого ничего не выйдет. Я стою на собственных ногах. У меня нет выбора. В моем создании участвовало много людей, и я не могу разорвать себя на части, чтобы каждому вернуть долг — вам, биологам, которые чертили проект, техникам, изготовившим кости, мясо, нервы...

Вопарилось молчание. Затем Блейк быстро произнес:

— Простите. Наверное, мне не следовало этого говорить. Мне не хотелось бы, чтобы вы обиделись.

— Я не обиделся, — сказал разум Теодора Робертса. — Напротив, я вполне удовлетворен. Я могу теперь не беспокоиться о том, мешают ли вам мои склонности и предрассудки, которыми я вас наделил. Но я что-то разболтался. А мне надо еще сообщить вам нечто для вас важное. Таких, как вы, было двое. Был еще один искусственный человек, который полетел на другом корабле...

— Да, я слышал об этом, — сказал Блейк. — Я не раз задумывался — вам о нем что-то известно?

— Он вернулся, — сообщил разум Теодора Робертса. — Его доставили домой. Почти как вас...

— В состоянии анабиоза?

— Да. Но, в отличие от вас, в своем корабле. Через несколько лет после запуска. Экипаж испугался происходящего и...

— То есть мой случай уже никого особенно не удивил?

— Думаю, что удивил. Никому не пришло в голову увязать вас со столь давними событиями. Да и не так уж много людей в Космослужбе знали об этом. О том, что вы можете оказаться вторым из тех двух, начали догадываться незадолго до вашего побега из клиники, после слушаний по биоинженерному проекту, но вы исчезли раньше, чем они смогли что-либо предпринять.

— А тот, другой? Он все еще на Земле? Взаперти у Космослужбы?

— Сомневаюсь, — произнес разум Теодора Робертса. — Трудно сказать. Он исчез. Больше мне ничего не известно...

— Исчез! Вы хотите сказать, его убили!

— Я не знаю.

— Вы должны знать, черт побери! — закричал Блейк. — Отвечайте! Я сейчас пойду туда и все разнесу. Я найду его...

— Бесплезно, — сказал Теодор Робертс. — Его там нет. Больше нет.

— Но когда? Как давно?

— Много лет назад. Задолго до того, как вас обнаружили в космосе.

— Но откуда вам известно? Кто сказал вам...

— Нас здесь тысячи, — ответил Теодор Робертс. — Что знает один, доступно всем. Все обычно в курсе всего.

Блейк почувствовал, как его обдало ледяным дыханием бессилия. Тот, второй, исчез, сказал Теодор Робертс, и в его словах сомневаться не приходится. Но куда? Умер? Спрятался где-то? Снова отправлен в космос?

Второй искусственный человек, единственное во всей Вселенной другое существо, с которым его могло бы связать родство, — и теперь он исчез.

— Вы в этом уверены?

— Я в этом уверен, — подтвердил Теодор Робертс.

Немного помолчав, Робертс спросил:

— Так вы летите в космос? Решились?

— Да, — сказал Блейк. — Наверное, это единственное, что мне осталось. На Земле у меня ничего нет.

Да, он знал, на Земле у него ничего нет. Раз тот, второй, исчез, на Земле у него ничего не осталось. Элин Гортон отказалась с ним разговаривать, а ее отец, когда-то такой доброжелательный, вдруг сделался холодным и официальным, прощаясь с ним, и Теодор Робертс оказался колючим голосом, вещающим из одномерной пустоты.

— Когда вы возвратитесь, — сказал Теодор Робертс, — я еще буду здесь. Прошу вас, позвоните. Обещаете?

Если возвращусь, подумал Блейк. Если ты еще будешь здесь. Если кто-нибудь еще будет здесь. Если Земля заслуживает того, чтобы на нее возвращаться.

— Да, — сказал он. — Да, конечно. Я позвоню.

Он протянул руку и разъединил связь. И сидел так, не шевелясь, в безмолвной темноте, чувствуя, как Земля удаляется от него, уходит по все расширяющейся спирали и он остается один, совсем один.

Земля осталась позади. Солнце сделалось совсем маленьким, но все еще было Солнцем, а не одной звездой среди многих. Космический корабль надал вниз по длинному тоннелю гравитационных векторов, которые через некоторое время разгонит его до такой скорости, когда покажется, что у звезд смещаются орбиты и цвета.

Блейк сидел в кресле пилота и глядел на раскрывшуюся перед ним изогнутую прозрачность космоса. Здесь так тихо, подумал он, так тихо и покойно — полное отсутствие каких-либо событий. Через пару часов он встанет, обойдет корабль и убедится, что все в порядке, хотя заранее знает, что все будет в порядке. В таком корабле ничто не может испортиться.

— Домой, — тихо произнес Охотник в сознании Блейка. — Я лечу домой.

— Но ненадолго, — напомнил ему Блейк. — Ровно настолько, чтобы собрать то, что ты не успел собрать.

А затем снова в путь, туда, где ты сможешь получить новые данные с новых звезд.

И так снова и снова, подумал он, вечно в пути, собирать урожай со звезд, обрабатывая данные в биокомпьютере — разуме Мыслителя. Поиск, беспрестанный поиск намеков, свидетельств, косвенных указаний, которые позволят составить знание о Вселенной в схему, доступную пониманию. И что же они тогда поймут? Многое, наверное, о чем сейчас никто и не подозревает.

— Охотник ошибается, — сказал Мыслитель. — У нас нет дома. У нас не может быть дома. Оборотень это уже выяснил. Нам и не нужен дом, мы это поймем со временем.

— Корабль станет нашим домом, — сказал Блейк.

— Нет, не корабль. Если вам так уж надо считать что-то домом, то тогда это Вселенная. Наш дом — весь космос. Вся Вселенная.

Возможно, это как раз то, подумал Блейк, что попытался объяснить ему разум Теодора Робертса. Земля, он сказал, не более чем точка в пространстве. Это относится, конечно, и ко всем другим планетам, ко всем звездам — они лишь разбросанные в пустоте точки концентрации вещества и энергии. Разум, сказал Теодор Робертс, не энергия, но разум. Не будь разума, все это распыленное вещество, вся эта бурлящая энергия, вся эта пустота потеряли бы смысл. Только разум в состоянии обнять материю и энергию и вложить в них значимость.

И все же, подумал Блейк, хорошо быть иметь в такой пустоте свою стоянку, чтобы можно было указать, пусть только мысленно, на какой-то сгусток энергии, и сказать: вот мой дом.

Земля могла бы стать его домом, подумал он; Блейк был вправе рассчитывать, что она станет его домом. Точка в пространстве, снова вспомнил он. Все правильно — Земля и есть крохотная точка в пространстве. Но какой бы крохотной она ни была, она нужна человеку, как маяк, как основа координат. Вселенной недостаточно, потому что она слишком всеобъемлюща. Человек с Земли — в этом есть содержание, есть личность; но человек из Вселенной — это нечто, затерянное среди звезд.

Заслышав мягкий шелест шагов, Блейк вскочил с кресла и повернулся.

В дверном проеме стояла Элин Гортон.

Он было рванулся к ней, но вдруг застыл, остановился.

— Нет! — воскликнул он. — Нет! Ты не ведаешь, что творишь.

Заяц-безбилетник, подумал он. Смертный на бес-
смертном корабле. Но ведь она отказалась говорить со
мной, она...

— Вовсе нет, — возразила она. — Я знаю, что де-
лаю. Я там, где мое место.

— Андроид, — с горечью произнес он. — Копия. Иг-
рушка, сделанная, чтобы меня осчастливить. В то вре-
мя как настоящая Элин...

— Эндрю, — сказала она, — я и есть настоящая
Элин.

Растерянным жестом он приподнял руки, и вдруг
она оказалась в его объятьях, и Блейк прижал ее к се-
бе, всем телом до боли испытывая радость от того, что
она здесь, что с ним рядом человек, причем человек,
который ему так дорог.

— Но это невозможно, — качал он головой. — Ты
просто не понимаешь. Я ведь не человек. И я не всегда
такой, как сейчас. Я превращаюсь в других.

— Я знаю, — повторила она, подняв на него гла-
за. — Это ты не понимаешь. Я — тот второй, второй из
них.

— Тот второй был мужчина, — произнес он, чувст-
вуя себя довольно глухо. — Он был...

— Не он. Она. Тем вторым была женщина.

Так вот оно в чем дело, ну конечно же, подумал он.
Говоря «она», Теодор Робертс имел в виду «человек», а
не мужчина или женщина, он просто не знал.

— Но Гортон? Разве ты не его дочь?

— Нет. У сенатора была дочь по имени Элин Гор-
тон, но она умерла. Покончила жизнь самоубийством.
При каких-то жутких и грязных обстоятельствах. Если
бы это стало известно, карьера сенатора закончилась
бы.

— И тогда ты...

— Именно. Но я об этом, естественно, ничего не
знала. Сенатор узнал о моем существовании, когда на-
чал раскапывать архивы программы «Оборотень». Уви-
дев меня, он был поражен моим сходством с его до-
черью. Конечно, я тогда находилась в анабиозе уже мно-
го лет. Выяснилось, что у нас с тобой, Эндрю, сквер-

ные характеры. Мы оказались совсем не такими, как они предполагали.

— Да, — согласился он, — я знаю. И теперь этому даже рад. Так ты все это время знала...

— Я узнала только недавно, — сказала она. — Видишь ли, сенатор держал Космослужбу в кулаке, а те делали все, чтобы сохранить в тайне историю с оборотнями. Поэтому когда он пришел к ним вне себя от горя после смерти дочери, считая себя конченным человеком, ему отдали меня. Я считала себя его дочерью. Любила его, как отца. Конечно, перед этим меня подвергли всяким там гипнозам и обработкам, чтобы внушить мне, что я его дочь.

— Наверняка ему пришлось пустить в ход все свои связи, чтобы замять историю со смертью родной дочери и подменить ее тобой...

— Другому это не удалось бы, — с гордостью произнесла она. — Сенатор замечательный человек и чудесный отец, но в политике у него железная хватка.

— Ты любила его?

— Да, Эндрю, — кивнула она. — Во многих отношениях он для меня все еще отец. Даже представить невозможно, чего ему стоило сказать мне правду.

— А тебе? — спросил он. — Тебе это тоже кое-чего стоило.

— Разве ты не видишь, — сказала она, — что я не могла остаться. Я не могла остаться, зная правду. Как и тебя, меня ждала бы жизнь уродца, отщепенца, обреченного жить вечно. А что осталось бы у меня, когда умер бы сенатор?

Он понимающе кивнул, думая о том, как те двое людей, два человека, принимали это решение.

— И потом, — добавила она, — мое место с тобой. Мне кажется, я поняла это сразу, когда ты, весь промокший и продрогший, забрел в тот старинный каменный дом.

— Но сенатор сказал мне...

— Что я не хочу тебя видеть, что я не хочу с тобой разговаривать.

— Но почему? — спросил он недоуменно. — Почему?

— У тебя пытались отбить охоту остаться, — объяснила она. — Было опасение, что ты не захочешь расстаться с Землей и откажешься лететь. Тебе старались внушить, что с Землей тебя ничего не связывает. И се-

патор, и разум Теодора Робертса, и все остальные. Потому что мы должны были лететь. Мы с тобой посланцы Земли, дар, который Земля посылает Вселенной. Если населяющему Вселенную разуму, мыслящей жизни суждено когда-либо постичь то, что происходит, уже произошло, произойдет в будущем и какой во всем этом смысл, то мы с тобой можем помочь в этом.

— Так, значит. Земля все же наша родина? Земля не отреклась от нас...

— Конечно нет, — сказала она. Теперь тайна раскрыта, все о нас знают, и Земля гордится нами.

Он прижал ее к себе, зная, что теперь у него есть и всегда будет дом — планета Земля. И человечество всегда будет с ними, куда бы они ни полетели. Потому что они — продолжение человечества, его рука и разум, протянувшиеся к таинству вечности.

ВСТРЕЧА НА ЗАРЕ ИСТОРИИ

Империя доживала последние дни. Космический корабль, проводивший поиски среди редких звезд на окраине Млечного Пути, находился далеко от дома и чуть ли не за сто световых лет от большой межзвездной плавучей базы. Но даже здесь он не мог избежать зловещей тени, нависшей над цивилизацией: под знаком этой тени, прерывая иногда работу, чтобы подумать о далеком доме, ученые Галактических Изысканий по-прежнему занимались своим бесконечным делом.

На корабле было всего три человека, но сообща они обладали знанием множества наук, а половина их жизни прошла в космосе. После долгой межзвездной ночи возникшая вдруг впереди звезда подняла их настроение, и они устремились на ее свет. Несколько золотистее, чутьточку ярче Солнца, которое теперь казалось легендой их детства. Из прошлого опыта они знали, что вероятность обнаружения здесь планет составляет более девяноста процентов, и на какое-то мгновение, возбужденные открытием, они позабыли обо всем другом.

Первую планету нашли уже через несколько минут после того, как легли в дрейф. Это оказался гигант знакомого им типа, слишком холодный, чтобы на нем могла существовать жизнь в виде протоплазмы, и, вероятно, без стабильной поверхности. Тогда они обратили свои поиски в сторону солнца, и вскоре были вознаграждены.

Это был мир, при виде которого их сердца заняли от тоски по дому, где все было до боли знакомо и все же совсем иное. Две громадные материальные массы плавали в сине-зеленых морях с шапками из льда на обоих полюсах. Несмотря на отдельные пустынные районы, большая часть планеты была явно плодородная. При-

знаки растительности безошибочно различались даже с такого расстояния.

Изголодавшиеся, они уставились на разворачивающийся пейзаж, когда вошли в атмосферу и направились в полуденные субтропики. Через безоблачные небеса корабль отвесно падал к большой реке, потом, резко вырубив бесшумные двигатели, прервал падение и замер среди высоких трав у кромки воды.

Ни один из членов экипажа не двинулся: делать, пока автоматические приборы не закончат свою работу, было нечего. Наконец мягко звякнул звоночек, и огоньки на контрольной панели загорелись в осмысленном беспорядке. Со вздохом облегчения капитан Альтман встал на ноги.

— Нам повезло, — сказал он. — Если патогенические пробы окажутся удовлетворительными, мы сможем выходить без всякой защиты. Какое мнение сложилось у тебя об этом месте, Бертронд?

— Геологически стабильное, по крайней мере, активных вулканов нет. Следов городов я никаких не увидел, но это еще ничего не доказывает. Если здесь есть цивилизация, она, возможно, уже прошла эту стадию.

— Или еще ее не достигла?

Бертронд пожал плечами.

— Вероятность того и другого одинакова. Нужно время, чтобы определить это на планете подобного размера.

— Причем гораздо больше времени, чем отпущено нам, — сказал Клиндар, бросив взгляд на панель связи, соединявшей их с межзвездной базой, а оттуда — с сервером Галактики, над которым нависла смертельная угроза. На мгновение в кабине воцарилось гнетущее молчание. Потом Клиндар прошел к контрольной панели и с доведенным до автоматизма мастерством нажал несколько кнопок.

С легкой вибрацией секция корпуса скользнула в сторону, и четвертый член экипажа, поигрывая металлическими конечностями и настраивая сервоприводы на привычную гравитацию, ступил на новую планету. Внутри салона ожил телеэкран: простор колышущихся трав, на среднем расстоянии — несколько деревьев, вид большой реки. Клиндар нажал кнопку, робот повернул голову, и эта картинка неторопливо потекла по экрану.

— Куда пойдем? — спросил Клиндар.

— Взглянем-ка на те деревья, — ответил Альтман. — Если здесь и есть какая живность, так она наверняка там.

— Смотрите! — вскрикнул Бертронд. — Птица!

Пальцы Клиндара бегали по клавишам: картинка сосредоточилась на крошечном пятнышке, которое вдруг возникло на экране слева и быстро увеличилось, когда пришли в действие телефотосграфические линзы робота.

— Ты прав, — сказал он. — Перья... клюв... довольно высоко по эволюционной лестнице. Да, похоже, тут есть что посмотреть. Я запускаю камеру.

Покачивающееся движение картинки, по мере того как робот продвигался вперед, не мешало им: они давно к нему привыкли. Но они так и не примирились с этим исследованием через поверенного, когда им не терпелось поскорее покинуть корабль, пробежаться по траве, ощутить на лице дуновение ветра. Однако риск был слишком велик, даже на планете, которая казалась такой красивой. За самым улыбчивым лицом Природы непременно таится какой-нибудь череп. Дикие звери, ядовитые гады, трясины — смерть могла прийти к незадачливому исследователю под тысячью личин. А хуже всего были невидимые враги — бактерии и вирусы, единственная защита от которых зачастую находилась лишь на расстоянии в тысячу световых лет.

Робота же все эти напасти были нипочем, и даже если, как иногда случалось, он встречался со зверем, который оказывался достаточно сильным и ломал его, — ну что ж, машину ведь всегда можно заменить.

Во время прогулки робота по покрытой травами местности они ничего не встретили. Если появление робота и потревожило каких зверюшек, так те оставались за пределами его видимости. Когда робот приблизился к деревьям, Клиндар замедлил ход машины, и зрители в космическом корабле невольно отпрянули — ветки, казалось, прямо хлестнули их по глазам. Картинка на мгновение померкла, пока контрольные приборы не настроились на более слабую освещенность, затем снова стала нормальной.

Лес был полон всякой живности. Она таилась в поросли, карабкалась по веткам, летала в воздухе. По мере приближения робота она бежала прочь, щебеча и тараторя. И все это время автоматические камеры записывали появлявшиеся на экране картины, собирая ма-

тернал, который, когда корабль вернется на базу, проанализируют биологи.

Деревья неожиданно поредели, и Клиндар с облегчением вздохнул. Изнурительная это работа — не давать роботу наткнуться на препятствия, пока он движется по лесу, другое дело — открытом пространстве, там он может позаботиться о себе сам. Вдруг картинка дрожала, будто от удара молотом, глухо заскрежетал металл, и весь вид головокружительно перевернулся — робот пошатнулся и упал.

— Что это? — вскричал Альтман. — Вы споткнулись?

— Нет, — мрачно ответил Клиндар, — его пальцы так и летали над кнопками. — Что-то напало на него сзади. Надеюсь... ага, он у меня по-прежнему под контролем.

Он привел робота в сидячее положение и повернул его голову. Чтобы определить причину происшедшего, почти не понадобилось времени. В нескольких футах от робота, свирепо оскалив зубы и сердито размахивая хвостом, стояло громадное четвероногое. Оно как раз — это сразу было видно — пыталось решить, стоит ли напасть снова.

Робот медленно встал на ноги, и тут громадный зверь пригнулся, готовый прыгнуть. На лице Клиндара промелькнула улыбка: он знал, что делать в подобной ситуации. Его большой палец нащупал редко используемую кнопку с надписью «Сирена».

По лесу заходил эхом ужасный крик из вмонтированного в робота динамика, и машина, размахивая перьями своих рук, двинулась на противника. При попытке повернуться испуганный зверь чуть не опрокинулся и через несколько секунд скрылся из виду.

— Теперь придется ждать часа два, прежде чем все снова выйдет из укрытия, — скорбно сказал Бертронд.

— Я не очень силен в психологии животных, — вставил Альтман, — но обычно ли для них нападать на что-то совершенно незнакомое?

— Некоторые набрасываются на все, что движется, но это нетипично. Обыкновенно они нападают только ради пищи или если им уже что-то угрожало. Ты это о чем? Ты хочешь сказать, на этой планете есть другие роботы?

— Безусловно, нет. Но наш плотоядный друг, вероятно, по ошибке принял нашу машину за съедобное дву-

логсе. Вам не кажется, что эта прогалина в джунглях несколько неестественна? Она вполне может оказаться тропинкой.

— В таком случае, — быстро сказал Клиндар, — мы последуем по ней и узнаем. Мне надоело обходить деревья, но я надеюсь, что больше на нас ничего не прыгнет: это действует мне на нервы.

— Ты оказался прав, Альтман, — сказал Клиндар темного погодя. — Это, безусловно, тропинка. Но это еще не означает, что здесь есть разум. В конце концов, животные...

Он замолчал на полуслове и тут же остановил робота. Тропинка неожиданно привела к широкой поляне, почти целиком занятой деревушкой из грубых хижин. Она была обнесена частоколом — очевидно, от какого-то врага, который в данный момент ничем не грозил. Ворота были открыты, за ними мирно занимались своими делами обитатели.

Несколько минут три исследователя молча смотрели на экран.

— Невероятно, — вздрогнув, заметил Клиндар. — Нидать ни взять наша родная планета, только сто тысяч лет назад. У меня такое чувство, будто я вернулся назад во времени.

— Тут нет ничего сверхъестественного, — сказал практичный Альтман. — Ведь мы открыли уже чуть ли не сто планет с такой же, как у нас, формой жизни.

— Вот именно, — отпарировал Клиндар. — Какая-то жалкая сотня во всей Галактике! И все же я по-прежнему считаю странным, почему это должно случиться именно с нами?

— Ну, с кем-то же это должно было случиться, — философски заметил Бертронд. — А пока нам надо разработать процедуру контакта. Если пошлем в деревню робота, это вызовет панику.

— Это еще чересчур мягко сказано, — отозвался Альтман. — Надо подойти к какому-нибудь туземцу, когда он будет один, и доказать ему, что мы друзья. Спрячь робота, Клиндар, где-нибудь в лесу, откуда он может наблюдать за деревней и где его самого не заметят. Впереди у нас целая неделя практической антропологии!

Только через три дня биологические анализы показали, что покинуть корабль безопасно. Но даже тогда Бертронд настоял на том, что пойдет один — один, так

сказать, если не считать весьма солидной поддержки робота. С таким союзником ему не страшны были крупные звери этой планеты, с микроорганизмами же могли совладать защитные реакции его тела. Во всяком случае, так заверили его анализаторы, и, если принять во внимание сложность проблемы, ошибка они почти не допустили.

Он пробыл снаружи с час, потихоньку наслаждаясь, и его спутники с завистью за ним наблюдали. Пройдет еще три дня, прежде чем они смогут полностью увериться в том, что можно смело последовать примеру Бертронда. А пока дел у них хватало: они наблюдали за деревней через линзы робота и записывали все, что можно, на камеры. Ночью они переместили корабль и спрятали его в лесной чаще — им не хотелось, чтобы их обнаружили преждевременно.

И все это время вести из дома становились все хуже и хуже. Хотя здесь, на краю Вселенной, воздействие этих новостей притуплялось отдаленностью, оно тяжело ложилось на их души и порой переполняло их чувством тщетности. Они знали, что в любую минуту может поступить приказ об отзыве — Империя в случае крайней нужды собирала последние силы. Пока же они будут продолжать работу, как будто чистое знание — это единственное, что имеет значение.

Через семь дней после посадки они подготовились к эксперименту. Они уже знали, какими тропинками пользуются жители деревни, отправляясь на охоту, и Бертронд выбрал одну, по которой ходили меньше всего. Он прочно поставил стул посреди тропинки и уселся почитать книгу.

Все, разумеется, было не так просто: Бертронд принял все меры предосторожности, какие только можно себе представить. В пятидесяти ярдах от него, спрятавшийся в кустарнике, сквозь свои телескопические линзы наблюдал за всем робот, в руке он держал маленькое, но грозящее смертью оружие. Контролируя робота с космического корабля, ждал Клиндар, готовый нажать любую кнопку и сделать все, что потребуется необходимым.

В этом заключалась отрицательная сторона их плана, положительная же была гораздо очевидней. У ног Бертронда лежала тушка небольшого рогатого животного, которая, как он надеялся, окажется приемлемым даром для любого охотника, который там пройдет.

Два часа спустя из вмонтированного в его костюм радио послышалось предупреждение. Совершенно спокойно, хотя кровь стучала в висках, Бертронд отложил пистолет и глянул вдоль тропинки. По ней, размахивая копьем в правой руке, довольно уверенно вышагивал дикарь. Увидев Бертронда, он на мгновение остановился, потом пошел с большей осторожностью. Он понимал, что опасаться особенно нечего — чужак был хрупкого телосложения и явно безоружен.

Когда их разделяло всего двадцать футов, Бертронд ободряюще улыбнулся и неторопливо встал. Потом наклонился, подхватил тушку и понес ее вперед как подношение. Этот жест был бы понят любым существом на любой планете, поняли его и здесь. Дикарь потянулся, взял животное и легко перебросил его через плечо. Какое-то мгновение он с непостижимым выражением смотрел Бертронду в глаза, затем повернулся и пошел обратно к деревне. Он три раза оборачивался и смотрел, не идет ли Бертронд следом, и каждый раз Бертронд улыбался и успокаивающе махал рукой. Весь этот эпизод занял не более минуты. Для первого контакта между двумя расами он обошелся совершенно без драмы, хотя и не был лишен достоинства.

Бертронд не сошел с места, пока другой не скрылся из виду. Тогда он расслабился и заговорил в микрофон, вмонтированный в костюм.

— Начало довольно хорошее, — радостно сказал он. — Он несколько не испугался, даже не почувствовал подозрения. Я думаю, он еще вернется.

— До того хорошее, что просто не верится, — раздался у него в ушах голос Альтмана. — Я ожидал, он либо испугается, либо будет настроен враждебно. А ты бы сам, без всякой суеты, принял щедрый дар от ни на кого не похожего незнакомца?

Бертронд неторопливо возвращался к кораблю. Робот уже вышел из укрытия и прикрывал его сзади.

— Я бы — нет, — ответил он, — но ведь принадлежу к цивилизованному обществу. Настоящие дикари могут реагировать на незнакомцев по-разному, в зависимости от прошлого опыта. Предположим, у этого племени никогда не было врагов. На большой, но редко заселенной планете это вполне вероятно. Тогда мы вправе ожидать любопытства, но вовсе не страха.

— Если у этих людей нет врагов, — вставил Кли-

дар, уже не так занятый манипулированием роботом, — тогда зачем им частокол вокруг деревни?

— Я хочу сказать, врагов в человеческом облике, — поправился Бертронд. — Если это так, наша задача значительно упрощается.

— Ты думаешь, он вернется?

— Конечно. Если он уже такой человек, каким я его считаю, любопытство и жадность непременно возьмут верх. Через день-два мы станем закадычными друзьями.

При беспристрастном рассмотрении все стало невероятно обычным делом. Каждое утро робот под руководством Клиндара отправлялся на охоту, пока не стал самым смертоносным убийцей в джунглях. Затем Бертронд ждал, когда Йаан — так они поняли его имя — уверенно придет по тропе. Он приходил каждый день в одно и то же время, причем всегда один. Это их озадачивало: неужели он хочет скрыть от остальных свою великую тайну и таким образом прослыть большим охотником? Если так, выходило, что он обладает предвидением и хитростью.

Сначала Йаан сразу же уходил со своей добычей, как будто боялся, что приносящий столь щедрый дар может передумать. Вскоре, однако, с помощью простейших фокусов и демонстрации ярких тканей и кристаллов, которыми Йаан восторгался, как младенец, Бертронду удалось заставлять его оставаться — сначала совсем на немного, потом все дольше и дольше. Бертронд потихоньку стал втягивать его в продолжительные разговоры, которые записывались на магнитофон, а также снимались на киноплёнку спрятанным роботом.

Когда-нибудь филологи смогут проанализировать этот материал; пока же самое большее, чего удалось добиться Бертронду, это расшифровать значение нескольких простых глаголов и существительных. Это было тем более трудно, что Йаан не только употреблял различные слова для обозначения одной и той же вещи, но иногда и одно и то же слово для обозначения различных вещей.

Между этими ежедневными беседами корабль совершал дальние полеты, обозревая планету с воздуха и иногда садясь для более детального осмотра. Хотя было обнаружено несколько других человеческих поселений, попыток вступить с ними в контакт Бертронд не предпринимал, так как сразу было видно, что все они в ос-

повном находятся на том же уровне развития, что и народ Йаана.

И надо же Судьбе сыграть такую злую шутку, не раз задумывался Бертронд, что одной из очень немногих по-настоящему человеческих рас в Галактике суждено быть открытой в столь неподходящий момент. Еще совсем недавно это оказалось бы событием первостепенной важности, теперь же цивилизация была слишком занята собой, чтобы еще думать об этих диких сородичах, поджидающих на заре истории.

И только удостоверившись, что сам он уже стал неотъемлемой частью каждодневной жизни Йаана, Бертронд показал ему робота. Он как раз демонстрировал Йаану складывающиеся в калейдоскопе цветные узоры, когда Клиндар направил к ним машину по траве, последняя ее жертва была перекинута через металлическую руку. Впервые на лице Йаана промелькнуло нечто похожее на страх, но ласковые слова Бертронда успокоили его, хоть он и продолжал наблюдать за приближающимся чудищем. Оно остановилось на некотором расстоянии от них, и Бертронд шагнул ему навстречу. Робот поднял руки и протянул ему убитое животное. Бертронд церемонно его взял и отнес к Йаану, слегка спотыкаясь под непривычной тяжестью.

Бертронд многое дал бы, чтобы узнать, о чем думал Йаан, принимая этот дар. Пытался ли он решить, кто робот, — хозяин или раб? Возможно, подобное представление было недоступно его пониманию: ему робот мог показаться просто еще одним человеком, охотником, другом Бертронда.

Из динамика в работе чуть громче обычного донесся голос Клиндара:

— Просто поразительно, до чего спокойно он нас воспринимает. Неужели его ничем не напугать?

— Ты никак не можешь перестать судить о нем по своим меркам, — ответил Бертронд. — Не забывай, у него совсем другая психология, причем гораздо проще. Теперь, когда он доверяет мне, ему не страшно все, что принимаю я.

— Интересно, характерно ли это для всей его расы? — спросил Альтман. — Вряд ли безопасно судить о ней по одному-единственному представителю. Я хочу посмотреть, что произойдет, когда мы пошлем робота в деревню.

— Ага! — воскликнул Бертронд. — Вон что его уди-

шло. Он никогда не встречал человека, который бы разговаривал двумя голосами.

— Как ты думаешь, он поймет, в чем дело, когда познакомится с нами? — сказал Клиндар.

— Нет. Робот для него останется чистой магией — такой же, как огонь и молния и все другие силы, которые он уже наверняка принимает как нечто само собой разумеющееся.

— Ну, а какой наш следующий шаг? — несколько нетерпеливо спросил Альтман. — Ты приведешь его на борт корабля или сначала пойдешь в деревню?

Бертронд заколебался.

— Зачем спешить? Можно такого натворить... Вы же знаете о несчастных случаях, которые имели место, когда это опробовали на незнакомых расах. Пусть он над этим поразмыслит, а когда вернется завтра, я попытаюсь убедить его взять робота в деревню.

Клиндар на спрятанном корабле вернул робота к жизни и заставил его двигаться снова. Как и Альтман, он испытывал легкое нетерпение из-за этой чрезмерной осторожности, однако экспертом по всем вопросам, касающимся чуждых форм жизни, считался Бертронд, и они были обязаны подчиняться его приказам.

Бывали времена, когда он чуть ли не жалел, что он сам не робот, лишенный чувств и эмоций, способный с равной отрешенностью наблюдать как за падением листа, так и за смертельной agonией мира...

Солнце было низко, когда Йаан услышал мощный голос, доносившийся из джунглей. Он сразу же его узнал, несмотря на необычную громкость: это звал его голос друга.

В отозвавшейся эхом тишине жизнь деревни замерла. Даже дети перестали играть: слышался лишь плач младенца, испугавшегося неожиданной тишины.

Взоры всех были теперь устремлены на Йаана, который быстро прошел к своей хижине и схватил лежавшее у входа копьё. Частокол вскоре будет закрыт от непрошенных ночных пришельцев, но, ступив в удлинившуюся тень, Йаан несколько не колебался. Он уже проходил через ворота, когда этот мощный голос позвал снова, — теперь в нем была нотка требовательности, которая легко преодолевала все преграды языка и культуры.

Сверкающий гигант, умевший говорить многими голосами, встретил его неподалеку от деревни и сделал ему знак следовать за ним. Бертронда видно не было. Они прошли почти с милю, прежде чем увидели его, тот стоял на берегу реки, уставившись на темные, неторопливо катящиеся воды.

Когда Йаан приблизился, он повернулся к нему, но какое-то время, казалось, не осознавал его присутствия. Затем он жестом велел сверкуну уйти, и тот отошел подальше.

Йаан ждал. Он был терпелив, и, хотя не мог выразить этого словами, доволен. Бывая с Бертрондом, он испытывал первые признаки той бескорыстной, самоотверженной преданности, которая в полном виде станет доступна его расе лишь много веков спустя.

Странная это вышла картина. Здесь, на берегу реки, стояли два человека. Один был одет в плотно облегающую униформу, экипированную сложными крошечными механизмами, на другом была звериная шкура, а в руке он сжимал копьё с кремневым наконечником. Их разделяло десять тысяч поколений — десять тысяч поколений и неизмеримая бездна космического пространства. Связывало же их то, что оба они были людьми. Как это зачастую неизбежно в вечности, Природа повторила одну из основных своих моделей.

Вскоре, расхаживая взад и вперед короткими быстрыми шагами, Бертронд заговорил, и в его голосе чувствовался налет грусти.

— Все кончено, Йаан. Я надеялся, что с нашими знаниями мы за десяток поколений выведем вас из варварства, но теперь вам придется самим выдираться из джунглей, и на это у вас уйдет около миллиона лет. Я, несмотря ни на что, хотел остаться здесь, но Альтман и Клиндар толкуют о долге, и, пожалуй, они правы. Как ни мало мы можем сделать для нашего мира, он зовет нас, и мы не должны его предавать.

Я хотел бы, чтобы ты меня понял, Йаан. Я хотел бы, чтобы ты знал, о чем я говорю. Я оставляю тебе эти инструменты: некоторыми из них вы научитесь пользоваться, хотя не менее вероятно и то, что через какое-нибудь поколение они будут потеряны или забыты. Видишь, как режет это лезвие: пройдут века, прежде чем ваш мир сможет сделать что-нибудь подобное. А вот это храните получше: нажимаешь на кнопку — смотри! Будете пользоваться этой вещью бережливо — она будет

давать вам свет многие годы, хотя рано или поздно и она умрёт. Что же касается вот этих других вещей — найдите им применение, какое сможете.

Вот и появляются первые звезды, вон там, в небе, на востоке. Вы когда-нибудь смотрите на звезды, Йаан? Хотелось бы мне знать, сколько пройдет времени, прежде чем вы узнаете, что они такое, как хотелось бы знать, что же будет к тому времени с нами. Эти звезды — наши дома, Йаан, и мы не можем их спасти. Многие уже погибли — от взрывов столь мощных, что мне их представить ничуть не легче, чем тебе. Через сто тысяч ваших лет свет этих погребальных костров достигнет вашего мира и поразит ваших людей. К тому времени, возможно, ваш народ будет тянуться к звездам. Хотел бы я предостеречь вас от ошибок, которые мы совершили и которые теперь будут стоять нам всего, чего мы добились.

Для нашего народа хорошо, Йаан, что ваша планета здесь, на краю Вселенной. Вы можете избежать судьбы, которая уготована нам. Возможно, в один прекрасный день, как сейчас мы, ваши корабли отправятся исследовать межзвездные пространства и наткнутся на останки наших миров. Они станут гадать, кем же мы были, но они никогда не узнают, что мы встречались здесь, у этой реки, когда ваша раса была совсем молода.

Вон мои друзья, они больше ждать не могут. До свидания, Йаан, пользуйтесь с умом теми вещами, что я оставил вам. Они — величайшее сокровище вашего мира.

С неба спускалось что-то громадное, что-то поблескивавшее в лунном свете. Земли оно не достигло, а остановилось на небольшом расстоянии над поверхностью, и в полной тишине открылся прямоугольник света в его боку. Сверкающий гигант возник из тьмы и ступил в золотую дверь. Бертронд последовал за ним, остановившись на мгновение на пороге, чтобы помахать Йаану. И тут же за ним закрылась тьма.

Корабль пошел вверх — не быстрее дыма от огня. Когда он стал такой маленький, что уместился бы в руках Йаана, он будто смазлся в длинную линию света, косо взбирающуюся по направлению к звездам. С безоблачного неба прокатился над спящей землей раскат грома, и Йаан понял наконец, что боги улетели и уже никогда не прилетят снова.

Он долго стоял у мирно текущих вод, и в его душу закралось чувство, которое ему так и не суждено было ни забыть, ни понять. Затем, осторожно и почтительно, он собрал в кучу дары, которые оставил ему Бертронд.

По безымянной земле эта одинокая фигура побрела под звездами домой. У него за спиной мерно текла к морю река, извиваясь по плодородным равнинам, на которых еще более чем через тысячу веков потомки Иаана построят великий город и назовут его Вавилоном.

НЕМЕЗИДА

Уже и сами горы вздрагивали от грома, какой под силу произвести лишь человеку. Но отсюда война казалась чем-то очень далеким, ибо висела над вечными Гималаями полная луна и край земли заслонял собою неистовство битвы. Осталось совсем недолго; Владыка знал, что последние жалкие остатки его флота сейчас гибнут, а вокруг цитадели сжимается смертельное кольцо.

Не больше двух-трех часов отделяют Владыку от того мига, когда и сам он, и его мечты об Империи канут в омут прошлого. Как и прежде, народы будут проклинать его имя, но уже без бывшего страха. Потом уйдет и ненависть, и станет он для мира чем-то вроде Гитлера, Наполеона или Чингисхана. На какой-то недолгий срок обиталищем его имени станет зыбкая почва той страны, что разделяет историю и миф, а затем мир и вовсе прекратит думать о нем. И превратится он в одного из рядовых тех безымянных легионов, что полегли, пытаясь воплотить в жизнь его волю.

Далеко к югу фиолетовый сполох огня вдруг высветил угловатый контур горы. Прошли, казалось, века, прежде чем балкон, на котором стоял Владыка, содрогнулся под действием подземной взрывной волны, пронесшейся где-то внизу, в толще скал. Еще позже послышалось эхо могучего грома. Неужели они уже так близко? Не может быть! Владыка пытался утешить себя мыслью о том, что какая-нибудь шальная торпеда просто прорвалась через сужающуюся линию фронта. А ес-

ли нет? Значит, времени осталось еще меньше, чем он ожидался!

Фигура Начальника штаба выплыла из тени и приблизилась к перилам. Суровое лицо Маршала (человека, стоявшего на второй ступени в иерархии всемирной ненависти) было испещрено морщинами и усеяно бусинками пота. Он не спал уже много суток подряд, и мундир, когда-то роскошный, теперь измялся и обвис. Но глаза, пусть и неизъяснимо усталые, даже сейчас, накануне разгрома, смотрели по-прежнему твердо и непоколебимо.

Все, что он мог сделать, уже было сделано, и Маршал молча ждал последних распоряжений.

В тридцати милях вечный, окутанный снежным туманом пик Эвереста вспыхнул мрачным кровавым сиянием, отразив зарево гигантского, скрытого горизонтом пожарища. Но Владыка не шелохнулся. Лишь когда над его головой с дьявольским воем пронеслась стая торпед, он наконец повернулся и, в последний раз взглянув на мир, который ему более не суждено будет увидеть, спустился в подземелье.

Лифт нырнул на тысячу футов вниз, и гром сражения замер вдали. Выходя из шахты, Владыка на мгновение задержался, чтобы нажать потайную кнопку. Маршал даже улыбнулся, услышав грохот рухнувшей над ними скалы. Теперь и погоня, и побег стали одинаково невозможны.

Как в старые добрые времена, горстка генералов вскочила на ноги, едва Владыка вошел в комнату. Он оглядел стол. Все здесь: даже в предсмертный час не нашлось места предательству. В тишине Владыка приблизился к своему привычному креслу, стараясь успокоиться и собраться с мыслями для последней, самой трудной речи. Он чувствовал, как в душу его вгрызаются раскаленные взоры людей, доведенных им до краха. А за их спинами он видел эскадроны, дивизии, армии, кровью которых были запятнаны его руки, безмолвные тени загубленных народов, которым уже не возродиться никогда.

Наконец Владыка заговорил:

— Это наша последняя встреча, господа. Нам больше нет нужды строить планы и изучать карты. Флот, составлявший нашу гордость, построенный и лелеемый нами, сейчас бьется над нашими головами, бьется до последней капли крови. Через несколько минут в небе

не останется ни одной из машин, которых прежде были многие тысячи.

Я знаю, что никто из присутствующих здесь не допускает и мысли о сдаче на милость победителям, даже окажись она возможной, и, значит, скоро вам предстоит умереть прямо здесь, в этой комнате. Вы верно служили нашему делу, вы достойны лучшей участи, но, видно, не судьба... И все же я не хочу, чтобы вы считали нашу неудачу полной. В прошлом, как вы неоднократно замечали, я строил свои планы с учетом возникновения любых мыслимых обстоятельств, включая самые невероятные. Поэтому нет смысла удивляться тому, что я оказался готовым даже к поражению.

По-прежнему оставаясь непревзойденным оратором, он сделал эффектную паузу и с удовлетворением заметил на усталых лицах слушателей выражение внезапного настороженного любопытства.

— Открыв вам свою тайну, я ничем не рискую, — продолжал он. — Враг никогда сюда не доберется: вход уже похоронен под слоем камня толщиной в несколько сот футов.

Никто не шелохнулся. Лишь Министр пропаганды внезапно побледнел, но тут же вновь взял себя в руки. Однако не настолько быстро, чтобы это ускользнуло от внимания Владыки, который усмехнулся про себя при виде запоздалого подтверждения своих давних сомнений. Впрочем, теперь это не имело особого значения: и действительные, и мнимые приверженцы — все они умрут вместе. Все, кроме одного.

— Два года назад, — продолжал Владыка, — когда мы проиграли битву за Антарктику, я понял, что более нельзя быть уверенным в победе, и заблаговременно приготовился к сегодняшнему дню. Тогда враги уже поклялись лишить меня жизни. На Земле я скрываться не мог, а надежд на восстановление нашего могущества становилось все меньше и меньше. И вот нашелся еще один выход. Пусть и продиктованный отчаянием, но все же выход.

Пять лет минуло с тех пор, как один из наших ученых усовершенствовал технологию приостановки жизнедеятельности. Он обнаружил, что все процессы в организме могут быть заморожены при помощи сравнительно простых средств на неопределенно большой срок. Я собираюсь воспользоваться этим открытием, чтобы бежать из настоящего в то будущее, где меня забудут.

Там я смогу начать мою борьбу сизнова, и не без помощи оружия, которое принесло бы победу в нынешней войне, подари нам судьба немного больше времени.

Прощайте, господа. Еще раз спасибо за содействие. Примите мои сожаления по поводу постигшей вас горькой доли.

Он отсалютовал, повернулся на каблуках и исчез. Стальная дверь глухо захлопнулась за ним раз и навсегда. Воцарилось ледяное молчание. Министр пропаганды рванулся к выходу, но тут же отскочил с испуганным криком. Сталь створки была невыносимо горячей, дверь намертво вплавилась в стену.

Министр по делам войны первым достал свой автоматический револьвер...

Владыка больше не спешил. Покинув зал Совета, он включил потайной рубильник. В тот же миг одна из панелей в стене коридора сдвинулась, открыв узкий, полого поднимающийся вверх штрек. Владыка медленно побрел по нему.

Через каждые двести — триста футов ход резко менял направление, продолжая подниматься вверх. Сворачивая в сторону, Владыка всякий раз останавливался, чтобы опустить рукоятку очередного рубильника. Секции коридора рушились одна за другой, обвалы сопровождались грохотом осыпающегося камня.

После пятого поворота туннель кончился у шарообразной кабины с металлическими стенами. Складные створки дверей мягко закрылись, и позади рухнула последняя секция туннеля. Теперь Владыку не потревожат ни враги, ни друзья.

Быстро оглядев комнату, он убедился, что все готово, и подошел к нехитрой панели управления, включил один за другим несколько на удивление массивных тумблеров. Ток, который по ним пойдет, будет небольшим, однако их установили в расчете на долговечность. Как, впрочем, и все остальное в этой странной комнате. Даже стены были сделаны из металлов много прочнее стали.

С жалобными вздохами заработали помпы, откачивая из камеры воздух и нагнетая в нее чистый водород. Движения Владыки ускорились. Он подошел к мягкой кушетке и лег. Ему показалось, что лучи стерилизующих ламп над головой обволакивают его тело, подобно банному пару, но это, конечно, была всего лишь игра воображения. Достав из ниши за кушеткой гиподерми-

ческий аппарат, он ввел в предплечье иглу капельницы с похжей на молоко жидкостью, расслабился и стал ждать.

Сильно похолодало. Скоро морозильники создадут здесь температуру много ниже нуля. Пройдет немало часов, прежде чем она повысится до нормальной, но к тому времени процесс будет завершен, все микробы погибнут, и Владыка сможет уснуть навеки, ничем не рискуя.

Он решил отлежаться сто лет, не осмелившись на более долгий срок: ведь тогда ему пришлось бы овладеть новыми достижениями науки, постигать возникшие за это время законы общества. Даже одно столетие может неузнаваемо изменить облик цивилизации. Но это неизбежный риск. А раньше чем через сто лет просыпаться небезопасно: мир будет все еще полон горькими воспоминаниями.

Под кушеткой находились три электронных счетчика, приводимых в действие термонарами, которые располагались на несколько сот футов выше, на восточном склоне горы, где никогда не залеживается снег. Восходящее солнце будет нагревать термонары, и на счетчиках отложится очередная единица. Так в темноте усыпальницы Владыки будет фиксироваться каждый расцвет.

Как только на одном из счетчиков набегит тридцать шесть тысяч единиц — отключится тумблер и в камеру снова хлынет кислород. Температура поднимется, прикрепленная к предплечью капельница автоматически впрыснет заранее рассчитанное количество жидкости. Владыка пробудится, и только счетчики покажут ему, что сто лет действительно прошли. Потом ему останется лишь нажать кнопку: взрыв уничтожит склон горы, и путь во внешний мир будет свободен.

Все было рассчитано до мелочей. Возможность неудачи исключена. Аппаратура, воплощающая в себе последние достижения науки, была совершенна, а все системы — продублированы три раза.

Сознание Владыки угасало, и последняя мысль его была не о прошедшей жизни, не о матери, надежды которой он обманул, — в мозг его неожиданно и непрошено вторглись слова древнего поэта: «Уснуть... И видеть сны...»

Нет, нет, он не хочет, не смеет вспоминать. Только спать. Спать... Спать..

А в двух десятках миль отсюда подходило к концу сражение. Из всех принадлежавших Владыке кораблей не уцелело и дюжины. Они обреченно отбивались, теснимые сокрушительным огнем. Все могло быть конечно много раньше, но наступающие получили приказ бечь свои корабли и не пускаться на неоправданный риск.

Последнее слово предоставили дальнобойной артиллерии. И вот исполинские разрушители, прикрываемые истребителями, зависли под сенью гор и изрыгали залп за залпом в сторону боевых порядков обреченного неприятеля.

На борту флагманского корабля молодой индеец-канонир тщательно установил диски верньеров и мягко надавил ногой на педаль. Последовал едва ощутимый толчок, и управляемые торпеды, покинув пусковые желоба, устремились на врага. Юный индеец сидел и напряженно ждал, хронометр отсчитывал секунды.

«Наверное, это мой последний залп», — подумал офицер. Ликования, которое он ожидал испытать, почему-то не было, а было безличное сострадание к обреченным на гибель врагам, чьи жизни угасали теперь с каждым уходящим мгновением.

Вдалеке над горами, в гуще вражеских кораблей, которые казались отсюда стремительно мечущимися пятнышками, расцвел фиолетовый огненный шар. Артиллерист напряженно подался вперед и принялся считать: раз... два... три... четыре... Пять раз повторился этот не похожий ни на какой другой взрыв. Потом небо очистилось, даже крапинки исчезли.

В своем журнале канонир коротко записал «1 час 24 мин. Произведен залп № 12. Пять торпед взорвались в гуще вражеского флота, который был полностью уничтожен. Одна торпеда не сдетонировала».

Он размахисто расписался и отложил ручку. Некоторое время сидел, глядя на знакомую коричневую обложку журнала с опалинами от сигарет и круглыми следами чашек и стаканов. Канонир лениво перелистал журнал, пробегая записи своих предшественников, и, как нередко делал прежде, остановился на знакомой странице, где человек, бывший когда-то его другом, начал выводить свое имя, но погиб, так и не успев написать его полностью.

Офицер со вздохом закрыл журнал и спрятал его под замок. Война кончилась.

Далеко в горах неразорвавшаяся торпеда, увлекаемая вперед реактивными двигателями, продолжала набирать скорость. Едва различимая полоска света неслась над затерянной долиной. Потревоженные ее полетом снега начинали грохотать, спадая с горных склонов.

Выхода из долины не было; ее закупоривала стена в тысячу футов высотой. Здесь торпеда нашла себе другую цель. Склеп Владыки был слишком глубоко в толще гор, чтобы содрогнуться от взрыва, но сотни тонн падающего камня смели три крошечных прибора, разом поставив крест на том будущем, которое они были призваны охранять. Первые лучи восходящего солнца по-прежнему будут освещать разбитый лик горы, но счетчики, караулившие тридцатитысячный рассвет, так и останутся ждать чего-то, словно рассветов и закатов больше не будет вовсе.

В тишине своего склепа Владыка ничего не знал об этом, и на лице его было куда более удовлетворенное выражение, чем это приличествовало случаю.

Как он и планировал, прошло столетие. Несмотря на то что он был изошренно мудрым злодеем, несмотря на те многочисленные тайны, которые похоронил вместе с собой, Владыка вряд ли сумел бы поработить ту цивилизацию, которая расцвела на планете после битвы над «крышей мира». Никто не скажет, правда ли, что время имеет много ответвлений и что все воображимые вселенные существуют бок о бок, вливаясь одна в другую. Возможно, в некоторых из этих миров Владыка и одержал бы победу. Но в том, который мы знаем, он продолжал спать, между тем как столетие кончилось и ушло в далекое, далекое прошлое.

Постепенно горы становились все ниже, будто земная кора решила, что она уже достаточно долго терпела тяжесть Гималаев на своей груди. Вверх поднимались равнины Южной Индии. Теперь высшей точкой на поверхности земного шара было Цейлонское плато, а над вершиной Эвереста лежала пятимильная толща океанской воды. Но Владыка по-прежнему спал, и ничто не нарушало безмятежности его сна. Даже сновидения.

Ил с поднимающегося дна океана заносил остатки Гималаев. Покров, которому суждено было когда-то превратиться в слой мела, утолщался на один-два дюйма в столетие. Вернувшись сюда спустя какое-то вре-

мя, Наблюдатель обнаружил бы, что глубина океана более не составляет пяти, четырех, даже трех миль.

А потом земная кора снова вздыбилась, и там, где когда-то плескались океаны Тибета, поднялась гряда известковых гор.

Но Владыка ни о чем не подозревал, и сон его несколько не нарушился, когда все это повторилось снова, и снова, и снова...

Дожди и реки смывали мел, уносили его в новые, неизвестные океаны, поверхность земли изнашивалась все больше и больше. Многомильные толщи камня разрушились от выветривания, и наконец шар, в котором почивал Владыка, увидел забытый дневной свет. Правда, дни теперь были длиннее и сумрачнее, чем в те времена, когда Владыка смежил веки.

Владыка и понятия не имел о народах, которые процветали и умирали на земле с того раннего утра мира, когда он заснул своим долгим сном. То утро давным-давно ушло в прошлое, и тени удлинялись к востоку: солнце угасало, мир был очень стар. Но его небеса и моря были по-прежнему подвластны детям Адама, наполнявшим плачем и смехом равнины, долины и леса, которые были гораздо старше этих меняющих очертания склонов.

Большая часть безмятежного сна Владыки была уже позади, когда в период между падением Девяносто седьмой династии и расцветом Пятой галактической империи, на свет появился философ Тревиндор. Он родился на отдаленной планете, ибо лишь ничтожная горстка людей оставалась теперь на Земле, в этой древней колыбели расы, столь далекой ныне от горячего, бьющегося сердца Вселенной.

Тревиндора привезли на Землю, когда его краткое столкновение с Империей закончилось неминуемым поражением. Здесь его судили те самые люди, идеалам которых он бросил вызов, именно здесь они долго раздумывали над тем, какую ему уготовить участь. Дело-то было уникальное: в Галактике уже много веков не сталкивались с оппозицией, пусть даже на уровне чистого разума, и этот вежливый, но непримиримый конфликт потряс ее до основания. Прийти к согласию оказалось невозможно, и члены Совета решили обратиться за консультацией к самому Тревиндору.

В белом сверкающем Зале справедливости, куда почти миллион лет никто не входил, гордо стоял Тревин-

дор. Он молча выслушал просьбу, затем погрузился в размышления. Его судьи терпеливо ждали.

— Вы предлагаете мне дать обещание впредь не бросать вам вызов, — начал он, — но я не могу обещать того, чего не в силах исполнить. Мы слишком расходимся во взглядах и рано или поздно столкнемся опять.

Было время, когда решения приходили легко. Вы могли бы отправить меня в изгнание или казнить. Только разве в наши дни найдется во Вселенной хоть одна планета, куда вы могли бы меня сослать, предпочти я этот выбор? Не забывайте, у меня множество учеников, разбросанных по всей Галактике.

Остается другая альтернатива. Обещаю не держать на вас зла, если вы, ради разрешения моего дела, снова введете в действие древний обычай смертной казни.

Со стороны членов Совета послышался шепоток недовольства.

— Это замечание несколько сомнительного вкуса, — резко ответил Председатель, густо покраснев. — Мы ожидали от вас серьезных предложений, а не напоминаний — пусть и шуточных — о варварских обычаях наших далеких предков.

Тревиндор принял этот упрек с поклоном.

— Я лишь пересобираю возможности. Мне в голову пришли еще две. Чтобы впредь не возникало никаких разногласий, вы могли бы переделать мой образ мыслей под-ваш.

— Эту возможность мы уже рассматривали. И были вынуждены отказаться от нее при всей ее привлекательности: ведь разрушение вашей личности было бы равносильно убийству. Во Вселенной лишь у пятнадцати человек более сильный разум, чем у вас, и мы не вправе вершить над ним насилие. А ваше последнее предложение?

— Изгнать меня в пространство вам не под силу, но есть и еще одна альтернатива. Перед нами, насколько только могут уйти вперед наши мысли, бежит река Времени. Отправьте меня по этому потоку в какую-нибудь эпоху, в которой нашей цивилизации уже не будет. Как мне известно, это вам под силу — к вашим услугам временное поле Ростона.

Наступила долгая пауза. Члены Совета молча передавали свои решения сложной анализирующей машине, которая взвесит их и вынесет вердикт.

— Мы согласны, — заговорил наконец Председатель. — Мы отправим вас в век, когда Солнце будет еще достаточно теплым, чтобы на Земле могла существовать жизнь, однако в столь далекий, что от нашей цивилизации вряд ли останутся какие-либо следы. Мы также обеспечим вас необходимым для вашей безопасности и комфорта. А пока можете идти. Когда все будет готово, мы позовем вас.

Тревиндор поклонился и вышел из мраморного зала. Никакой охраны за ним не последовало. Даже пожелай он бежать — во всей Вселенной, которую большие галактические лайнеры могли пересечь за один день, бежать было некуда.

В первый и последний раз постоял Тревиндор на берегу того, что некогда было Тихим океаном, прислушался к ветру, вздыхающему в кронах того, что некогда было пальмами. Ровный свет немногих звезд почти пустой части небосвода, через которую сейчас проходило солнце, пробивался сквозь сухой воздух стареющего мира. Тревиндор мрачно подумал: «А будут ли они по-прежнему сиять, когда — в будущем, столь далеко, что даже само Солнце будет на грани смерти, — он снова взглянет на небо?»

С крошечного коммуникатора у него на запястье раздался тихий звонок. Итак, его час настал. Он повернулся спиной к океану и пошел навстречу судьбе. Не успел он сделать и десятка шагов, как временное поле подхватило его, и на одно мгновение — пока будут высыхать и исчезать океаны, Галактической империи придет конец, а эти огромные созвездия превратятся в ничто — его мысли застыли.

Сам же Тревиндор течения времени вообще не ощутил. Только что у него под ногами был влажный песок, и вот уже — жесткий камень, потрескавшийся от жары и засухи. Пальмы исчезли, рокота моря больше не было слышно. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять: даже само воспоминание о море давно ушло из этого иссушенного и умирающего мира. До самого горизонта простиралась пустыня из красного песчаника, непрерывная и не оживляемая никакой растительностью. Над головой, с неба, такого черного, что были отчетливо видны многие звезды, мрачно светил оранжевый диск неузнаваемо изменившегося солнца.

И все же казалось, жизнь еще сохранилась на этой древней планете. К северу — если здесь по-прежнему

был север — этот безрадостный свет тускло отражался от какого-то металлического сооружения. Оно было в сотне ярдов, и, направившись к нему, Тревиндор ощутил небывалую легкость, как будто ослабло само земное притяжение.

Сделав пять-шесть шагов, он увидел, что приближается к приземистому металлическому строению; оно стояло под углом к горизонтали и казалось водруженным, а не постросненным на этой равнине. Тревиндор даже подивился, что ему так невероятно повезло и он столь легко нашел цивилизацию. Пройдя еще с десяток шагов, он понял, что не случай, а замысел так удобно поместил здесь это здание и что оно столь же чуждо этому миру, как и он сам. Надежды на то, что из этого домика кто-то выйдет ему навстречу, не было никакой.

Надпись на металлической доске над дверью почти ничего не добавила к тому, о чем он уже догадался. По-прежнему новая и непотускневшая, как будто ее только что выгравировали — что в известном смысле так и было, — она донесла до него послание горечи и надежды: «Совет приветствует Тревиндора. Это здание, которое мы послали вслед за вами по временному полю, на неопределенный срок обеспечит все ваши нужды.

Мы не знаем, существует ли еще цивилизация в том веке, в котором находитесь вы. Человек теперь, наверное, уже вымер, поскольку хромосома К-Стар-К стала господствующей, и род людской, вероятно, выродился в нечто нечеловеческое; это уж определять вам.

Вы пребываете сейчас в сумерках Земли, и мы надеемся, что вы не один. Если же вам суждено оказаться последним живым существом в этом некогда прекрасном мире, не забывайте, что выбор этот сделали вы сами. Прощайте».

Дважды прочел Тревиндор это послание, с болью в сердце узнав заключительные слова — их мог написать только его друг, поэт Синтилларн. В душу ему хлынуло непреодолимое чувство одиночества и пустоты. Сев на выступ скалы, он закрыл лицо руками.

Он долго сидел так, прежде чем встал и вошел в здание. Чувство чрезмерной благодарности к давно умершим членам Совета, которые обошлись с ним столь благородно, переполняло его. Отправить целое здание во времени — такую техническую задачу он считал не по силам своему времени. Ему в голову пришла неожиданная мысль, и он снова пошел взглянуть на выграви-

рованную надпись, впервые обратив внимание на дату на ней. Пять тысяч лет отделяло ее от того дня, когда он стоял перед равными себе в Зале справедливости. Прошло пятьдесят веков, прежде чем его судьи смогли выполнить свое обещание человеку, все равно что мертвому. Какими бы недостатками ни грешили члены Совета, их честность была того порядка, который был недоступен пониманию людей более раннего века.

Прошло много дней, прежде чем Тревиндор снова вышел из дома. Члены Совета позаботились обо всем — там были даже его любимые сочинения по философии. Он мог продолжать изучать природу действительности и создавать философские теории до скончания века Вселенной, каким бы бесплодным ни было это здание, если его разум — единственный оставшийся на Земле. Теперь-то уж, горько подумал он, можно не опасаться, что его рассуждения относительно смысла человеческого существования приведут к конфликту с обществом.

И только основательно обследовав здание, Тревиндор снова обратил внимание на внешний мир. Главной была проблема контактов с цивилизацией, если таковая вообще существует. Его снабдили мощным радиоприемником, и он часами крутил ручку частоты, обшаривая все диапазоны, в надежде обнаружить хоть какую-нибудь станцию. Из аппарата доносился только «белый шум», и лишь раз он услышал какую-то невнятицу, может, даже и речь, но уж никак не человеческую. Больше его поиски ничего не дали. Эфир, который столько веков был верным слугой человека, умолк навсегда.

Теперь все надежды Тревиндор возлагал на небольшой самолет с автопилотом. В его распоряжении было все оставшееся от вечности время, а Земля — планета маленькая. За каких-нибудь два-три года он мог бы обследовать ее всю.

Шли месяцы. Изгнанник методически обследовал мир, снова и снова возвращаясь к своему дому в пустыне из красного песчаника. И везде он находил одну и ту же картину разора и запустения. Он и представить себе не мог, сколь давно исчезли моря, но, умирая, они оставляли бескрайние пустыни соли, покрывшей горы и равнины грязно-серым одеялом. Тревиндор даже радовался, что родился не на Земле и, следовательно, не видел ее в пору расцвета. И все же, хотя он и был здесь чужим, пришельцем, одиночество и запустение мира охладили

ему душу и сердце, а живи он здесь раньше, так теперь его горе было бы просто невыносимым.

Тысячи квадратных миль пустыни пронеслись под крылом воздушного корабля, пока Тревиндор рыскал по миру от полюса до полюса. И только раз он нашел знак того, что Земля некогда знавала цивилизацию. В глубокой долине у экватора он обнаружил остатки какого-то городка с домами из странного белого камня и еще более странной архитектуры. Здания полностью сохранились, хотя и были наполовину засыпаны песками, и на мгновение сознание того, что человек таки оставил след своего пребывания на планете, которая была его колыбелью, доставило Тревиндору горькую радость.

Эта радость была недолгой. Здания оказались даже еще более странными, чем думал Тревиндор. Единственными проемами в них были широкие горизонтальные отверстия невысоко над землей, окон не было. У Тревиндора даже голова пошла кругом, когда он попытался представить себе существа, которые, должно быть, жили в этих зданиях. Несмотря на усиливающееся чувство одиночества, он все же испытал радость оттого, что обитатели этого нечеловеческого города вымерли задолго до его времени. Задерживаться он не стал — подступала ночь, а долина действовала на него угнетающе, и это чувство не поддавалось простому рационалистическому объяснению.

А однажды он таки обнаружил жизнь. Он курсировал над дном одного из пропавших океанов, когда его внимание привлекла вершина холмика, еще не занесенного зыбучими песками. Она была покрыта тонким слоем цепкой травы. Только-то и всего, но при этом зрелище на глаза Тревиндора навернулись слезы. Он посадил машину и вышел, ступая как можно осторожнее, чтобы ненароком не повредить ни одной из пробивающихся травинок. Он нежно погладил руками этот тонкий зеленый коврик — другой жизни на Земле не осталось. Прежде чем улететь, он побрызгал это место водой — сколько мог себе позволить. Жест был напрасный, но после него у Тревиндора стало легче на душе.

Обследование Земли подходило к завершению. Тревиндор давно уже оставил всякую надежду, но его неукротимый дух не позволял ему усидеть на месте. Вот так он в конце концов и добрался до гробницы Влади-

ки — она лежала, мрачно поблескивая па солнце, от света которого была сокрыта столь долго.

Разум Владыки пробудился раньше его тела. Он еще лежал, бессильный, не в состоянии даже поднять веки, а память уже вернулась. Все в порядке, сто лет остались позади. Его игра, самая рискованная, которую когда-либо вел человек, удалась! Подступила волна страшной усталости, и он снова потерял сознание.

Вскоре туман у него в голове рассеялся, и он почувствовал себя уже сильнее, хотя двигаться еще не мог. Он лежал во тьме, набираясь сил. Что за мир, гадал он, найдет он, когда ступит со склона горы на свет дня? Сможет ли он привести свои планы в... Но что это? Все его существо сковал ужас. Рядом с ним, прямо здесь, в усыпальнице, где, кроме него самого, ничего быть не должно, что-то двигалось.

Затем, спокойная и ясная, одна мысль отчетливо прозвенела в его мозгу, мгновенно подавив все страхи, от которых грозила расколоться голова.

«Не волнуйтесь. Я пришел помочь вам; вы в безопасности, все будет хорошо».

Владыка был слишком ошеломлен, чтобы отозваться, но его подсознание, вероятно, сформулировало некий ответ, потому что та же мысль пришла снова.

«Вот и хорошо. Я Тревиндор, изгнанник в этом мире, как и вы. Не двигайтесь, только расскажите мне, как вы сюда попали и из какой вы расы, ибо я таких не встречал».

Страх и настороженность постепенно возвращались в мозг Владыки. Что это еще за существо, которое может читать его мысли, и что оно делает в его потайном шаре? И опять та же ясная, холодная мысль эхом отдалась у него в мозгу, как звон колокола.

«Говорю вам, не надо бояться. Почему вас так тревожит, что я могу читать ваши мысли? В этом, безусловно, нет ничего необычного».

— Ничего необычного! — вскричал Владыка. — Да кто же вы, бога ради?

— Человек, как и вы. Но ваш народ впрямь, должно быть, примитивен, если чтение мыслей кажется вам необычным.

Ужасное подозрение закралось в мозг Владыки. Ответ он услышал даже раньше, чем осознанно сформулировал вопрос.

— Вы проспали не сто лет, а во много раз больше.

Вы даже и представить себе не можете, как давно канул в небытие знакомый вам мир.

Больше Владыка ничего не услышал. Тьма снова окутала его, и он провалился в блаженное бессознательное состояние.

Тревиндор молча стоял у кушетки, на которой возлежал Владыка. Переполюнявшая его радость заглушала сейчас всякое разочарование, если он таковое и испытывал. Как бы там ни было, одиночество ему больше не грозит, будущее не так страшно. Он уже не один на Земле. У него будто камень с души свалился. Отныне он не одинок... он не одинок! Подавляя все остальное, эта мысль, как молотом, стучала у него в мозгу.

Владыка снова зашевелился, и обрывки его мыслей полезли в голову Тревиндору. В мозгу наблюдавшего стали складываться картины знакомого Владыке мира. Сначала Тревиндор никак не мог ничего из них уразуметь, потом вдруг, будто разбитые черепки стали каждый на свое место, все объяснилось. Его захлестнула волна ужаса при виде страшной картины: воюющие нации, охваченные огнем города, умирающие в муках люди. Что ж это был за мир такой? Подобными игрушками согласно легендам, доходившим с незапамятных времен, человек забавлялся на заре истории Земли, но потом он вырос из них, оставил их вместе с детством. Не может быть, чтобы они вернулись!

Отрывочные мысли становились все отчетливее и даже еще ужаснее. И впрямь этот изгнанник вышел из кошмарного века, неудивительно, что он бежал от него.

Пока Тревиндор с болью в сердце наблюдал за чудовищными картинами, мелькавшими в мозгу Владыки, до него вдруг дошла горькая истина. Нет, это не изгой, ищущий убежища от века ужаса, а сам творец этого века, пустившийся в путь по реке Времени с единственной целью — распространить заразу на более поздние годы.

Страсти, которых Тревиндор и представить себе не мог, проходили, будто на параде, перед его взором: честолюбие, жажда власти, жестокость, нетерпимость, ненависть. Он попытался было отключить свой разум, но обнаружил, что уже не в состоянии сделать это. А грязный поток безудержно катился, отравляя все уровни его сознания. Вскрикнув от боли, Тревиндор выбежал в пустыню и разорвал цепь, связывавшую его с этим пагубным разумом.

Ночь была очень тихая — Земля давно от всего устала, не дули даже ветры. Тьма сокрыла все. Однако Тревиндор знал, что мыслей того, другого, разума, с которым он теперь должен сосуществовать в этом мире, она сокрыть не может. Оказавшись совершенно один, он думал, что нет ничего ужаснее. Но теперь-то он знал, что есть вещи гораздо страшнее одиночества.

Тишина ночи и сияние звезд, бывших некогда его друзьями, успокоили душу Тревиндора. Он неторопливо повернулся и, тяжело ступая, пошел обратно — он собирался совершить такое, чего не совершал еще ни один человек его рода.

Владыка уже стоял на ногах, когда Тревиндор вошел в шар. Вероятно, намерения последнего каким-то образом передались первому: он был очень бледен и дрожал не просто от физической слабости. Тревиндор решительно заставил себя еще раз заглянуть в мозг Владыки и чуть ли не отпрянул при виде хаоса противоречивых чувств, насквозь пронизываемых тошнотворными вспышками страха. Из этой бури возникла лишь одна дрожащая связанная мысль.

— Что вы задумали? Почему вы на меня так смотрите?

Тревиндор не ответил, стараясь держаться подальше от этой скверны, набираясь решимости и сил.

Смятение в голове Владыки достигло предела. На мгновение его нарастающий ужас вызвал в мягкой душе Тревиндора нечто вроде жалости, он заколебался. Но тут же вновь вернулась картина разрушенных и пылающих городов, и эта минутная слабость прошла. Всей мощью своего сверхчеловеческого интеллекта, поддержанного тысячами веков умственной эволюции, он ударил стоящего перед ним человека, и в разум Владыки, уничтожая все остальное, хлынула одна-единственная мысль — мысль о смерти.

Устремив перед собой дикий взгляд, Владыка мгновенно замер. Его легкие прекратили работу, дыхание остановилось, кровь, пульсировавшая в его жилах и столь долго пребывавшая в покое, теперь застыла уже навсегда. Без единого звука Владыка рухнул на пол.

Тревиндор очень медленно повернулся и вышел в ночь. Тишина и пустынность мира окутали его, будто покрывало.

Песок, освобожденный наконец от препятствий, стал пробиваться в открытые порталы гробницы Владыки.

МЕСТЬ ЗЛЕЙШИМ ВРАГАМ

— Ну, Найп, мальчик мой, теперь, когда все позади, я считаю своим долгом сообщить вам, что с работой вы справились отменно.

Адольф Найп истуканом стоял на ковре перед письменным столом мистера Болен. Похоже, никакого восторга он не испытывал.

— Разве вы не рады?

— О, да, мистер Болен...

— Читали, что пишут утренние газеты?

— Нет, сэр, не читал.

Сидевший за столом потянул к себе сложенную газету и стал читать вслух:

— «Завершена сборка большой электронно-вычислительной машины, изготовленной по заказу правительства. На сегодняшний день это, очевидно, самая быстродействующая ЭВМ в мире. Скорость, с которой работает новая машина,— заявил Джон Болен, глава фирмы инженеров-электронщиков, которая была главным подрядчиком,— можно представить себе на таком примере: задачу, на решение которой у математика ушел бы целый месяц, машина решает за пять секунд».

Мистер Болен бросил взгляд на грустное вытянувшееся лицо своего подчиненного.

— Неужели вы не гордитесь этим, Найп? Неужели вы недовольны?

— Разумеется, доволен, мистер Болен.

— Думается, нет нужды напоминать вам, сколь велик был ваш личный вклад, особенно в первоначальные наброски. Собственно, можно сказать, что без вас и некоторых ваших идей этот проект, возможно, до сих пор был бы на чертежных досках.

Адольф Найп неловко переступил с ноги на ногу и посмотрел на белые ручки шефа — пальцы нервно терблили газетную вырезку, расправляя ее, разгибали, разглаживали оставшиеся от скрепок кривые линии. Адольфу не нравились руки этого человека, не нравилось и лицо, с крошечным ротиком и тонкими синюшными губами. На него было неприятно смотреть, когда он разговаривал, шевелилась только нижняя губа.

— Что с вами, Найп? Вы обеспокоены?

— Нет-нет, мистер Болен. Нет.

— Может, хотите на недельку в отпуск? Пойдет вам на пользу. Вы его заслужили.

— Ах, даже и не знаю, сэр.

Старший из мужчин ждал, глядя на этого высокого худого парня, который так развязно стоял перед ним. Станный юноша, даже разогнуться не может, все время сутулится, перяшлив, на пиджаке пятна, волосы свисают на лицо...

— Возьмите отпуск, Найп, он вам необходим.

— Хорошо, сэр, раз вы так хотите...

— Возьмите неделю, две, если надо. Поезжайте куда-нибудь в теплые края, на солнышко. Поплавайте. Расслабьтесь. Отоспитесь. Потом возвращайтесь, и еще раз поговорим о будущем.

Адольф Найп доехал автобусом до своей двухкомнатной квартиры, бросил на диван пальто, налил себе виски и сел за стол к пишущей машинке. Мистер Болен был прав. Разумеется, прав. Только он не знал и половины истины. Он, вероятно, полагал, что тут не обошлось без женщины. Стоит молодому человеку захандрить, все почему-то думают, что это из-за женщины.

Он подался вперед и стал читать вставленную в машинку незаконченную страницу. Она была озаглавлена «На волосок от смерти» и начиналась так: «Ночь была темная и бурная, ветер свистел в кронах деревьев, дождь лил как из ведра...»

Адольф Найп отхлебнул виски, ощутив горький привкус солода. Струйка жидкости потекла в горло и осела где-то в верхней части желудка — сначала холодная, потом все теплее и теплее, она согревала внутренности. Впрочем, черт с ним, с мистером Боленом, да и с великой электронно-вычислительной машиной тоже. Черт с...

И в этот миг глаза и рот его стали медленно приоткрываться, вроде как от удивления: он поднял голову и

замер, вперив в противоположную стену взгляд, в котором, пожалуй, было больше изумления, нежели торжества. Взгляд этот застыл и оставался неподвижным сорок, пятьдесят, шестьдесят секунд... Затем постепенно все его лицо странным и таинственным образом преобразилось, удивленное выражение сменилось довольной миной, сначала едва заметной, но становящейся все явственнее, пока лицо не засияло неистовым восторгом. Впервые за долгие месяцы Адольф Найп улыбнулся.

— Ну конечно, — сказал он вслух, — это же смех, да и только. — Он снова улыбнулся, приподняв верхнюю губу и странно-чувственным манером обнажил зубы. — Идея восхитительная, но до того неосуществимая, что о ней думать не стоит.

Но с этой минуты Адольф Найп не мог уже думать ни о чем другом. Идея буквально захватила его, сначала потому, что в ней он увидел возможность — какой бы бесконечно далекой она ни казалась — самым что ни на есть дьявольским образом отомстить своим злейшим врагам. Уже с одной этой точки зрения он праздно тешился ею минут, наверное, десять или пятнадцать, затем вдруг поймал себя на том, что рассматривает ее на полном серьезе, как практическую возможность. Он взял бумагу и сделал несколько предварительных набросков. Но мало чего добился. Он чуть ли не сразу обнаружил, что столкнулся со старой истиной: машина, сколь бы изобретательна она ни была, не способна мыслить самостоятельно. Ей под силу только те задачи, которые могут быть выражены математически, причем с одним, и только одним, правильным ответом.

В этом состояла основная трудность. Обойти ее казалось невозможным: мозга у машины быть не может. Но с другой стороны, у нее может быть память, разве не так? У их собственной ЭВМ память была великолепная. Благодаря обыкновенному превращению электрических импульсов, пропускаемых через столбик ртути, она была в состоянии запоминать по меньшей мере тысячу чисел разом, извлекая одно из них именно в тот момент, когда это нужно. Нельзя ли в таком случае создать на этом принципе секцию памяти почти неограниченного объема?

Ну так как же?

И тут вдруг его осенила одна яркая, но простая истина, а именно: в английской грамматике правят законы чуть ли не математические по своей строгости!

Если задать слова и смысл высказывания, тогда, следовательно, будет только один правильный порядок расположения этих слов.

Нет, подумал он, это не совсем так. Во многих предложениях есть несколько равноценных позиций для слов и фраз, каждая из которых может оказаться грамматически правильной. Но какого черта! Сама-то теория в основе своей верна. Стало быть, само собой разумеется, что машину, собранную на манер электронного компьютера, можно настроить так, что она станет располагать вместо чисел слова в соответствующем порядке согласно правилам грамматики. Дайте ей глаголы, существительные, прилагательные, местоимения, накопите их в памяти в качестве словарного запаса и устройте так, чтобы их можно было извлекать по первому требованию. После чего задайте машине сюжеты, и пускай себе строчит предложения.

Теперь Найпа было не остановить. Он взялся за дело немедленно и в течение последующих нескольких дней работал не покладая рук. По гостиной были разбросаны листки бумаги: формулы и подсчеты, списки слов — тысячи и тысячи; сюжеты рассказов, необычайно разбитые и подразделенные на части; огромные отрывки из «Тезауруса» Роже; страницы, заполненные мужскими и женскими именами; сотни фамилий из телефонной книги; мудреные чертежи линий проводки, электросхем, выключателей, термоэлектронных ламп; чертежи машин для перфорирования маленьких карточек отверстиями разных форм и невиданной электрической пишущей машинки, способной отстукивать по десять тысяч слов в минуту. А также нечто вроде щитка управления с набором кнопок, на каждой из которых стояло название какого-нибудь известного американского журнала.

Он трудился иступленно, расхаживал по комнате среди разбросанных бумаг, потирая руки, разговаривал вслух сам с собой, а иногда, лукаво скривив нос, отпускал целую обойму отборнейших ругательств, в которой почему-то непременно мелькало словечко «редактор». На пятнадцатый день непрерывной работы он собрал бумаги в две большие папки и потащил их — чуть ли не бегом — в контору «Джон Болен инкорпорейтед, инженеры-электрики». Мистер Болен обрадовался его возвращению.

— Боже мой, Найп! Ну вот, совсем другой вид. Хорошо отдохнули? Куда ездили?

«Как был уродом и неряхой, так и остался, — подумал мистер Болен. — Ну почему он не может расправить плечи? Ни дать ни взять согнутая палка».

— У вас совсем другой вид, мой мальчик.

«Интересно, чему это он лыбится? Каждый раз, когда я его вижу, мне кажется, что уши у него стали еще больше».

Адольф Найп вывалил папки на стол.

— Взгляните-ка, мистер Болен! — вскричал он. — Вы только взгляните на это!

И изложил свою теорию. Раскрыв папки, он подтолкнул к удивленному человечку чертежи. Говорил он больше часу, все разъясняя и растолковывая, а кончив, отступил назад, покрасневшись и затаив дыхание в ожидании приговора.

— Вы знаете, что я думаю, Найп? По-моему, вы чокнулись.

«Смотри поосторожнее, — сказал себе мистер Болен. — С ним надо держать ухо востро. Ему цены нет, этому парню. Если бы только не выглядел так ужасно, с этой его вытянутой лошадиной мордой и огромными зубами. А уши какие громадные — прямо как лопухи».

— Но, мистер Болен! Она будет работать! Я же доказал вам, что она будет работать! Этого-то вы отрицать не можете!

— Успокойтесь, Найп. Успокойтесь и послушайте меня.

Адольф Найп смотрел на своего хозяина, ненавидя его с каждой секундой все больше и больше.

— Эта идея, — произнесла нижняя губа мистера Болена, — весьма оригинальна. Я бы даже сказал, блистательна. Она лишний раз подтверждает мое мнение о ваших способностях, Найп. Только зачем относиться к ней так серьезно? В конце концов, мой мальчик, какой нам от нее прок? Кому, черт побери, понадобится машина, которая умеет сочинять рассказы? И вообще — какие в ней деньги? Вы мне растолкуйте.

— Позвольте сесть, сэръ?

— Конечно. Садитесь.

Адольф Найп примостился на краешке стула. Пожилой мужчина следил за ним своими сторожкими карими глазами, гадая, что же будет дальше.

— Я хотел бы объяснить вам, мистер Болен, если позволите, как я до всего этого додумался.

— Валяйте, Найп.

«Надо как-то его ублажить, — напомнил себе мистер Болен. — Парню действительно цены нет — он, можно сказать, гений. Для фирмы он стоит своего веса в золоте. Достаточно взглянуть на эти бумаги. Такой штуковины никогда еще не было. Удивительная работенка. Совершенно бесполезная, разумеется. Никакой коммерческой ценности, но она еще раз доказывает, сколь дорог ее создатель».

— Это будет нечто вроде исповеди, мистер Болен. Мне кажется, она объяснит, почему я всегда был таким... неумным, что ли...

— Можете не стесняться, Найп. Ведь я здесь для того, чтобы помочь вам, вы это знаете.

Молодой человек крепко сжал руки на коленях и стиснул локтями бока. Казалось, его вдруг прошиб озноб.

— Понимаете, мистер Болен, если по-честному, моя работа здесь мне не очень нравится. Я знаю, я силен в ней и все такое, но душа у меня к ней не лежит. Это не то, чем мне хотелось бы заниматься.

Брови мистера Болена подскочили, будто на пружинах. Он притих и напрягся.

— Видите ли, сэр, всю жизнь мне хотелось стать писателем.

— Писателем?!

— Да, мистер Болен. Можете мне не верить, но все свободное время, какое у меня только было, я посвящал сочинению рассказов. За последние десять лет я написал их сотни в буквальном смысле слова. Пятьсот шестьдесят шесть, чтобы быть точным. Где-то по одному в неделю.

— Бог мой! И на кой же черт вам это понадобилось?

— Я, сэр, испытываю в этом потребность.

— Какую потребность?

— Творческий зуд, мистер Болен. — Каждый раз, поднимая глаза, он видел губы мистера Болена, которые становились все тоньше и тоньше.

— Могу ли я спросить, Найп, что же вы делаете с этими рассказами?

— В том-то и беда, сэр. Их никто не хочет покупать. Написав рассказ, я каждый раз пускаю его по кругу, в один журнал за другим, только и всего, мистер Болен. А редакторы отправляют их назад. Это страшно гнетет.

Мистер Болен расслабился.

— Я очень хорошо понимаю ваше состояние, мой мальчик. — Его голос прямо-таки сочился сочувствием. — В тот или иной период нашей жизни мы все через это проходим. Но теперь... теперь, когда у вас есть доказательство... определенное подтверждение... самих экспертов, редакторов, что ваши рассказы... как бы это сказать... успехом не пользуются, пора оставить это дело. Забудьте об этом, мой мальчик. Просто забудьте, и все.

— Ну нет, мистер Болен! Нет! Это неправда! Я ведь знаю: мои рассказы хороши. Боже милостивый, да вы бы сравнили их с той писаниной, что печатают некоторые наши журналы! Честное слово, мистер Болен, какой только дряни в них не увидишь! Причем буквально каждую неделю! Господи, это-то и сводит меня с ума!

— Минутку, мой мальчик...

— А вы вообще читаете журналы, мистер Болен?

— Вы меня простите, Найп, но какое все это имеет отношение к вашей машине?

— Прямос, мистер Болен, самое непосредственное! Я вам вот что скажу: я просмотрел многие журналы и пришел к выводу, что каждый из них тяготеет к какому-то особому, своему типу рассказа. Писатели — те, что добились успеха, — знают об этом и соответствующим образом подделываются.

— Минутку, мой мальчик, успокойтесь, пожалуйста. Боюсь, так мы ни до чего не договоримся.

— Пожалуйста, мистер Болен, выслушайте меня до конца. Это страшно важно. — Он помолчал, чтобы перевести дух. Он был сильно возбужден и, разговаривая, размахивал руками. Его вытянутое зубастое лицо с огромными оттопыренными ушами прямо светилось энтузиазмом, а во рту было столько слюны, что он выплевывал ее со словами. — Как видите, установив на моей машине регулируемый координатор между сюжетной памятью и памятью слов, я в состоянии выдать любой тип рассказа простым нажатием нужной кнопки.

— Да, я знаю, Найп, знаю. Весьма занятно, но какой в этом прок?

— А вот какой, мистер Болен. Рынок ограничен. Мы должны быть в состоянии поставить необходимый материал в любое время, когда только пожелаем. Это обыкновенный бизнес. Сейчас я смотрю на это с вашей точки зрения — как на коммерческое предложение.

— Мой дорогой мальчик, какое же тут может быть коммерческое предложение? Нет-нет! Вы не хуже меня

знаете, во сколько обходится создание одной такой машины.

— Да, сэр, знаю. Но при всем уважении к вам я не уверен, что вы знаете, сколько журналы платят писателям за рассказ.

— Ну, и сколько же?

— До двух с половиной тысяч долларов. А в среднем выходит около тысячи.

Мистер Болен даже подпрыгнул.

— Да, сэр, это правда.

— Невероятно, Найп. Смехотворно!

— Нет, сэр, это правда.

— Вы пытаетесь втолковать мне, что журналы выплачивают такие деньги человеку за... только за то, что он нацарапает какой-то рассказ? Боже милостивый, Найп! А что вы еще скажете? Писатели, должно быть, все миллионеры!

— Вот именно, мистер Болен! Тут-то и настанет очередь машины. Послушайте минуточку, пока я расскажу вам кое-что еще. У меня все рассчитано. Толстые журналы помещают примерно по три больших рассказа в каждом номере. Теперь возьмем пятнадцать наиболее значительных журналов — тех, что выплачивают самые высокие гонорары. Есть среди них и ежемесячники, но в основном это еженедельники. Таким образом, каждую неделю покупается около сорока рассказов. Это сорок тысяч долларов. А с нашей машиной, когда она у нас заработает на всю катушку, мы сможем прибрать к рукам почти весь рынок!

— Мой дорогой мальчик, вы сошли с ума.

— Нет, сэр, честное слово, все, что я говорю, — правда. Неужели вы не видите, что мы задавим их одним только объемом? Эта машина может выдать рассказ в пять тысяч слов, уже отпечатанный и готовый к отправке, за тридцать секунд. Как же писатели смогут конкурировать с нею? Я вас спрашиваю, мистер Болен, как?

Тут Адольф Найп заметил, что выражение лица босса слегка изменилось: ярче заблестели глаза, ноздри расширились, лицо стало холодным, чуть ли не застывшим. Он быстро продолжал:

— В наши дни, мистер Болен, у товара, сделанного вручную, нет никаких шансов. Он не может конкурировать с массовым производством — вы это знаете. Ковры, стулья, туфли, кирпичи, посуда... да что угодно —

все теперь делают машины. Качество, возможно, хуже, но это не имеет значения. Стоимость продукции — вот что главное. А рассказы — ну, это всего лишь еще один продукт, такой же, скажем, как ковры или стулья, и всем наплевать, как вы их производите, лишь бы у них был товарный вид. Мы будем производить их оптом, мистер Болен! Загоним в угол всех наших соотечественников-писателей! Мы монополизуем рынок!

Мистер Болен выпрямился в своем кресле. Он подался вперед всем телом — локти на столе, лицо насто-роже, карие глаза устремлены на говорящего.

— И все же я по-прежнему считаю, что это неосу-ществимо, Найп.

— Сорок тысяч в неделю! — вскричал Адольф Найп. — Даже если мы скостим цену вполтину и бу-дем зашибать по двадцать тысяч, все равно это мил-лион в год! — И мягко добавил: — Может быть, вы за-работали миллион в год на сооружении старой ЭВМ, а, мистер Болен?

— Но я серьезно, Найп. Вы действительно полагае-те, что рассказы станут покупать?

— Послушайте, мистер Болен. Кто, к чертовой ма-тери, захочет читать рассказы, написанные по старин-ке, когда можно будет за полцены покупать совсем другие? Резонно, нет?

— А как вы их будете продавать? А если вас спро-сят, кто их сочинил?

— Мы учредим собственное литературное агентство и будем распределять их через него. А фамилии писа-телям придумаем какие пожелаем.

— Не нравится мне это, Найп. По-моему, это попа-хивает надувательством, разве нет?

— И еще одно, мистер Болен. Когда вы запустите машину, появятся возможности получать различные весьма ценные побочные продукты. Взять, к примеру, рекламу. Производители пива и тому подобной дряни готовы в наши дни платить бешеные деньги, лишь бы только известные писатели ставили свои имена на их продукции. Господи боже мой, мистер Болен! Не о дет-ской же забаве мы толкуем! Это большой бизнес.

— Не зарывайтесь, мой мальчик.

— И еще. Если бы вы того пожелали, нам ничто бы не помешало поставить и ваше имя под несколькими лучшими рассказами.

— Господи боже, Найп! И зачем бы мне это?

— Ну, не знаю, сэр, да только некоторые писатели живут в большом почете — как, например, мистер Эрл Гарднер или Кэтлин Норрис. Нам ведь все равно будут нужны имена, и я, понятное дело, подумываю о том, чтобы подписать один-два рассказа своей фамилией, чтобы поднабраться на первых порах известности.

— Писатель, а? — сказал мистер Болен, как бы размышляя. — Вот бы удивились приятели в клубе, увидев мою фамилию в журналах... в хороших журналах.

— Вот именно, мистер Болен.

На мгновение взгляд мистера Болена устремился в голубые дали мечты, и он даже улыбнулся. Но тут же взял себя в руки и принялся перелистывать лежавшие перед ним расчеты и чертежи.

— Одного я не понимаю, Найп. Откуда берутся сюжеты? Машина же их не может придумать.

— А мы их вводим в машину, сэр. Это вообще не проблема. Сюжеты есть у всех. Вон в той папке слева от вас их записано сотни три или четыре. Вводите их прямо в сюжетную память машины.

— Продолжайте.

— Есть и множество других тонкостей, мистер Болен. Вы увидите их, когда внимательно изучите проект. Например, есть один грюк, к которому прибегает чуть ли не каждый писатель, — вставить в каждый рассказ хотя бы одно длинное словцо с туманным смыслом. Чтобы читатели думали, будто автор страшно мудр и умен. Поэтому и моя машина будет делать то же самое. Специально для этой цели там припасена целая куча длинных слов.

— Где?

— В словарной памяти, — сказал Найп.

Возможности новой машины они обсуждали большую часть дня. В конце концов мистер Болен заявил, что ему еще нужно подумать. Наутро он излучал спокойное воодушевление, а через неделю уже был ярым сторонником идеи.

— Что надо сделать, Найп, так это заявить, будто мы строим еще одну вычислительную машину, только нового типа. Это поможет сохранить тайну.

— Вот именно, мистер Болен.

А через полгода сооружение машины было закончено. Она занимала отдельный кирпичный корпус на задворках здания фирмы, и теперь, когда была готова

к действию, никому, кроме мистера Болен и Адольфа Найпа, подходить к ней не разрешалось.

Настал волнующий миг: двое мужчин — один приземистый и толстый, другой высокий, худой, зубастый — стояли в коридоре перед щитом управления и готовились выпустить свой первый рассказ. Их окружали стены, разделенные на множество ниш, и на стенах этих размещались проводка, плавкие предохранители, выключатели и громадные стеклянные электронные лампы. Оба мужчины нервничали, мистер Болен то и дело перескакивал с ноги на ногу, он был совершенно неспособен устоять на месте.

— Ну, какую кнопку? — спросил Адольф Найп, оглядывая ряд небольших белых дисков, похожих на клавиши пишущей машинки. — Выбирайте, мистер Болен. Тут много журналов на любой вкус — «Сэтердэй ивнинг пост», «Коллиерс», «Лейдиз хоум джорнел» — какой пожелаете.

— Боже правый, мальчик! Откуда я знаю? — Он подпрыгивал так, словно мучился крапивницей.

— Мистер Болен, — серьезно сказал Адольф Найп, — да понимаете ли вы, что сейчас одним движением своего пальчика вы способны превратить себя в обладателя самого разностороннего на нашем континенте литературного таланта?

— Послушайте, Найп, займитесь, пожалуйста, делом... без всяких предварительных замечаний.

— Ну что ж, мистер Болен. Тогда мы... позвольте-ка вот эту. Ничего.

Он протянул руку и нажал кнопку с набранной мелким черным шрифтом надписью: «Женщина сегодня». Резко щелкнуло, и, когда он убрал палец, кнопка так и осталась вдавленной ниже уровня остальных.

— Журнальчик выбрали, — сказал он. — А теперь — оп-ля!

Он протянул вверх руку и дернул какой-то переключатель на панели. Комната тут же наполнилась громким жужжанием, потрескиванием электрических разрядов и перезвоном многочисленных быстро снующих рычажков. И почти тут же из прорези в правой части контрольной панели стали выскакивать и падать в подставленную корзину листы бумаги в формате кварто. Выскакивали они быстро, по штуке в секунду, и не прошло и полминуты, как все кончилось. Бумажный поток иссяк.

— Вот и все! — закричал Найп. — Вот он, наш рассказ!

Они схватили страницы и принялись читать. Первая начиналась так: «Аивлкортуеклноастивм васненролвдкеробааааанооо, перцоумсуй...» Они посмотрели страницы. Стиль везде был приблизительно одинаков. Мистер Болен зашелся криком, молодой человек пытался успокоить его.

— Ничего страшного, сэр, честное слово. Нужна лишь пустячная наладка. Что-то где-то не так законтачено, только и всего. Не забывайте, мистер Болен, в этом зале больше миллиона футов прсводки. Нельзя ожидать, что все сразу же пойдет как по маслу.

— Она никогда не заработает, — сказал мистер Болен.

— Терпение, сэр, терпение.

Адольф Найп принялся искать неисправность и через четыре дня объявил, что все готово для новой попытки.

— Она никогда не заработает, — талдычил мистер Болен. — Я знаю, она никогда не заработает.

Найп улыбнулся и нажал кнопку выбора журнала с пометой «Ридерз дайджест». Затем потянул на себя переключатель, и снова комнату наполнило волнующее жужжание. Из прорези в корзину выскочила одна страничка машинописи.

— А остальные где? — вскричал мистер Болен. — Она остановилась! Она сломалась!

— Нет, сэр, не сломалась. Она в полном порядке. Это же для «Дайджест», разве вы не видите?

— На этот раз начало было такое: «Немногиееще знаютчтооткрыто новоеволюционноселечение способноеразинавсегдаизбавить людейотсамой страшнойболезнинашего времени». И так далес.

— Тарабанщина какая-то! — завопил мистер Болен.

— Нет, сэр, все прекрасно. Неужели вы не видите? Просто машина не отделяет слова, это легко исправить. Но заметка-то, вот она. Смотрите, мистер Болен, смотрите! Все на месте, кроме знаков препинания.

Так оно на самом деле и было.

При очередной попытке несколько дней спустя все было безупречно, даже пунктуация. Первый рассказ, который они создали для известного женского журнала, оказался солидным фабульным сочинением об одном парне, мечтавшем вырасти в глазах своего богато-

го работодателя. Этот парень, говорилось в рассказе, устроил так, что один его друг якобы с целью ограбления остановил дочь богача, когда та направлялась в машине домой. А парень, случайно оказавшийся поблизости, вышиб пистолет из руки своего друга и спас девушку. Девушка была переполнена благодарностью. Но ее отец заподозрил неладное. Он устроил парню грубый допрос. Парень раскололся и во всем признался. Тогда отец вместо того, чтобы вышвырнуть парня из дома, заявил, что восхищен его находчивостью. Девушка была в восторге от его честности и... внешности. Отец пообещал сделать его главным бухгалтером, девушка вышла за него замуж.

— Великолепно, мистер Болен! Как раз то, что надо!

— По-моему, пошлово, мой мальчик.

— Нет, сэр, это ходкий товар, настоящий бестселлер!

Вдохновленный, Адольф Найп тут же сделал еще шесть рассказов — за столько же минут. Все они, кроме одного, который почему-то вышел несколько непристойным, казались вполне сносными.

Тут уж мистер Болен успокоился. В одной конторе в центре города он согласился учредить литературное агентство во главе с Найпом. Недели через две это было устроено, после чего Найп разослал по почте первую дюжину рассказов. Под четверьмя из них он поставил свою фамилию, под одним — фамилию Болена, для других же просто выдумал имена. Пять из этих рассказов были сразу же приняты. Тот, под которым стояло имя мистера Болена, вернули с припиской редактора отдела литературы: «Работа выполнена искусно, но, на наш взгляд, рассказ не совсем получился. Мы хотели бы посмотреть другие сочинения этого автора».

Адольф Найп добрался на такси до своей фабрики и создал еще один рассказ для того же журнала. Он снова поставил под ним фамилию мистера Болена и немедленно отправил его почтой. Этот рассказ журнал купил.

Потекли денежки. Найп постепенно наращивал выработку и через полгода производил уже по тридцать рассказов в неделю, причем около половины из них сбывал.

В литературных кругах у него стало складываться имя плодовитого и пользующегося успехом писателя.

У мистера Болен тоже, но не такое уж хорошее, хотя он об этом не знал. Одновременно Найп в качестве многообещающих молодых писателей сколачивал компанию из десятка «мертвых душ». Все шло прекрасно.

Тогда было решено реконструировать машину с тем, чтобы она могла писать не только рассказы, но и романы. Мистер Болен, жаждавший теперь больших почестей в литературном мире, настаивал на том, чтобы Найп немедленно занялся разработкой этой сложнейшей проблемы.

— Я хочу написать роман, — твердил он. — Я хочу написать роман.

— И напишете, сэр. И напишете. Но пожалуйста, наберитесь терпения. Переделка предстоит весьма сложная.

— Все говорят, что мне следует написать роман, — вскричал мистер Болен. — Ни днем, ни ночью не дают мне проходу всякие издатели, просят меня перестать баловаться рассказами и создать что-нибудь действительно стоящее. Роман — вот единственное, что идет в счет, — так они говорят.

— Да будем мы писать романы, будем, — ответил ему Найп. — Причем столько, сколько захотите. Только, пожалуйста, наберитесь терпения.

— Послушайте меня, Найп. Чего мне хочется, так это создать серьезный роман, чтобы им зачитывались, чтобы о нем говорили. Мне таки поднадоел тот тип рассказов, под которыми вы ставите мое имя. Собственно говоря, порой мне кажется, что вы смеетесь надо мной.

— Смеюсь над вами, мистер Болен?

— Все лучшее вы приберегали для себя, вот что вы делали.

— О нет, мистер Болен, нет!

— Вот почему на сей раз я хочу быть железно уверен, что создам умную, первоклассную книгу. Зарубите это себе на носу!

— Послушайте, мистер Болен, я сейчас мастерю щиток управления, который позволит вам написать любую книгу, какую пожелаете.

И это было правдой, ибо в течение последующих двух-трех месяцев гений Найпа не только приспособил машину для сочинения романов, но и создал удивительную новую систему управления, которая давала автору возможность в буквальном смысле слова заранее выби-

рать любой тип сюжета и любой стиль письма, какие он только пожелает. На этой штуковине было столько циферблатов и рычагов, что она напоминала приборный щиток огромного самолета.

Сначала, нажав одну из основных кнопок, «писатель» принимал первоначальное решение, какой роман писать: исторический, сатирический, философский, политический, романтический, эротический, юмористический или обыкновенный. Затем из второго ряда основных кнопок он выбирал тему: армейская жизнь, жизнь первых переселенцев, мировая война, расовая проблема, покорение Дикого Запада, сельская жизнь, мемуары о детстве, мореплавание, жизнь на дне моря и многие, многие другие. Третий ряд кнопок давал возможность выбрать стиль: классический, причудливый, пикантный, хемингуэвский, фолкнеровский, джойсовский, женский и так далее. Четвертый ряд предназначался для действующих лиц, пятый — для объема и так далее и тому подобное — десять длинных рядов кнопок для предварительного выбора.

Но это было еще не все. Направлялся и сам процесс творчества (который занимал около пятнадцати минут на роман), для чего автор должен был тянуть на себя или нажимать целую батарею отмеченных регистров, как на органе. Таким образом был он в состоянии непрерывно модулировать или смешивать пятьдесят разных переменных качеств, таких, скажем, как волнение, удивление, юмор, пафос и таинственность. Многочисленные циферблаты и датчики на щитке точно показывали ему, сколь далеко он ушел в своей работе.

Наконец, был еще вопрос страсти. Тщательно изучив книги, которые последний год были в верхней части списка бестселлеров, Адольф Найп пришел к выводу, что именно она служит наиболее важным ингредиентом, магическим катализатором, благодаря которому скучнейший роман каким-то образом имел шумный успех, во всяком случае финансовый. Но Найп знал и то, что страсть — штука сильная, способная вскружить голову, и распределять ее надо с умом, в соответствующих пропорциях в нужных местах. А чтобы достичь этого, он придумал один независимый регулятор, состоявший из двух чувствительных скользящих юстирующих устройств, приводимых в движение ножными педалями вроде газа и тормоза в автомобиле. Одной педалью регулировалась концентрация страсти, которую

надо было ввести, другой — ее напряженность. Было совершенно ясно, что писать романы по методу Найпа (и это был единственный недостаток) — все равно что одновременно пилотировать самолет, вести автомобиль и играть на органе. Но это нисколько не тревожило изобретателя. Когда все было готово, он с гордостью провёл мистера Болен в машинный зал и принялся объяснять, как управлять этим новым чудом.

— Боже милостивый, Найп! Мне этого никогда не осилить! Черт возьми, парень, да ведь гораздо легче написать роман самому!

— Скоро привыкнете, мистер Болен, уверяю вас. Через пару недель вы сможете управлять ею почти не задумываясь. Это все равно что учиться водить автомашину.

Впрочем, это оказалось не так легко. Но после нескольких часов тренировки мистер Болен начал приобретать навыки, и наконец как-то поздно вечером он повелел Найпу приготовиться к выпуску первого романа. Настал решающий миг — толстый коротышка нервно скорчился на «водительском» сиденье, а высокий зубастый Найп возбужденно суетился вокруг него.

— Я намерен написать важный роман, Найп.

— Уверен, что напишете, сэр. Уверен, что напишете.

Одним пальцем мистер Болен осторожно нажал нужные кнопки предварительного выбора.

Основная кнопка — сатирический.

Тема — расовая проблема.

Стиль — классический.

Действующие лица — шесть мужчин, четыре женщины, один ребенок.

Объем — пятнадцать глав.

В то же время он не упускал из виду три органичных регистра с пометами «мощь», «загадочность», «глубина».

— Вы готовы, сэр?

— Да-да, я готов.

Найп потянул рубильник. Огромная машина загудела, послышался низкий зудящий звук от движения смазанных машинным маслом пятидесяти тысяч винтиков, штоков и рычагов, затем раздалась быстрая барабанная дробь электрической пишущей машинки, поднявшей резкий, почти невыносимый стрекот. В корзину полетели машинописные страницы, каждые две секунды — штука. Но от этого шума и от возбуждения ми-

стер Болен, которому приходилось играть на регистрах и следить за счетчиком глав, индикатором темпа и датчиком страсти, ударился в панику. Он реагировал точно так же, как реагирует учащийся на водителя: слишком нажимал обеими ногами на педали и не отпуская их, пока машина не остановилась.

— С первым романом вас, — сказал Найп, вынимая из корзины громадную кипу отпечатанных страниц. Все лицо мистера Болена покрылось бусинками пота.

— Уф! Ну и работенка! — выдохнул он.

— Но вы с ней справились, сэр. Вы с ней справились.

— Дайте-ка взглянуть, Найп! Как он читается?

Он принялся за первую главу, передавая каждую прочтенную страницу молодому человеку.

— Боже мой, Найп! Что это такое? — Тонкая синюшная рыба губа мистера Болена слегка шевелилась, произнося слова, его щеки постепенно раздувались. — Но, послушайте, Найп, это же возмутительно!

— Должен сказать, сэр, действительно довольно пикантно.

— Пикантно! Да это просто мерзость! Я не могу поставить свое имя под такой писаниной!

— Совершенно верно, сэр. Совершенно верно.

— Найп! Уж не сыграли ли вы со мной какую-нибудь грязную шутку?

— О нет, сэр. Нет!

— А очень похоже.

— А вам не кажется, мистер Болен, что вы чересчур давили на педали дозировки страсти?

— Дорогой мой мальчик, ну откуда мне знать?

— Почему бы вам не попробовать еще разок?

И мистер Болен произвел второй роман, и на этот раз все шло по плану.

Менее чем за неделю работа была прочитана и принята одним восторженным издателем. Найп тут же ринулся вдогонку с романом под своим именем, затем для ровного счета сделал еще дюжину. «Литературное агентство Адольфа Найпа» приобрело известность как большой коллектив многообещающих молодых романистов. И снова потекли денежки.

Именно тогда молодой Найп стал проявлять подлинный талант к большому бизнесу

— Послушайте, мистер Болен, — заявил он. — У

нас по-прежнему слишком большая конкуренция. Почему бы нам просто не поглотить всех других писателей в стране?

Мистер Болен, который теперь щеголял в вельветовом пиджаке бутылочного цвета, а волосы отпустил так, что они на две трети закрывали ему уши, состоянием дел был вполне доволен.

— Не понимаю, о чем вы, мой мальчик. Нельзя же вот так просто взять и проглотить писателей.

— Еще как можно, сэр. Точно так же, как поступил Рокфеллер со всеми нефтяными компаниями. Просто выкупите их, а если не станут продаваться, то задавите. Чего проще!

— Ох, Найп, поосторожнее. Поосторожнее.

— Вот тут у меня списочек, сэр, пятидесяти наиболее известных наших писателей. Я намерен предложить каждому из них пожизненный контракт с оплатой. От них же требуется суший пустяк — всего лишь обязаться никогда больше не писать ни слова, ну и, разумеется, позволить нам ставить их имена под нашими собственными сочинениями. Ну, как?

— Они никогда не согласятся.

— Вы не знаете писателей, мистер Болен. Согласятся, вот увидите.

— А как же жажда творчества, Найп?

— Это все мура. Что их действительно интересует — как и любого другого, — так это деньги.

В конце концов мистер Болен неохотно согласился попробовать, и Найп, сунув в карман список литераторов, отправился в большом «кадиллаке» с шофером наносить визиты.

Прежде всего он поехал к человеку, стоявшему в списке первым, — весьма крупному, замечательному писателю, и без труда попал в дом. Он изложил свое дело и показал чемодан с образцами романов, а также контракт, который этот человек должен был подписать и который гарантировал ему столько-то в год до окончания его дней. Писатель вежливо выслушал Найпа и, решив, что имеет дело с сумасшедшим, твердо указал на дверь.

Второй писатель, поняв, что Найп не шутит, набросился на него с тяжелым железным пресс-папье, и нашему изобретателю пришлось пуститься наутек по саду, а вслед ему летел такой поток отборнейших поношений и ругательств, какого он еще сроду не слышал.

Но Найпа было не так-то просто обескуражить. Он был разочарован, но отнюдь не смятен, когда отправлялся в своем большом автомобиле на поиски нового клиента. Им оказалась женщина, известная и популярная писательница, толстые романтические книги которой в миллионах экземпляров расходились по всей стране. Она любезно приняла Найпа, угостила его чаем и внимательно выслушала.

— Все это звучит весьма заманчиво, — сказала она. — Но мне, понятное дело, трудно вам поверить.

— Мадам, — ответил Найп, — едемте со мной, и вы увидите все собственными глазами. Моя машина ждет вас.

И они уехали, а через какое-то время удивленную даму провели в машинный зал, где обитало чудо. Найп увлеченно объяснил, как оно работает, а чуть погодя даже разрешил даме сесть на «водительское» кресло и поупражняться.

— Ладно уж, — вдруг сказал он, — хотите создать книгу прямо сейчас?

— О да! — вскричала она. — Пожалуйста!

Она была весьма компетентна и, казалось, знала, чего именно хочет. Сама сделала предварительный выбор, после чего выдала длинный романтический роман, полный страсти. Прочитав первую главу, она пришла в такой восторг, что тут же подписала контракт.

— С одной разделались, — сказал потом Найп мистеру Болену, — причем с довольно крупной.

— Славно сработано, мой мальчик.

— А вы знаете, почему она его подписала?

— Ну и почему же?

— Дело не в деньгах. Денег у нее навалом.

— Тогда почему?

Найп осклабился, оттопырив верхнюю губу и сильно обнажив бледные десны.

— Просто потому, что машинное сочинение лучше ее собственных, и она это поняла.

После этого Найп мудро решил сосредоточить свои усилия только на посредственностях. Всех же, кто стоял выше — а их было так мало, что особой роли они не играли, — соблазнить было явно не так легко.

В конечном счете после нескольких месяцев работы он убедил заключить контракт около семидесяти процентов литераторов, внесенных в его список. Легче всего оказалось уламывать людей постарше, тех, кто уже

поиспикался и пристрастился к спиртному. Больше всего хлопот доставляла молодежь: эти были бранчливы и задиристы, подчас бросались в драку, когда Найп пытался подкатиться к ним.

Но в целом начало было неплохое. За последний год, как установлено, половина всех романов и рассказов, опубликованных на английском языке, выпускалась Адольфом Найпом на его Великом Автоматическом Грамматизаторе.

Вас это удивляет?

Сомневаюсь.

И ведь худшее еще впереди. Сегодня, как поговаривают, уйма народу торопится свести дружбу с мистером Найпом. А для тех, кто никак не решится поставить на контракте свое имя, гайки закручиваются все туже.

Сейчас, в этот самый миг, я сижу и слушаю, как в соседней комнате плачут девять моих голодных детей. И чувствую, как моя рука воровато подбирается все ближе и ближе к золотому листку контракта, лежащему против меня на столе.

Господи, дай нам сил, сделай способными уморить голодом детей наших!

ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТОРА ПОЛЛАРДА

Нас было трое в доме доктора Полларда той ужасной ночью, которую я отчаянно и безуспешно пытаюсь вытравить теперь из своей памяти. На встрече присутствовали: сам доктор, Хью Даттон и я — Артур Райт. В ту ночь доктор Поллард нашел свою судьбу — столь страшную и трагическую, что здоровый мозг и представить то же себе не может. Теперь Полларда нет. Даттона, в общем, тоже, потому что он доживает свой век в сумасшедшем доме. Одному лишь мне выпало сомнительное счастье остаться в живых и сохранить рассудок, чтобы поведать во всех подробностях о происшедших в доме Полларда событиях.

В уединенный коттедж доктора Даттон и я отправились по приглашению. Когда-то мы были друзьями и втроем делили комнату в университетском общежитии в Нью-Йорке. Дружба наша была до некоторой степени необычной, потому что Поллард и возрастом, и темпераментом сильно отличался от нас с Даттоном. Он был на несколько лет старше и гораздо сдержанней. Кроме того, Даттон и я готовились стать инженерами, а Поллард записался на биологический факультет и прошел там полный курс повышенной сложности. Потом он, уже получив степень доктора, работал в Вене у знаменитого Брауна, чьи смелые идеи переположили в свое время весь цивилизованный мир, а совсем недавно вернулся в Штаты и стал заниматься самостоятельными исследованиями в собственном доме неподалеку от Нью-Йорка на берегу Гудзона. С тех пор мы не получали от него никаких вестей, поэтому приглашение доктора провести с ним выходные удивило нас ничуть не меньше, чем обрадовало.

Мы прибыли в его коттедж уже в сумерках, потому что много времени ушло на выяснение дороги и маленькой деревушке на речном берегу. Наконец, руководствуясь указаниями фермеров, мы добрались до дома нашего друга, и сам Поллард, сияя радостной улыбкой, выбежал на крыльцо, чтобы приветствовать нас.

— Ого, да вы, оказывается, выросли, мальчишки! — были его первые слова. — Я-то помню вас как Хью и Арта — грозу всего университетского городка, а тут на тебе! Ни дать ни взять члены делового клуба, позабывшие все анекдоты!

— Такова участь тех, кто занимается коммерцией, — с напускной серьезностью отвечал Даттон. — А вот вы такая же старая устрица, что и пять лет назад.

— И притом очень везучая, — добавил я, — коль ей удалось заманить в свое отшельническое логово двух доблестных представителей делового мира!

— Да, черт возьми, мне повезло, — согласился Поллард. — Если бы вы только знали, до чего я рад видеть вас у себя! Что же касается моего логова, то именно ему я обязан теми успехами, которых достиг и которых мне нипочем бы не видеть, останься я в городских лабораториях, похожих на склад забытого хлама. А достиг я очень многого... Впрочем, всему свое время. Давайте-ка лучше войдем, не торчать же на улице! Вы, надеюсь, голодны?

— Лично я не очень, — ответил Даттон, направляясь вслед за хозяином в гостиную. — Так что могу удовольствоваться дюжиной-другой сандвичей и цистерной кофе.

Пока экономка с кухаркой готовили обед, Поллард повел нас на экскурсию по своему огромному дому. Нас, разумеется, больше всего интересовала лаборатория. Она была расположена в крыле, которое только недавно пристроили к зданию, и поражала блеском белых кафельных стен и отполированных заботливой рукой хозяина инструментов. В центре пола стояла громадная кубическая конструкция из сверкающего металла, заключенная в цилиндрический стальной кожух, а в соседней комнатке располагались динамо и движки собственной электростанции Полларда.

Осмотр занял довольно много времени, и, когда мы кончили обедать, на дворе уже была ночь. Прислуга разошлась по домам, а мы уселись с дымящимися сига-

рами в гостиной и с довольным видом принялись оглядывать обстановку. Наконец Даттон, лениво откинувшись на спинку дивана, нарушил молчание.

— А ваше логово совсем не плохо, Поллард, — сказал он. — Я бы и сам тут пожил с месячишко, будь у меня такая возможность. Вам тут, должно быть, вольготно, не правда ли? Никаких тебе шумов, никаких дымов... Красота!

— Вольготно... — задумчиво повторил Поллард. — Вольготно, говорите? Нет, дорогой Хью, вы просто не знаете, как я тут вкалываю во славу науки. Никогда еще не работал я так неистово. За всю предыдущую жизнь я не сделал и сотой доли того, что мне удалось совершить за последние два года, которые я здесь живу.

— А над чем вы, кстати, трудитесь? — спросил я. — И какие такие страсти вы тут прячете?

Поллард усмехнулся.

— И впрямь страсти, — подтвердил он. — Никто из жителей округи так ни разу и не заглянул сюда. Боятся... Они знают, что я биолог и что у меня тут лаборатория. Бедняги уверены, что я занимаюсь какой-то особо ужасной вивисекцией. Поэтому и прислуга не остается на ночь... — Он сделал паузу. — Причем если б они знали, что я делаю в действительности, то без промедления собрали бы свои пожитки и дали отсюда деру, да так, что только на Аляске смогли бы остановиться и перевести дух.

— Ну вот, вы и на нас пытаетесь нагнать страху! — воскликнул Даттон. — Предупреждаю вас, Поллард: если пять лет назад вам удавалось иногда наставить нам с Артуром синяков, то с тех пор мы подросли и не дадим себя в обиду!

— Милые старики, — с невыразимой нежностью и теплотой произнес Поллард. — Я не собираюсь заставлять вас праздновать труса в моем доме. Я пригласил вас сюда как самых близких друзей с тем, чтобы показать свою работу и попросить вас помочь мне в ее завершении.

— Помочь? — переспросил Даттон. — Чем? Неужто вам нужны ассистенты, чтобы разрезать червяка?

— Дело гораздо сложнее, — переходя на серьезный тон, ответил Поллард. — Вы, без сомнения, знаете, что такое эволюция. Вам известно, что жизнь на Земле началась с простейшей одноклеточной протоплазмы и затем путем разного рода мутаций развилась в свои ны-

нешние формы. Не секрет также и то, что эволюция все еще продолжается.

— Это нам известно, — с достоинством произнес Даттон. — То, что мы не биологи, еще не значит...

— Помолчите, Хью! — воскликнул я. — Итак, дорогой доктор, признайтесь, какое отношение к эволюции имеет то, чем вы тут занимаетесь?

— Самое прямое, — ответил Поллард. — Я занимаюсь непосредственно эволюцией. Попытаюсь объяснить. Вы утверждаете, что имеете представление о важнейших ступенях развития живой материи. Как известно, она пошла от протоплазмы и последовательной мутацией достигла сначала уровня рыб, потом земноводных, птиц, млекопитающих и, наконец, уровня человека. Это общепризнанная теория. Но даже эта теория не может дать ответа на два важнейших вопроса. Во-первых, что является причиной эволюционного процесса? Что определяет эти медленные, но непрерывные изменения в структуре всего живого? Во-вторых, какой будет эволюция человека в дальнейшем, в какие формы разовьется его организм и когда это развитие прекратится? — Поллард на минуту умолк, затем закурил и продолжал: — Мне удалось найти ответ на первый из этих вопросов. Теперь на очереди второй. Я собираюсь разрешить проблему сегодня вечером и именно поэтому прошу вас о помощи.

Ничего не понимая, мы уставились на него. Наконец я пришел в себя и произнес:

— Да вы нас дурачите, Поллард...

— Я совершенно серьезен, Артур. Я действительно нашел ответ на первый вопрос. Мне удалось установить причину эволюции.

— И в чем же она состоит?

— Как и предполагали некоторые биологи, причиной эволюции являются космические лучи. Я отыскал неоспоримые подтверждения. Ультракороткое излучение, пронизывающее все живое и вызывающее изменения на молекулярном уровне, которые мы называем мутациями.

— Господи, Поллард! — воскликнул Даттон. — Да неужели вы серьезно?

— Я настолько убежден в своей правоте, что без колебаний готов рискнуть жизнью ради продолжения эксперимента. И я сделаю это сегодня же!

— Что вы задумали, черт возьми? — в один голос воскликнули мы с Даттоном.

— Я задумал сказать «б», коль уже сказал «а». Я собираюсь отыскать ответ на второй вопрос и установить, каким будет до конца эволюционировавший человек.

— Но каким образом вы собираетесь?..

— Очень просто! — перебил Поллард. — За последние месяцы мне удалось сделать то, что не удавалось ни одному физику. Я смог сконцентрировать космические лучи и одновременно нейтрализовать их смертоносный эффект. Вы видели куб и цилиндр в моей лаборатории? Цилиндр служит конденсатором лучей, падающих на этот район Земли, и рефлектором, направляющим частицы внутрь куба. Теперь представьте, что поток лучей в миллион раз сильнее, чем в естественных условиях, пронизывает тело человека, стоящего внутри куба. Каков будет результат? Человек станет эволюционировать в миллион раз быстрее, чем сейчас. В течение тридцати минут он пройдет дистанцию, которую в естественных условиях проползает за сто миллионов лет!

— И вы намерены поставить такой эксперимент? — спросил я.

— Да, я намерен поставить его. Поставить на себе, чтобы самому испытать те изменения, которые ожидают человечество в процессе эволюции.

— Но это же сумасбродство! — воскликнул Даттон.

Поллард только улыбнулся в ответ.

— Даттон прав, — сказал я. — Вы, Поллард, слишком засиделись тут в полном одиночестве. Неудивительно, что ваш мозг...

— Я вовсе не свихнулся! — отрезал Поллард. — Да понимаете ли вы, что такой опыт открывает для человечества сказочные перспективы? Ведь люди будущего, по идее, должны относиться к нам так же, как мы к обезьянам. А если мы возьмем на вооружение мой метод, то сразу приведем всех людей Земли к вершинам физического и духовного развития! Разве это не благородная цель? Разве стремление ускорить ее достижение есть признак слабоумия?

— Попытка подтолкнуть эволюцию человечества кощунственна в самой своей сути! — продолжал упорствовать я.

— Слава тому, кто предпримет такую попытку, — ответил Поллард. — И я знаю, что она может оказаться удачной, но сперва один из людей должен отправиться на разведку и первым пройти все стадии будущего развития, чтобы определить, какая из них является оптимальной для всех. Я убежден, что такая стадия существует!

— И вы пригласили нас сюда, чтобы втравить в это дело?

— Именно. Я хочу войти в куб и подвергнуться усиленному действию лучей, но мне нужны помощники, чтобы включать и выключать аппарат в определенные моменты.

— Слушайте же, Поллард! — загремел Даттон. — Если это шутка, то для меня она слишком заумна. К тому же мне кажется, что мы уже зашли достаточно далеко.

Прежде чем ответить, Поллард поднялся на ноги.

— Мы отправляемся в лабораторию! — не допускающим возражений тоном сказал он. — Пора начинать!

Я не помню, как мы добрались до лаборатории. Разубеждать Полларда у нас больше не было сил, а связать его и уложить на диван мы не рискнули, памятуя о синяках, полученных от него за годы учебы. Он был силен как бизон.

Возле сверкающего цилиндра Поллард остановился и, любовно похлопав по металлическому кожуху, прошел в комнату, где размещалась его энергостанция. Мы с Даттоном удивленно таращили глаза на бесчисленные реторты и колбы на полках, когда до нас донесся ровный гул генераторов. Поллард вернулся к панели управления своей адской машиной и повернул один из выключателей. Раздался треск, и цилиндр засиял молочно-белым светом. Доктор указал на большой кварцевый экран в потолке куба, из которого бил мощный пучок видимых лучей.

— Вот цилиндр начал собирать космические лучи, — пустился в объяснения Поллард. — Концентрированный поток этих лучей падает через экран внутрь камеры. Чтобы отключить пучок, надо просто разомкнуть цепь при помощи вот этого тумблера. — И Поллард показал нам, как это делается, переведя рычаг в нерабочее положение.

Увидев, что мы с Даттоном совершенно обескураже-

ны, он мгновенно переоделся в легкий костюм для бега и сказал:

— Мне необходимо самому наблюдать за происходящими изменениями, и такой костюм делает это возможным. Теперь я войду в куб, а вы включите лучи и оставите все как есть ровно на пятнадцать минут. Это приблизительно соответствует пятидесяти миллионам лет обычной эволюции. Через четверть часа вы включите аппарат, и мы посмотрим, что со мной станет. Потом мы сможем продолжать опыт такими же отрезками по пятнадцать минут.

— И когда же все это прекратится? — спросил Даттон.

— Тогда, когда прекратится сама эволюция, — отвечал Поллард, — то есть когда лучи перестанут действовать на меня. Вы знаете, как интересуют биологов вопрос о последней, конечной человеческой мутации. Что ж, сегодня мы получим ответ на него.

Доктор шагнул к кубу, затем вдруг остановился и, вернувшись к письменному столу, взял с него запечатанный конверт.

— Это, — сказал он, передавая конверт мне, — на случай, если со мной произойдет нечто фатальное. Тут свидетельство вашей полной непричастности к моей возможной гибели и расписка в том, что вся ответственность за последствия опыта ложится на меня.

— Поллард, оставьте эту сумасбродную затею, — предпринял я последнюю попытку. — Еще не поздно, Поллард!

— Поздно, — сказал он с улыбкой, — поздно, друзья. Если я отступлю сейчас, то потом никогда уже не осмелюсь встретить свой собственный взгляд в зеркале. Покончим с этим!

Он вошел в куб, остановился под экраном и подал нетерпеливый знак. Словно бессловесный робот, я повернул рычаг. Цилиндр вновь загорелся белым сиянием, и лучи хлынули внутрь куба, делая его стенки почти прозрачными. Мы видели, как фигура Полларда дрожит и извивается, точно по ней пропущен ток, и с трудом различали контуры его головы и плеч. Все остальное было окутано молочно-белым сияющим туманом. Я знал, что космические лучи невидимы, но Полларду, похоже, удалось как-то трансформировать их.

Даттон и я с колотящимися сердцами не отрываясь смотрели внутрь кубической конструкции. Моя ру-

ка прилипла к тумблеру, в другой лениво тикали влажные от пота часы. Наконец срок истек, и я выключил аппарат. Мы изумленно ахнули. Поллард, все еще дрожа, стоял в камере, но это был уже не тот человек, которого мы видели каких-нибудь четверть часа назад. Теперь это было божество! Тело его излучало великую физическую силу, поражало красотой и благородством пропорций, которых мы и представить себе не могли. Поллард стал на несколько дюймов выше, его кожа приобрела чистый нежно-розовый цвет, каждый мускул его могучих плеч казался вылепленным великим скульптором.

Но самое разительное изменение произошло в чертах лица доктора. Теперь оно светилось невообразимой интеллектуальной энергией. Темные ясные глаза излучали великую добрую мудрость. Полларда больше не существовало. Вместо него было незнакомое создание, настолько превосходящее нас физически и умственно, насколько мы превосходим троглодитов!

Он вышел из куба и заговорил сочным, полным триумфа голосом:

— Ну, видите? Мой аппарат работает точно так, как я ожидал. Теперь я на пятьдесят миллионов лет опережаю в развитии и вас, и всех остальных людей!

— Поллард! Поллард... — судорожно выдавил я. — Но это... это ужасно!

— Ужасно? — Его глаза ослепительно сверкнули. — Напротив, это замечательно! Да разве способны вы оба понять, что я такое? Я на пятьдесят миллионов лет оторвался от вас в своем развитии. Теперь и эта лаборатория, и вся моя предыдущая работа кажутся мне мышьиной возней! Проблемы, на которые уходили годы, я могу решить за считанные минуты. Я способен принести человечеству столько же пользы, сколько все остальные люди, вместе взятые!

— Значит, вы остановитесь на этой стадии? — горячо воскликнул Даттон. — Вы не станете продолжать эксперимент?

— Еще как стану! Если пятьдесят миллионов лет так изменили меня, то что сделают сто, двести? Я обязан выяснить это.

Я схватил его за руку.

— Поллард, послушайте! Ваш эксперимент удался, самые дикие ваши теории блестяще подтверждены. Остановитесь! Подумайте, до чего вы можете дойти!

— Нет, Артур, — произнес он, освобождаясь от моей судорожной хватки. — Не останавлиюсь. Я уже сделал первый шаг и должен двигаться дальше.

Он снова вошел в камеру, а мы с Даттоном, разинув рты, беспомощно уставились друг на друга.

— Включите лучи, и пусть они поработают еще пятнадцать минут, — скомандовал Поллард. — Увидим, что будет через сто миллионов лет.

Я подчинился. Снова засветился цилиндр, и опять фигура Полларда почти полностью растаяла в тумане. Мы ждали в лихорадочном напряжении. Нам казалось, что ничего больше произойти не может, что Поллард уже достиг вершин человеческого развития, но все же мы нетерпеливо поглядывали на часы, ожидая, когда истечет срок.

А когда он истек, Даттон и я испытали еще одно потрясение, потому что Поллард изменился снова. Но теперь происшедшая с ним метаморфоза вовсе не походила на первое чудесное превращение. Не было больше божественной фигуры и прекрасного лица. Тело доктора стало худым и сморщенным, как костюм не вешалке. Кости, оттягивая посиневшую кожу, торчали во все стороны. Рост уменьшился на дробную пару футов, вес — примерно наполовину. Зато голова стала больше чуть не в два раза и превратилась в громадный шар восемнадцати дюймов в диаметре. Она была почти лысой и безвольно болталась на худосочной шее. Глаза стали больше, а рот сузился. Уши усохли. Теперь лицо, казалось, состояло из одного лба. Голос Полларда — если это все еще был Поллард — звучал слабо и пискляво.

— На этот раз я вас, кажется, потряс! — довольно пищал он. — Что ж, вполне понятно. Вы видите перед собой человека, опережающего вас в развитии на сто миллионов лет. Признаюсь, на меня вы производите такое впечатление, какое на вас — дикие пещерные люди, покрытые волосами!

— Но ведь это ужасно, Поллард! — закричал Даттон. — Вам надо было хотя бы остановиться на первой стадии!

— На первой? Нет, я рад, что не сделал этого. Да пятнадцать минут назад я был полуживотным!

— Вы говорите так потому, что, изменяясь, вы отказываетесь от всех человеческих эмоций! — воскликнул я. — Поллард, опомнитесь! Понимаете ли вы, что творите? Вы утрачиваете все человеческое!

— Возможно. Но это доказывает лишь то, что через сто миллионов лет человек будет развиваться чисто интеллектуально, не заботясь об эволюции тела. Вам — двум существам из глухого прошлого — такое положение кажется ужасным, но для меня оно вполне естественно. Включайте лучи!

— Не вздумайте, Артур! — завопил Даттон. — Это безумие перешло всякие границы!

Огромные глаза Полларда окинули нас взглядом, полным холодного презрения.

— Вы включите лучи, — пискливо сказал он. — В противном случае я вас в течение секунды уничтожу и буду продолжать сам.

— Вы смогли бы нас убить? — в ужасе закричал я. — Нас, ваших лучших друзей?!

Его узкий рот вытянулся в подобие усмешки.

— Друзей? — переспросил он. — Нет... Я на миллионы лет перерос такую нелепость, как дружба. Единственная эмоция, которую вы способны вызвать во мне, — гадливость. Примитивные, тупые создания. Включите лучи!

Его глаза вспыхнули каким-то странным огнем, и я безропотно повиновался. Снова засветился куб, лучи скрыли Полларда от наших глаз. О чем мы думали в эти пятнадцать минут, сказать затрудняюсь, потому что и Даттон, и я были почти парализованы ужасом происходящего. Но я хорошо помню тот момент, когда лучи опять были выключены, и мы увидели нового Полларда.

Он весь превратился в громадную голову! Держалась она на тонких ножках, а там, где у нормальных людей находится шея, торчали две хрупкие ручки. Глаза стали еще огромней, а рот и нос трансформировались в дырочки под ними!

Мы испуганно отшатнулись, когда Поллард выбрался из куба на своих ногах-спичках и заговорил. Его едва слышный голосок донес до нас нотки гордого самодовольства.

— Ну, видите, чем я стал? Вам я кажусь страшным, в этом нет никакого сомнения. Но вы сами, оказывается, просто-напросто черви! С моим мозгом мне ничего не стоит стать властелином этой населенной инфузориями планеты! Я превращу ее в свою лабораторию, а вы будете подопытными животными!

— Но Поллард! — закричал я. — вспомните, зачем

вы начали этот опыт! Вы хотели узнать тропу будущей эволюции, а вовсе не управлять человечеством!

Выражение огромных глаз монстра не изменилось.

— Я помню, что создание по имени Поллард, которым я был до сегодняшнего вечера, вынашивало подобного рода планы, но я... Я — совсем другое. — С этими словами он уселся в одно из кресел перед рядом реторт и колб, взял несколько пузырьков, смешал их содержимое и показал нам. В пробирке лежал увесистый кусок чистого золота!

— Видите? — спросила фигура в кресле. — Трансформация элементов для такого мозга, как мой, — детские шалости. Вы двое даже не представляете себе, насколько я велик! Сидя в этой комнате, я способен уничтожить всю жизнь на планете, если захочу. Я могу сконструировать телескоп, который покажет мне как на ладони другие галактики. Я способен вступить в контакт с любыми цивилизациями! А вы утверждаете, что такой правитель не нужен вашему миру! Да я и не собираюсь им управлять. Я буду владеть им, как вы владеете фермами и скотом!

— Это невозможно! — закричал я. — Поллард, оставьте эти мысли. Мы сами убьем вас, если вы не пожелаете остановиться!

— Убьем, убьем, убьем! — повторил Даттон в каком-то жутком трансе, и мы рванулись вперед, намереваясь привести в исполнение нашу угрозу, но тут же почувствовали страшную слабость и остановились, не в силах ступить и шагу.

— Вы вознамерились прикончить меня? — с издевой пропищала голова. — Я могу приказать вам разделиться друг с другом, если хотите поразмяться. Но со мной вам не совладать. Со мной никому не совладать. Я способен превратить все население этой дурацкой планеты в дрессированных щенков!

Внезапная идея осенила меня.

— Поллард, — воскликнул я, — вы собирались продолжать опыт, не так ли? Теперь вы вздумали владеть миром, но ведь вам хотелось выяснить, что будет с человеком дальше, правда? Как же вы это узнаете, если остановитесь на теперешней стадии?

Поллард, казалось, на секунду задумался.

— А ведь верно, — сказал он. — И хотя я не думаю, что могу достичь еще большего интеллектуального величия, попробовать нужно...

— И вы опять станете под поток лучей? — быстро спросил я.

— Да, — был ответ, — но если у вас возникли какие-то дурацкие идейки, то знайте, что даже внутри куба я способен убить вас обоих прежде, чем вы успеете мне насолить.

Он снова вошел в камеру, и я включил аппарат. Даттон дрожал крупной дрожью.

Минуты этого цикла опыта казались нам вечностью. Когда я выключил наконец лучи, то чувствовал себя постаревшим на добрую сотню лет. Трясаясь, мы заглянули в камеру. С первого взгляда голова внутри нее не изменилась, но потом мы присмотрелись получше, и оказалось, что нос, рот и уши исчезли совсем, а глаза стали такими маленькими, как у нас. Кожи не было, была только голова — серая, дрожащая, поддерживаемая двумя мускулистыми щупальцами.

— О боже мой! — простонал Даттон. — Да он превратился в голый мозг!

И в тот же миг до нашего сознания долетела мысль, посланная серым мозгом. Настолько отчетливая, что казалась высказанной вслух: «Вот теперь тело уже почти полностью атрофировалось. Я стал мозгом, таким, в какие превратятся все люди через двести миллионов лет. Не бойтесь того, чем я пугал вас на прошлой стадии опыта. Теперь я уже не хочу управлять людьми и вашей планетой, как вы не пожелали бы стать директорами муравейника!»

— Господи, Поллард! — воскликнул я. — Да что вы теперь такое?

— Поллард?! — истерически закричал Даттон. — Вы называете это Поллардом? Но ведь всего три часа назад мы обедали вместе с Поллардом, и он был человеком, а не кровавой поганью вроде этой твари!

«Я стал тем, чем в свое время станут все, — мысленной волной ответил Поллард. — Я прошел великий путь эволюции и собираюсь добраться до его конца, до самой последней мутации. Ну-ка включите опять лучи! Кажется, я недалеко от цели».

Я повиновался, и внезапно Даттон, стоявший рядом со мной, истерически захохотал. Он смеялся и плакал как ребенок все пятнадцать минут, в продолжение которых я, дрожа от страха, лишь огромным усилием воли сохранял видимость спокойствия.

Наконец лучи были выключены, и мы снова увидели

гигантский мозг, достигавший примерно четырех футов в диаметре. Он трясся, как желе, и это было единственным признаком того, что перед нами нечто живое. От мозга несся поток гулом отдававшихся в наших головах мыслей.

«Случилось то, чего я ожидал, — думал перевоплотившийся Поллард. — Тело атрофировалось полностью, и развился мозг! Я не испытываю никаких чувств и ощущений, но я имею представление о таких формах и сферах бытия, какие вам с вашими примитивными мозгами и не снились! Я способен двигаться и действовать, несмотря на отсутствие конечностей, я могу перемещаться в пространстве с невиданной скоростью и питаться энергией, которую сам же генерирую.

Две стадии назад я угрожал вам и всему человечеству. Забудьте об этом. Я не испытываю эмоций, мне чужды амбиция и самодовольство. Единственное чувство, которое еще находит место в моем мозгу, — интеллектуальное любопытство и желание познать истину. Таким образом, я сохранил лишь то, с чего началось становление разумного человека на Земле. И эти чувства оказались самыми живучими, коль они бурлят во мне до конца!»

— Неужели все люди когда-нибудь станут такими же? — спросил я.

«Да. Через двести пятьдесят миллионов лет не будет человека в вашем понимании. Люди разовьются в то, что вы видите перед собой, и заселят не только Солнечную систему, но и системы многих других звезд».

— И это конец эволюции? Высшая точка развития?

«Нет. Будут существовать еще более высокие формы, и мой великий мозг желает знать, каковы они. Мне кажется, это будет последняя мутация, которая приведет население Земли к концу эволюционного процесса. Сейчас вы снова включите аппарат, и мы увидим венец творения природы в его конечной модификации!»

Я уже схватился за рычаг, когда Даттон, повиснув на моей руке, закричал:

— Не надо, Артур! Не надо! Хватит с нас ужасов! Давайте убираться отсюда!!!

— Не могу, — воскликнул я в ответ. — Не могу, Хью! О боже, я так хочу остансвиться, но это выше моих сил! Я не в состоянии побороть желания самому увидеть конец! Я должен, должен!

И с этими словами я перевел рычаг. Казалось, сле-

способность двигаться больше не была свойственна нам. Прижавшись ко мне, Даттон скулил и брызгал слюной, а я словно окаменел и только глядел, не отрываясь, на свои часы.

Наконец пятнадцать минут прошли, и я, выключив аппарат, бросился к кубу. Огромный серый мозг исчез, а вместо него на полу камеры растеклась прозрачная киселеобразная масса. Она была неподвижна, только слегка вибрировала. Дрожащей рукой я коснулся ее и отпрянул, а в следующее мгновение я завопил. Завопил так, как не вопят под самой страшной из пыток преисподней. Масса в камере была простейшей протоплазмой. Так вот каков подлинный конец человеческой эволюции. Вот высшая форма развития! Значит, эволюция человека идет по спирали, возвращаясь к своим первоисточкам? Значит, все опять вернется к протоплазме?!

Я не помню, что было дальше. Кажется, я бросился к этой массе, отчаянно зовя Полларда по имени и выкрикивая слова, забыть которые для меня большое счастье. Кажется, Даттон безумно хохотал и тоже издавал какие-то нечленораздельные восклицания. А потом я услышал звон бьющегося стекла и злобное шипение вырывающихся из баллонов газов. Я чувствовал едкий запах разлившихся кислот, а в самом конце увидел ослепительную вспышку и услышал взрыв.

Наверное, я тоже сошел бы с ума, не начнись пожар. Придя в себя, я потащил окровавленного, воющего и хохочущего Даттона к двери и выволок его из охваченного пламенем дома. Мы упали в мокрую росистую траву, и я тупо глядел на взмывавшие в небо огненные смерчи, а Даттон бился рядом в траве и дико хохотал. И я не знал, что ему суждено хохотать до конца дней.

Я рассказал эту историю с единственной целью — разделить с людьми переполняющий мою душу ужас и избавиться от глубокой депрессии, в которую повергло меня все случившееся.

С тех пор я постоянно задаюсь одним и тем же вопросом: правда ли, что с той самой протоплазмы начнется новый виток великой спирали развития? Или это еще не конец? Может быть, все-таки существует еще какая-то высшая форма? И если ответ на этот вопрос в принципе может оказаться положительным, то я очень хочу, чтобы люди, прочитавшие мой рассказ, не поверили ему.

ВАРИАЦИЯ ТЕМЫ

Этот нимб Арт Браун впервые увидел в римской гостинице «Квиринале» в восемь часов утра. Он как раз брился в крохотной ванной, прилегавшей к спальне. Его жена Энни еще спала. Так уж, видимо, заведено в природе: мужчинам, которые вскакивают ни свет ни заря, непременно достаются жены, любящие всласть поспать.

От жаркого солнца ванная нагрелась. В зеркале Арт видел не только два купола церкви Санта-Тринитадель-Монте, но и этот нимб, дюймов двенадцать в диаметре и с полдюйма в ширину. От него исходило золотистое сияние. Арт было подумал, что это солнечные блики, отраженные от какой-то блестящей поверхности, однако никаких таких поверхностей в ванной комнате с ее поблекшим мрамором, тусклым кафелем и старыми, изношенными половицами не оказалось.

Это жуткое свечение колыхалось в четырех дюймах над его головой, но Арт, не испытывая ни малейшей тревоги, спокойненько добрился. Из окна ему был виден целый лес дымовых труб самых причудливых очертаний, крошечные садики на крышах с чахлой растительностью и громадные косые скаты стеклянных крыш, ослепительно сверкавшие на солнце. Откуда-то оттуда, наверное, и отражался этот лучезарный венец, примостившийся над Артом в воздухе.

Арт подвинулся ближе к зеркалу. К его удивлению, светящееся кольцо не осталось на месте, а тоже двинулось вместе с ним. Когда же Арт слегка запрокинул голову, оно тоже переместилось параллельно его макушке. По виду оно очень напоминало золотой нимб, какне можно увидеть на статуях святых, они обычно крепятся к голове железными прутьями. Арт взмахнул рукой, как бы отгоняя эту мишуру, но рука лишь прошла сквозь кольцо, и все.

Весь затрепетав, но сохраняя внешнее спокойствие, Арт прошел в спальню — надо спросить жену, есть на нем нимб или нет.

Энн накрыла голову подушкой на гусином пуху, заглушая таким образом шум, доносившийся с виа Боккади-Леоне и виа Кондотти и сравнимый разве что с ревом мощного водопада.

— Энни! — Арт слегка потянул ее за палец ноги: ведь когда касаешься спящего в самой отдаленной от сердца точке тела, это его не пугает. Нечто вроде физического будильника.

— Какой час? — Энн подобрала ногу.

— По-моему, у меня появился нимб, — заявил Арт. Ему было видно, как ободок света у него над головой отражается в высоком зеркале на дверце платяного шкафа.

— У тебя что? — спросила Энн. Ей очень не хотелось вставать.

— Какой-то светлый ободок вокруг головы, — сказал Арт. — Нимб.

— А чего ты хотел — столько таскаться по этим церквам, — не открывая глаз, ответила Энн. — Я спросила, который час?

— И не исчезает, — пожаловался Арт, ударяясь в панику. — У меня в самом деле нимб или мне только кажется?

Энн со вздохом стащила подушку с головы и, разомкнув веки, принялась разглядывать трещины на потолке.

— Не ты ли мне обещал, что в этой поездке я буду спать, сколько захочу? Хоть раз в жизни! Но нет!

Арт к месту прирос, разглядывая в зеркале отражение нимба. Паника захлестывала его, как вода в половодье.

— Что это за штуковина у тебя над головой? — Энн вдруг окончательно проснулась. — Нимб, что ли?

— Ты его, значит, тоже видишь? — Арту показалось, что чьи-то холодные пальцы железной хваткой сомкнулись у него на горле.

— Вижу. А ну-ка, сядь. Я его сейчас поймаю. — Энн соскочила с кровати, схватила подушку и опустила ее на голову мужа, после чего принялась шарить под подушкой, пытаясь нащупать это светлое колечко, но вытащить ничего не вытащила. Арт с тревогой следил за ее действиями в зеркале.

— Господи боже мой! — взвыл он. — Я же не святой!

— То, что у тебя на голове, к святости не имеет никакого отношения, — сказала Энн. — Ты, наверное, подцепил эту штуковину в какой-нибудь церкви. Почему нам знать, каких они там поразвели микробов!

— Нет, ты подумай, разве я могу вернуться с этим нимбом домой? — спросил Арт, выдавая все свои страхи.

— Мы же американские граждане, разве нет?

— Разумеется, — отвечал Арт. — Но мне-то что с того?

— Что полагается делать американцу, когда он в чужой стране попадает в беду? Обратиться за помощью к своему консулу.

— А американский консул снимет с него нимб! — съязвил Арт, давая выход своему отчаянию.

— Консулу, вероятно, не впервой сталкиваться с проблемами вроде твоей. Мы приехали сюда с добрыми намерениями, оставляем здесь самые настоящие американские доллары, и мы просто не потерпим от этих итальяшек подобного отношения.

— Я уверен, избавить меня от него мог бы папа.

— В таком случае, — решительно заявила Энн, — консулу придется обратиться к папе. Тебе ведь не больно, правда?

— Да нет, — отвечал Арт. — Свет-то холодный. Интересно, а не отмоется ли он под душем?

— Ты попробуй, а я тем временем оденусь, — сказала Энн, натягивая свое белое платье, в котором казалась чуть ли не девушкой.

После водяных струй нимб засиял пуще прежнего.

— Как же я в таком виде появлюсь на людях! — крикнул Арт из ванной и, как побитая собака, вернулся к Энн.

— Надень шляпу, — предложила жена, — и не снимай.

Вокруг ободка шляпы тоже появилось бледное свечение, но его можно было разглядеть, только когда знаешь, куда смотреть и что именно искать.

Уличный шум окутал Арта, будто одеяло, в римском воздухе плясали волны жара. Арт чувствовал себя как меченый. С простудой или любой другой «приличной»

болезнью его недуг не имел ничего общего, в нем было что-то неведомое, и, как и все неведомое, он внушал ужас. Арт на мгновение приподнял шляпу.

— На солнце его видно? — спросил он,

Именно в этот миг из отеля «Квиринале» вышел со своей супругой Флоренс Бен Шварц. Арт тут же опустил шляпу.

— Могу поклясться, — воскликнула Флоренс, — что видела нимб над вашей головой. И Бен видел!

Бен Шварц попытался заглянуть под шляпу Арта, но тот отступил в сторону, чтобы Бен не дотянулся до него.

— Да я и сам Энн об этом же толкую, я теперь вроде ангела! — Арту удалось засмеяться.

— У вас вокруг головы было светлое кольцо, — сказал Бен. — Уж мне ли не распознать электрическое сияние!

Арт как сумасшедший замахал руками, подзывая такси, которое тут же остановилось. Он юркнул в машину, Энн — за ним.

— Американское консульство! — крикнул Арт, и такси тронулось, оставив озадаченных Бена и Флоренс ни с чем.

Гарри Макуильямс, вице-консул, смерил взглядом двух американских туристов, сидевших напротив него в просторной приемной, и сразу же понял, с кем имеет дело: средние американцы, жена еще хорошенькая, а муж — зануда, даже шляпу не снял. Надо держаться с ними с холодной учтивостью и поскорее спровадить.

— Вам, наверное, неудобно? — дипломатично спросил вице-консул, едва заметным жестом указывая на шляпу Арта.

— Еще как! — согласился Арт. — Но я вынужден оставаться в шляпе.

Макуильямс оторопел. Может, человек болен и прикрывает шляпой свою заразу? Положив палец на кнопку селектора, чтобы в случае надобности позвать на помощь, вице-консул осведомился:

— А почему, позвольте спросить?

Арт неторопливо стащил шляпу с головы.

— Что это?! — спросил Макуильямс, вконец пере-

пугавшийся при виде сверкающего над головой Арта кольца.

— Это уж вы мне скажите, — отвечал Арт.

Макуильямс, как зачарованный, встал и подошел поближе, чтобы полюбоваться этой загадочной иллюминацией.

— Как вы это делаете?

— Да ничего я не делаю, — отозвался Арт. — Он появился у меня, и все.

— Похоже на нимб.

— Нимб и есть, — отвечал Арт. Его подозрение, что данное любопытное явление вице-консулу совершенно незнакомо, подтвердилось.

Макуильямс попытался было потрогать нимб, но тот не обладал никакой материальной основой.

— Прелесть! — воскликнул Макуильямс.

— Вам хорошо это говорить, а каково мне! — возразил Арт, теряя самообладание.

— О небо, и как же это произошло?

— Небо тут ни при чем, я подцепил его в Риме! — Отчаяние Арта сменялось гневом. — Мы американские граждане. Нам нужна помощь. Ваша обязанность подсказать нам, что делать.

— Такого у нас еще не бывало, — сказал Макуильямс, а про себя подумал: «Человек с нимбом! Возможно, Государственный департамент пожелает послать его в составе миссии мира в Россию или в Китай?»

— Энн считает, что я подцепил его в одной из местных церквей.

— Похоже на то, — подтвердила Энн. — У всех этих статуй святых нимбы. Вот один из них, наверное, и прицепился к Арту.

Почувствовав, как тает важность собственной персоны, Макуильямс быстро нажал кнопку селектора:

— Хелен, попросите доктора Коллини немедленно прийти ко мне в кабинет. — Он повернулся к посетителям: — Доктор Коллини — наш врач, проживающий при консульстве. Ваша проблема, по-моему, имеет отношение к медицине. Он итальянец и наверняка знает, как поступать с нимбами.

— Мне нужно поскорее избавиться от этой штуки, — сказал Арт. — В воскресенье мы улетаем. Она хуже кори — может, даже заразная.

Вице-консул живо отодвинулся со стулом к стене и натянуто засмеялся.

— Будем надеяться, что нет. Представьте себе сотрудников консульства, щеголяющих в нимбах!

Вошел доктор Коллини — ни дать ни взять итальянский актер.

— Мистер Браун из Нью-Йорка, — представил Арта Макуильямс. — Он только что обнаружил у себя нимб. Вернуться домой в таком виде он, разумеется, не может. Вам знакомы подобные случаи?

Краска сошла с лица доктора Коллини.

— Ч...чудо! — пробормотал он, заикаясь.

— Ах оставьте! — взорвался Арт. — В чудеса я не верю, я не католик. Это какой-то вирус, микроб, который я подхватил в этом городе. Там, откуда я прибыл, вы никогда не увидите человека с нимбом над головой.

Охваченный благоговейным трепетом, доктор Коллини даже не слушал его.

— Самое настоящее чудо! Я счастлив, что лицезрею его! Счастлив! — Шагнув к Арту, он простер длинную руку с тонкими пальцами. — Проблема эта не медицинского порядка, синьор.

— А я что говорил, — осторожно заметил Арт. — Но вы можете представить себе, как я появлюсь с нимбом на Бродвее?

Макуильямс тут же нарисовал эту занятную картину:

— Да никто в вас даже вглядываться не станет! Мало ли чудачков шатается по Бродвею? И никто не обращает на них внимания.

— Мы предъявим иск правительству Италии, — заявила Энн. — Как теперь, с нимбом, Арт вернется на работу в «Эдисон компани»?

— «Эдисон компани», — теряя всякую надежду, повторил Макуильямс. — Она могла бы использовать вашего мужа для рекламы выпускаемой ею продукции. Ведь эта штукавина, похоже, электрического происхождения.

Доктор Коллини уже оправился от потрясения и вновь обрел способность трезво мыслить.

— Я нашел ключ к разгадке этой проблемы. Если нимб у синьора — божественное проявление, он наверняка исчезнет, стоит только синьору сделать что-нибудь плохое.

— Плохое? — подозрительно спросила Энн. — Что вы хотите этим сказать?

— Ну, согрешить, — пояснил доктор Коллини. — Власть в один из семи смертных грехов.

— Я и названий-то их не знаю, — признался Арт.

— Алчность, леность, вожделение, гордыня, зависть, чревоугодие и гнев. Какой-нибудь да поможет.

Совет доктора показался Арту не лишенным смысла.

Вернувшись в свой номер в «Квиринале», Арт дождался темноты — ночью грешить куда легче, чем днем. Когда они легли на широкую кровать, Арт протянул руку к Энн.

— Не трогай меня! — завопила она. — Только не с нимбом! Ты что, спятил? — Она опустила ноги на пол, чтобы Арт не дотянулся до нее. Нимб двинулся за нею, озарив призрачным светом лицо Арта.

— Но это же грех! Согрешу, он, глядишь, и отстанет.

— Не смей использовать меня в этих грязных целях, Арт Браун! Да и не грех — спать с собственной женой.

— Ну что ж, не хочешь помогать — согрешу и без тебя. Пойду к проститутке! — решительно заявил Арт.

— Не посмеешь! — Энн быстро шмыгнула под одеяло.

— Почему? Бен Шварц сказал мне, что это удовольствие стоит всего десять тысяч лир, что нам вполне по карману.

— Это тебе Бен Шварц сказал? — Энн включила свет и свирепо, как на кобру, уставилась на мужа.

— Он интересовался.

— Меня это страшно шокирует, — заявила Энн. — Если уж тебе непременно надо согрешить, то почему бы не начать с какого-нибудь маленького грешка?

— И что же ты предлагаешь?

— Все грехи равноценны.

— Гордыня. Зависть. Вожделение. Леность. Чревоугодие. И гнев! — отбарабанил Арт шесть из семи смертных грехов. — Господи боже мой, вот уже десять лет ты носишься со мной как курица с яйцом! Диву даюсь, как это я еще дышу без твоего разрешения! Я давно не младенец и могу сам за себя решать!

Он вскочил с постели и, стащив с себя пижаму, сунул ноги в брюки.

— Ну и куда же ты надумал отправиться? — холодно спросила Энн, глядя, как Арт шарит руками в поисках носков.

Намеренно впадая в гнев, чтобы согрешить, Арт довел себя до белого каления.

— Пойду найду кого-нибудь, кто даст мне то, чего я не могу получить от тебя! Ты хочешь мне помешать?

— Арт Браун! Я не потерплю такого тона! — вскричала Энн, шокированная демонстрацией подобной жестокости.

— Ну что ж, попробуй остановить меня! — Арт никак не мог натянуть пуловер. Энн со вздохом встала и, вытащив его левую руку из одного рукава, направила ее в другой.

— Вот так, — с материнской терпеливостью сказала она и, сняв с вешалки пиджак мужа, протянула ему. Он вырвал пиджак у нее из рук и нахлобучил шляпу.

— Хочешь ко мне подольститься? Ничего не выйдет! Вернусь я без этого нимба, так и знай!

— Взял бы пальто, — предложила Энн. — На улице довольно холодно. Зачем мне муж, у которого из носа течет?

Арт опустился на кровать.

— Бесполезно, — с жалким видом признался он. — Гнев на меня не действует.

— Ты такой славный, что просто не можешь стать подлецом, даже если захочешь. — Осторожно, стараясь не задеть нимб, она погладила его по волосам.

— Я думал, что разыграю все как по нотам, — со вздохом сказал Арт. — Так с какого греха начнем?

— С чревоугодия. Сходим в какой-нибудь шикарный ресторан.

— Но это нам обойдется гораздо дороже, чем проститутка.

— А я ничего не буду есть, — заявила Энн. — И не думай, что впадаешь в чревоугодие, когда ешь спагетти и какой-нибудь дешевой закуской!

Ресторан «Тре Скалини» рекомендовал Арту Бен Шварц. Там была терраса, и Арт мог сидеть на солнышке, не снимая шляпы. Ресторан находился на пьядца Навоне, красивой площади с фонтаном из четырех фигур, изображавших речные божества. Арт заглянул в меню.

— А не предпочтут ли синьор и синьора столик в тени? — предложил официант, говоривший по-английски, как говорят итальянцы в Нью-Йорке. — Очень уж жаркое солнце.

— Потому-то я и прилетел в Италию, — отпарировал Арт, натягивая шляпу пониже. — Принесите мне «феттучине алла миланезе». Готов спорить, это лапша в мясном соусе.

— Верно, — согласился официант, — но как приготовлено!

— Ну что ж. Ну а потом... — и Арт назвал еще несколько лакомых блюд.

— Синьора разделит заказанное с синьором?

— Я?! — отозвалась Энн, у нее уже слюнки текли. — У меня легкое несварение, ничего в рот не лезет.

— Perfetto! — сказал официант, скрывая удивление: ведь заказа Арта вполне хватило бы на семью из четырех человек. — Тогда, если синьора позволит, могу предложить от несварения «паччи-кончино кон фунги».

— Ничего не надо! — резче, чем хотела, сказала Энн. Разговоры о еде отнюдь не поднимали ее настроения.

— Вино? — Официант привык к женщинам, стремившимся похудеть и готовым ради этого на все.

— Давайте и вино. — Нимб вконец лишил Арта аппетита, но, если напиться, может, и аппетит появится.

— Сколько же все это стоит? — спросила Энн, когда официант ушел. — Обед обойдется нам в целое состояние!

— А что я говорил? Гораздо дешевле было бы...

— Я не желаю обсуждать этот вопрос! — отрезала Энн. Она уже ненавидела и Арта, и Рим, и ресторан «Тре Скалини», и муки голода.

Официант подал первое блюдо и вино.

— А если кревоугодие не сработает? — спросил Арт, чувствуя, как оливковое масло проходит по горлу в пищевод.

— После таких затрат? — мрачно сказала Энн. — Должно сработать.

— Я мог бы попытаться счастья и с завистью, — сказал Арт, блуждая глазами по обнаженным дамским плечам.

— А я ничуть не завидую тому, что ты обжираться. — сказала Энн, уже не в силах бороться с разыгравшимся аппетитом.

— Да я не о тебе. — Арт так и пожирал взглядом одну молодую женщину с темными кокетливыми глазами. — Просто подумал, а нельзя ли немного сэкономить.

— Тут я с тобой, — с надеждой сказала Энн.

— Зависть — смертный грех, правда? Если я кому-нибудь позавидую, скажем, вон тому кинорежиссеру, — разве я не согрешу?

— Поменьше пей и выражайся яснее, — сказала Энн, глядя, как Арт наполняет свой бокал. — Откуда ты знаешь, что он кинорежиссер?

— Это наверняка Феллини, Висконти или Антониони. Он может выбирать самых красивых женщин. Ты только посмотри вон на тех трех! Небесные создания!

— Перестань на них тарашиться, это неприлично, — сказала Энн, испытав укол ревности.

— Представляешь — три сразу!

— Ты мне противен!

— Я прямо лопаюсь от зависти, — признался Арт.

— А я подумываю о разводе. — Энн отодвинулась вместе со стулом, будто собиралась немедленно отправиться к адвокату по бракоразводным делам.

— Я лишь пытаюсь разжечь в себе зависть, — горестно сознался Арт и повернулся к очередному блюду. — Съешь кусочек дыпленка, а? Меня уже воротит от одного его вида.

— Ты заказывал, ты и ешь! — приказала Энн, хотя тонкий аромат дыпленка с травами причинял ей таинственные муки.

— С меня довольно! — Арт швырнул салфетку на стол, встал, прошел в зал, который был пуст, если не считать одной парочки в темном углу, и открыл дверь с нарисованным на ней силуэтом мужчины. Там никого не было. Отпустив ремень на пару дырок, чтобы страдалцу-желудку было свободнее, Арт снял шляпу и осмотрел себя в зеркале над умывальником.

Нимб светился у него над головой в полную силу. Обжорство ничего не дало. Арт в отчаянии замахал над головой руками и принялся подпрыгивать в безумном танце. Потом вдруг раздался шум спускаемой воды, и не успел еще Арт снова натянуть шляпу, как из кабинки вышел Бен Шварц.

— Будь я проклят, — вымолвил он наконец.

— А я уже проклят, — отвечал Арт. — Только не спрашивайте, откуда он у меня взялся.

— Уму непостижимо, — сказал Бен, подступая поближе к ортолу.

— Скажите что-нибудь посвежее. — Арт обрадовался, что нашел человека, которому можно рассказать о своем горе.

— Электричество ни при чем, но почему же эта хреновина светится? Наверное, какая-то эманация из мозга.

— Диагноз мне не нужен, мне нужно лекарство, — сказал Арт. — Я уже перепробовал несколько смертных грехов, все без толку.

— Какие именно? — спросил Бен, не в силах оторвать глаз от слабого свечения вокруг шляпы Арта.

— Попробовал впасть в гнев — наорал на бедняжку Энн; попытался предаться чревоугодию — меня тошнит; увидел того парня с красотками — решил ему позавидовать. И все ради того только, чтобы избавиться от этой хреновины. Однако ничего не помогает. И так, что же остается? Лениость? Но я ленив от природы. Гордыня? А с чем ее едят?

— Беда в том, что вы неискренни в своем грехопадении. Естественно, ничего не выйдет! Надо грешить со вкусом, чтобы получить настоящее удовольствие.

— И что же вы предлагаете?

— Заведите себе даму, измените жене.

— Мы с Энн уже толковали об этом. Она этого не переживет, все глаза выплечет.

— А-а, срунда, ну поплачет чуток. Позвольте мне помочь вам.

— В самом деле? — спросил Арт. Надежда захлестнула его, как захлестывает больного какая-нибудь мания.

— У меня есть адреса.

— Я никогда не обманывал Энн. Никогда.

— Тогда вы в идеальном положении.

— Но как мне убедить Энн? — спросил Арт, чувствуя, что в такой ситуации ему одному не управиться.

— А так прямо и скажите! От этого грех еще грешнее станет, — посоветовал Бен. — Я зайду за вами в семь и отвезу в «Интернэшнл хаус». Там говорят по-английски!

— Нет, право, мне как-то даже противно, — сказал Арт, сидя в большой ванне.

— Ради нашего же блага, дорогой, — храбро отве-

тила Энн, хотя в голосе ее слышались слезы, и протянула Арту полотенце.

— Обещаю все время думать о тебе.

Ровно в семь в дверь постучал Бен.

— Жертва готова? — спросил он.

— Я прямо как дура, — сдавленным от невыплаканных слез голосом сказала Энн.

— А я — как дурак, — поспешил добавить Арт, хотя само это предприятие уже не вызывало у него чувства омерзения. Он попытался было обнять Энн, но та оттолкнула его, убежала в ванную и заперла дверь.

— Ну это ты уж слишком, — крикнул Арт. — Какое же у меня будет настроение после твоих глупых выходов?

Зато Бен, подмигнув Арту, потащил его из комнаты. Стоял приятный теплый вечер. Дневной смог улегся, вышли звезды.

Дом на виа Граццини оказался старинным аристократическим особняком. Дверь открыла девушка в черном платье и белом переднике. Холл был приятно обставлен старинной мебелью, в громадной мраморной вазе — свежие цветы. Из холла было видно несколько дверей, наверх шла лестница.

— Мадам сейчас вас примет, — сказала хорошенькая служанка и взяла у Бена шляпу. Памятуя о нимбе, Арт свою даже не снял. Служанка провела их в комнату, освещенную хрустальными канделябрами. На окнах висели тяжелые портьеры, стулья и кушетка были обтянуты шелком.

— Заведенне, видать, не из дешевых, — заметил Арт. Он почувствовал какую-то тяжесть в груди, как будто сидел в кабинете врача в ожидании операции.

Вошла мадам сорока с лишним лет, приятно полная. Платье с низким вырезом, кожа на груди залита ярким румянцем.

— Добрый вечер, синьоры, — сказала она с улыбкой, от которой все тревоги Арта тут же рассеялись, и взглянула на его шляпу.

— Я не люблю снимать шляпу, — поспешно объяснил Арт.

— Никаких объяснений, синьоры. Сюда как-то пришел клиент в рыцарских доспехах, и я не задала ему ни одного вопроса. В нашем доме правило: каждый делает, что хочет.

Вошла служанка с бутылкой шампанского и тремя бокалами.

— Сколько? — настороженно спросил Арт — он был наслышан о том, что в таких заведениях с людьми сдирают целые состояния.

— Это за счет заведения, — ласково ответила мадам. — Сейчас я по очереди позову девочек, они вам представятся. Поговорите с ними, они прекрасные собеседницы. Потом я вернусь, и вы скажете, кого выбрали.

Она наполнила бокалы, произнесла тост за гостей и ушла.

В комнату вошла пышнотелая девушка и сделала книксен.

— Меня зовут Исолина, — представилась она. — Я из Сицилии. Вы в нашем городе в гостях?

— Туристы, — ответил Бен.

— Не забудьте бросить монетку в фонтан Треви, тогда вы наверняка снова вернетесь в Рим. И пожалуйста, попросите Исолину.

Она снова сделала книксен и ушла.

Появилась другая девушка, длинная и худая.

— Меня зовут Серафина. И из Милана. Вы в Риме в гостях?

— Туристы, — ответил Бен.

— Не забудьте бросить монетку в фонтан Треви, тогда вы наверняка снова вернетесь в Рим. И пожалуйста, попросите Серафину.

После ее ухода Бен наполнил бокалы.

— Кожа да кости, — заметил он. — Я писывал и на лучшей бумаге.

Вошла молоденькая смуглянка с голубыми тенями под глазами.

— Меня зовут Фатима. Я из Марокко. Вы в Риме в гостях?

— Туристы, — ответил Бен.

— Не забудьте бросить монетку в фонтан Треви, тогда вы наверняка снова вернетесь в Рим. И пожалуйста, попросите Фатиму.

После ее ухода вернулась мадам.

— Приношу свои извинения, — поднимая бокал, сказала она. — Почти все мои девушки сейчас заняты. Но надеюсь, вы сделали свой выбор?

— Они... так молоды... — промямлил Арт, охваченный вдруг какой-то непреодолимой робостью.

— Молодость излечивается временем, — философски

заметила мадам. — Если же вам по вкусу более зрелище женщины, могу сообщить, что и я доступна.

— Вы мне льстите, — пробормотал Арт.

Мадам тут же завладела инициативой.

— Это вы мне льстите — ведь вы предпочли меня всем этим молоденьким девчонкам. — Она встала, и Арт машинально вскочил на ноги. Мягкие руки обвились вокруг него, и он ощутил себя Лаокооном, статую которого видел в Ватикане.

— А чем я могу быть полезна вам? — Мадам улыбнулась Бену, не отпуская Арта. — Может, кликнуть Серафину?

— Для меня?! — воскликнул тот, и Арт сразу понял, что его приятель тоже трус. — Мне неплохо и с этой бутылкой, право

— Ну что ж. А почувствуете себя одиноко, позвоните в колокольчик, — сказала мадам.

Мадам повела Арта наверх мимо таинственных закрытых дверей. Его пугала тишина. Мадам распахнула дверь в комнату, почти целиком занятую огромной кроватью, на стенах зеркала, красная лампа отбрасывает рассеянный свет. Арт юркнул в кресло у стены, потянув шляпу пониже.

— Женатые мужчины нередко тушуются, — заметила мадам.

— Откуда вы знаете, что я женат? — удивился Арт.

— По маленькой вмятинке на вашем безымянном пальце! Вы сняли обручальное кольцо и спрятали его, как делают все порядочные мужья. Мои посетители — люди большей частью женатые, но ведь мужчину по удержишь в клетке, как пташку.

— Не в этом дело, — возразил Арт, снова надевая обручальное кольцо.

— Тогда, может, причина вашей робости у вас под шляпой? — поинтересовалась мадам. — Вы плешивы? Лично мне лысые мужчины кажутся весьма привлекательными.

Резким движением руки она сорвала с Арта шляпу. Нимб засиял, как неоновая реклама.

— Святой! — взвизгнула мадам, проворно бухнувшись на колени и прикрывая подушкой бюст.

— Встаньте, — сказал Арт, пришедший в ужас при столь неожиданной реакции мадам. — Вы даже не дали мне объяснить.

— Святое пришествие! — Мадам, выпучив глаза, не-

отрывно смотрела на сияние. — Посланник божий! В моем доме! С нимбом!

— Я хочу от него отделаться! — Арт в отчаянии схватил ее за покатые плечи: сейчас или никогда.

Но мадам стала отбиваться с неожиданной силой.

— Святой! Это искушение! Искушение! Не надо! Никогда больше не согрешу, клянусь! — Она поползла прочь от своего искусителя.

— Но только так я могу избавиться от нимба!

— Искушение! Посланец с небес. Обещаю навсегда прикрыть свое заведение! — Мадам в ужасе распахнула дверь.

Арт увидел с десяток обращенных к нему лиц. Встревоженные воплями мадам, девушки и их клиенты высыпали из комнат кто в чем был.

— Постригусь в монахини и стану замаливать свои грехи!

Арт никак не мог отыскать шляпу. Сбитый с толку, он с трудом протолкался мимо коленапреклоненных тел. В глазах у него потемнело.

— Девочки! — доносились до него причитания мадам. — Никогда больше не грешите! Никогда!

— Бен! Бен Шварц! — крикнул он, стрелой спускаясь по лестнице к выходу. Перед взором промелькнула перепуганная физиономия Бена. Какая-то девушка вцепилась в ногу Арта, он отдернул ногу, и сразу же в ушах заходили эхом дикие вопли.

Выбежав на улицу, он что было духу пустился по виа Граццини. Сердце у него чуть не выскочило из грудной клетки, и он остановился у небольшого фонтана. Ноги подкосились, и Арт повалился на бордюр, окаймлявший маленький бассейн. Он ускользнул от обезумевшей толпы, которая вполне могла разделаться с ним, но бегать по городу с нимбом тоже никуда не годится. Как жаль, что у него нет шляпы!

Вдруг на темной дорожке, оканчивающейся у фонтана, Арт увидел какую-то фигуру. Он слишком устал, и бежать у него уже не было сил. Да и куда бежать-то? Куда бы он ни пошел, он обречен таскать с собой свое проклятье.

Это оказался Бен Шварц. Без единого слова Бен уселся рядом.

— Ну, — сказал он наконец, — по-моему, вы пробежали милью за четыре минуты. Мировой рекорд!

— Что мне делать? — прошептал Арт. Он так запы-

хался, что было больно дышать. — Ну как мне от него избавиться?

— За деревьями мы не видим леса, — сказал Бен. — Зачем вообще избавляться от нимба, если на нем можно сделать пару миллионов долларов?

— Один из нас, должно быть, спятил. Кажется, вы.

— Я бизнесмен. Представьте себе большущий балаган, в котором сидите вы и две тысячи зрителей, заплативших по два доллара за право посмотреть на самого настоящего святого. Сеанс — двадцать минут. Восемь тысяч долларов в час! Шестьдесят тысяч в день! А еще можно давать вас напрокат религиозным общинам или выставлять напоказ в церквях всего мира! Неужели вы не понимаете, что таскаете на голове не просто нимб, а миллионы хрустящих долларовых бумажек?

— Тогда мне бы пришлось бросить работу в «Эдисон компани».

— Это за миллион-то? — спросил Бен. — Да мы посадим вас на золотой трон, а за вашей спиной поставим красивых девушек, одетых под ангелов!

— Согласен, эта штука и впрямь может принести целое состояние, — признал Арт.

— Поскольку идею подбросил я, — вкрадчиво заговорил Бен, — мне тоже полагается доля.

— Двадцать процентов, — предложил Арт.

— Тридцать три, и все заботы о постановке дела и рекламе я беру на себя. Вам нужен менеджер.

— Тридцать три процента?! — возразил Арт. — Это же триста тридцать три тысячи долларов с каждого миллиона! Нет, не могу!

— Арт! — воскликнул потрясенный Бен.

— Не больше двадцати семи с половиной! И не пытайтесь оказать на меня давление — это мое последнее слово!

— Арт, нимб исчез! — в тревоге сказал Бен. — И следа не осталось!

Арт посмотрел вверх, туда, где обычно виднелось бледное сияние, но увидел лишь звезды.

— Какой ужас! — ахнул он. — Как раз когда мы только собирались разбогатеть!

— Как же это, а? — спросил Бен. — Наверное, исчерпал запас энергии.

— Нет. — До Арта вдруг дошло. — Я совершил смертный грех. Алчность! Я и впрямь жаждал этих де-

нег. Во все же другие грехи впадал без истинного убеждения.

— Вы все загубили своей жадностью! Надо было держать себя в руках!

— Зато мне теперь гораздо лучше. — Арт с облегчением вздохнул полной грудью. — То-то Энн обрадуется!

Когда Арт вошел в свой номер в гостинице, Энн лежала в постели с мутными от горьких слез глазами.

— Все! — гордо объявил Арт и покрасовался перед женой. — Я таки избавился от него! Ну и дельце вышло!

— Ты впал в грех прелюбодеяния, — отвечала Энн, у которой было время, чтобы все обдумать, — и это у тебя называется «дельце»?

— Да, но оно не помогло! — сказал Арт.

— Я уверена, ты буквально упивался каждым мгновением. — Горечь Энн сменялась вскипавшей в ней яростью, слез уже не было.

— Не бойся, до этого не дошло, — возразил Арт, не зная даже, как бы ее убедить. Он попытался обнять ее. — Ты что, не веришь мне?

— Не прикасайся ко мне! — взвизгнула Энн и попятилась к ванной, которая уже один раз послужила ей убежищем.

— Шварц предложил нажиться на нимбе, — в гневе сказал Арт, — и мне понравилась эта идея. Вот когда я согрешил по-настоящему, впад в алчность. И нимба как не бывало!

— Складно у тебя получается, — прошипела Энн. — Лучше б уж он у тебя остался, этот нимб!

— Я тоже так считаю, — ответил Арт, думая о миллионах.

От слез у Энн совсем пропал голос, и она заперлась в ванной.

— Открой! — Арт постучал в дверь.

— Оставь меня в покое, видеть тебя не желаю! — вскричала Энн.

— Мы уже десять лет женаты, а ты мне по-прежнему не доверяешь, — сказал Арт исполненным искренней горечи голосом и юркнул в постель, еще хранившую тепло жены. Услышав, что дверь ванной открылась, он быстро закрыл глаза.

— Арт, — позвала Энн, — я же знаю, что ты не

спишь. — Не дождавшись ответа, она забралась под одеяло и прильнула к мужу. — Арт, я все обдумала. Худо ли это, хорошо ли, но я — твоя жена. Что бы там ни случилось сегодня, я все равно тебя люблю. Я тебя прощаю, и ты, пожалуйста, тоже меня прости.

Арт тут же сел на постели и заключил жену в объятия. Он хотел поцеловать ее, но, подавшись к ней, так и застыл на месте. Потрясенный, он указал на зеркало.

Там отражался нимб, золотой ободок которого парил над головой Энн.

КАКОЕ БЕССТЫДСТВО!

Автомобили резко затормозили и стали, слышались ругань и проклятия. Пешеходы с испуганными возгласами бросились врассыпную.

Огромный металлический шар появился прямо из воздуха посреди перекрестка.

— Что такое? — пробормотал регулировщик, сходя со своего бетонного пяточка.

— Вот это да! — воскликнула какая-то секретарша, глядя на улицу из окна третьего этажа. — Что же это такое?

Возбужденная толпа зевая приблизилась к шару.

Открылась круглая дверь. Из люка выпрыгнул мужчина. Он с любопытством огляделся.

— Что это такое? — проворчал регулировщик, доставая блокнот. — Нарываетесь на неприятности, а?

Мужчина улыбнулся. Те, кто стояли поближе к нему, услышали:

— Я профессор Роберт Уэйд. Прибыл сюда из 1954 года.

— Похоже, похоже, — буркнул полицейский. — Прежде всего уберите отсюда свое изобретение.

— Но это невозможно, — сказал мужчина. — Во всяком случае сейчас.

— Невозможно? — Регулировщик направился к шару и толкнул его. Тот не шелохнулся. Полицейский пнул его и охнул.

— Не надо, — проговорил пришелец. — Это бесполезно.

Полицейский сердито открыл дверь и заглянул внутрь шара. Он издал какой-то ужасный звук и попятился.

— Что? Что? — вскричал он не своим голосом.

— В чем дело? — спросил профессор.

Лицо полицейского было угрюмым и возмущенным. Зубы стучали.

— Если вы... — начал профессор.

— Молчать, грязный пес! — взревел полицейский. Профессор испуганно попятился. Полицейский заглянул внутрь шара и извлек оттуда несколько предметов.

Что тут началось!

Женщины отвернулись с возгласами омерзения. Мужчины, разинув рты, вытаращили глаза, будто парализованные. Маленькие дети украдкой норовили подобраться поближе. Молодым девушкам стало дурно, некоторые лишились чувств. Полицейский торопливо спрятал предметы под китель и придерживал их дрожащей рукой. Другой он ухватил профессора за плечо.

— Паразит! — проревел он. — Свинья!

— Смерть ему! — в один голос закричали несколько возмущенных дам.

— Какое бесстыдство! — проговорил какой-то священник, краснея до корней волос.

Профессора потащили по улице. Он упирался и причитал, но гвалт толпы заглушал его жалобы. Со всех сторон на него сыпались удары — зонтиками, тростями и свернутыми в трубочку журналами.

— Мерзавец! — кричала толпа. — Распутник! Какая мерзость! Отвратительно!

Но в переулках, в венозных барах, биллиардных за улыбками и издевательствами прятались дикие фантазии. По городу быстро разнесся слух.

Профессора отвели в тюрьму. У шара поставили двух полицейских. Они с любопытством заглядывали внутрь.

Главный комиссар Каслмолд рассматривал неприличные фотографии, когда зазвонил видеотелефон.

Он вздрогнул, щелкнув вставными челюстями, быстро собрал снимки и бросил их в ящик стола. Придав физиономии официальное выражение, он включил связь. На экране появился капитан Рэнкер.

— Комиссар, — почтительно проговорил он, — прерываю ваши размышления...

— Ну, что там стряслось? — нетерпеливо и резко спросил Каслмолд.

— У нас новый арестант. Говорит, что прибыл к нам на машине времени из 1954 года.

Капитан воровато огляделся.

— Что вы там ищете? — проворчал комиссар. Капитан сунул руку в стол, вытащил три предмета и положил их так, чтобы Каслмолду было хорошо видно. Глаза комиссара чуть не выскочили из орбит.

— О-о-о! Откуда это?

— Они были у арестованного.

Каслмолд прямо ел эти штуки глазами. У него началось легкое головокружение.

— Я сейчас приеду, — выдавил наконец комиссар. Он отключил связь, подумал секунду, снова включил. Капитан Рэнкер отдернул руку от стола.

— Ничего не трогать. Понятно?

— Да, сэр, — испуганно ответил капитан, заливаясь краской. Каслмолд усмехнулся и снова выключил связь. Потом он похотливо крикнул и выскочил из-за стола.

— Ха! — крикнул он. — Ха-ха!

Шаги. Грузный надзиратель отпер дверь.

— Вставай, ты! — презрительно прорычал он. Профессор Уэйд поднялся, возмущенно глядя на тюремщика, и вышел из камеры.

— Направо! — скомандовал надзиратель. Уэйд повернул направо.

— Лучше бы я дома остался, — пробормотал он.

— Молчать, сладострастный пес!

— О! Довольно! — воскликнул Уэйд. — Вы тут все с ума посходили. Нашли...

— Молчать! — взревел надзиратель. — Не смей произносить в моей чистой тюрьме грязные слова!

Уэйд посмотрел на надзирателя.

— Это уже слишком.

Его провели в комнату с табличкой «Капитан Рэнкер, начальник контрольной полиции». Когда Уэйд вошел, капитан торопливо поднялся из-за стола, на котором под белой салфеткой лежали те самые три вещицы. Пронзительные глаза уставились на Уэйда.

— Садитесь, — сказал капитан.

— Садитесь, — повторил как эхо комиссар. Капитан извинился. Комиссар ухмыльнулся.

— Садитесь, — повторил Каслмолд. Профессор сел и взглянул на капитана.

— Может быть, вы мне объясните...

— Молчать! — рявкнул Рэнкер.

Уэйд сердито хлопнул ладонью по подлокотнику кресла.

— Я не буду молчать! Мне уже надоело слушать всю эту дурацкую ченуху. Вы заглянули в мою машину времени, нашли там эти предметы и... — Он сдержнул белую салфетку. Комиссар и капитан ахнули и подскочили, словно Уэйд оголил зады их собственных жен.

— Ради бога, — гневно проговорил он. — В чем дело? Это же продукты. Продукты! Просто продукты!

Услышав это трижды повторенное слово, оба офицера съежились, как будто на них обрушился шквал.

— Заткни свой грязный рот, — задыхаясь, проговорил капитан. — Мы не намерены слушать похабщину.

— Похабщину? — удивленно переспросил Уэйд. — Я не слышался?

Он взял в руки один из предметов.

— Это пачка галет. Вы хотите сказать, что это похабщина?

Капитан Рэнкер зажмурился. Его трясло. Старый комиссар, скривив побелевшие губы, не сводил с профессора хитрых маленьких глазок. Уэйд взял два других предмета.

— Банка ветчины! — возмущенно кричал он. — Фляжка кофе! Что же вы нашли похабного, черт побери, в ветчине и кофе?

Профессор умолк, и в комнате наступила мертвая тишина. Наконец Каслмолд кивнул и многозначительно кашлянул.

— Капитан, — сказал он, — я хочу с глазу на глаз остаться с этим мерзавцем. Мне необходимо докопаться до сути этого безобразия.

Капитан посмотрел на комиссара, кивнул и, ни слова не говоря, поспешно вышел из кабинета.

— А теперь, — сказал комиссар, усаживаясь в кресло Рэнкера, — скажите мне, как вас зовут?

В голосе его сквозили медоточивые нотки. Уэйд вздохнул и снова сел в кресло.

— Я прибыл из 1954 года в своей машине времени. На всякий случай я захватил с собой немного... продуктов. А теперь мне говорят, что я грязный пес. Я ничего не понимаю.

Каслмолд скрестил руки на груди и медленно кивнул.

— М-м-м. Ну что ж, молодой человек. Я, пожалуй, поверю вам. Это возможно. Историки рассказывают о такой эпохе, когда... э-э... физиологическая поддержка организма осуществлялась через рот.

— Я рад, что хоть кто-то мне поверил, — сказал Уэйд. — Но расскажите мне, что тут у вас за положение с продуктами?

Комиссар слегка покраснел при последнем слове. А Уэйд опять удивился.

— Разве возможно, — спросил он, — чтобы слово... «продукты» стало неприличным?

Услышав это слово опять, Каслмолд убрал белую салфетку и уставился сальным взором на банку, пачку и фляжку. Он облизал пересохшие губы. Уэйд смотрел на комиссара, и в нем поднималось чувство, близкое к отвращению. Старый Каслмолд дрожащей рукой гладил пачку галет, как будто это была нога танцовщицы из кордебалета.

— Продукты, — произнес он со сладострастием. Потом быстро вернул салфетку на место. — П... ну что ж, — проговорил он.

Уэйд откинулся в кресле, чувствуя, как по телу разливается жар. Он потряс головой и поморщился.

— Невероятно, — пробормотал он. Чтобы не встретиться взглядом со старым комиссаром, Уэйд опустил голову. Затем он поднял глаза на Каслмолда и увидел, что тот опять заглядывает под тряпицу с трепетом юнца, впервые попавшего на стриптиз.

— Комиссар?

Каслмолд вздрогнул и выпрямился.

— Да, да, — проговорил он, сглотнув слюну.

Уэйд встал, сдернул салфетку, растелил ее на столе, положил на нее продукты и завязал в узелок.

— Я не хочу развращать ваше общество, — сказал он. — Позвольте мне собрать необходимые сведения о вашей эпохе, а потом я отправлюсь обратно и возьму свои... и возьму это с собой.

Страх отразился на лице старого комиссара.

— Нет! — крикнул Каслмолд. Уэйд подозрительно посмотрел на него. — Я хочу сказать, — залопотал комиссар, — что нет нужды торопиться. В конце концов...— он развел худыми руками, — вы мой гость. Давайте сходим ко мне домой, там мы немного...

Он прокашлялся, потом поднялся и подошел к Уэйду. Его рука легла на плечо профессора, а на лице появилась улыбка гостеприимного шакала.

— Все необходимые сведения вы сможете найти в моей библиотеке.

Уэйд промолчал.

— Но узелка лучше здесь не оставлять. Возьмите его с собой. — Каслмолд хихикнул. Уэйд посмотрел на него с еще большим подозрением. Комиссар постарался закончить фразу как можно суше: — Мне неприятно это говорить, но здесь никому нельзя доверять. Известно, что может произойти. — Он посмотрел на узелок. — Бывают совершенно беспринципные люди.

Сказав это, Каслмолд направился к двери, чтобы избежать возражений. Взявшись за ручку, он проговорил:

— Подождите тут, я выпишу бумагу о вашем освобождении.

— Но...

— Не за что, не за что, — сказал Каслмолд и вышел из кабинета.

Профессор Уэйд покачал головой. Потом он извлек из кармана пальто плитку шоколада.

— Лучше спрятать ее подальше, — пробормотал он себе под нос, — а то это может плохо для меня кончиться.

Как только они вошли в дом, Каслмолд сказал:

— Дайте-ка ваш узелок, я уберу его в свой стол.

— Это ни к чему, — ответил Уэйд, едва сдерживая смех при виде нетерпеливого выражения лица комиссара. — Это будет слишком большим... искушением.

— Для кого? Для меня? — воскликнул Каслмолд. — Ха! Это смешно. — Он продолжал держаться за узелок. — Знаете что? Мы пойдем в мой кабинет, и я буду охранять ваш узелок, пока вы выписываете сведения из моих книг. Ну, как?

Уэйд пошел за комиссаром в кабинет с высоким потолком. Он все еще никак не мог понять. «Продукты». Он произнес это слово про себя. Обыкновенное слово. Но, как и все на свете, слово это может иметь любое значение, какое припишут ему люди.

Он заметил, как Каслмолд поглаживал узелок, а в глазах его сверкали хитрые огоньки. Уэйд подумал, что бы произошло, если б он оставил здесь узелок с... Ему стало смешно оттого, что он не произнес этого слова. Значит, на него уже тоже действует.

Они прошагали по большому ковру.

— У меня лучшая коллекция в городе, — похвалился комиссар. — Полная, без купюр.

— Это хорошо, — пробормотал Уэйд. Он стал оглядывать книжные полки. — А у вас есть?.. — Уэйд повернулся к комиссару.

Тот уже сидел за столом. Он развернул узел и смотрел на банку ветчины, как нищий смотрит на слиток золота.

— Комиссар! — рявкнул Уэйд.

Каслмолд подскочил и выронил банку. Он тут же исчез из виду, а мгновение спустя появился из-под стола, крепко держа банку обеими руками.

— Да? — спросил он с довольным видом.

— У вас есть книга по истории? — поинтересовался Уэйд, едва сдерживая смех.

— Да, сэр! — выдохнул Каслмолд. — Лучшая книга в городе.

Он вышел из-за стола и снял с полки толстый том.

— Вот. Я сам его перечитывал на днях.

Он протянул книгу Уэйду, и тот сдул с обложки облако пыли.

— Ну вот, теперь садитесь и выписывайте все, что нужно. Я сейчас принесу вам бумагу. — Каслмолд выдвинул верхний ящик и вытащил оттуда блокнот. — А за свои п... не беспокойтесь.

— А куда вы собираетесь идти?

— Никуда! Никуда! — успокоил его комиссар. — Я останусь тут и буду стеречь ваши...

Уэйд уселся в кресло, раскрыл книгу и поднял глаза на комиссара. Каслмолд потряхивал фляжкой с кофе и слушал бульканье. На его лице застыло идиотское выражение.

«Разрушение способности земли давать п... произошло вследствие глобального использования бактериологического оружия, — читал профессор. — На Земле исчезла растительность. Погибла также основная часть животных, дававших м... и м... В океане исчезли съедобные водоросли и рыба. Невозможным стало также использование водных источников. Кроме того...»

Уэйд оторвался от книги и взглянул на Каслмолда. Тот, откинувшись в кресле, вертел в руках пачку галет. Уэйд быстро дописал выбранный абзац и закрыл книгу. Он поднялся, поставил книгу на место и пошел к столу.

— Мне пора уходить, — сказал он.

— Уже? — Глазки комиссара забегали по комнате, как будто высматривая что-то. — А может, кольнемся? — спросил он.

— Что?

— Кольнемся.

Уэйд почувствовал, как комиссар взял его за руку и повел обратно к столу.

— Садитесь.

Уэйд сел. Комиссар подкатил к нему громоздкий стол в виде ящика. Сверху между кнопками торчали блестящие щупальца, свисающие во все стороны и оканчивающиеся тупыми иглами.

— Это мы так... — комиссар воровато огляделся, — выпиваем, — тихо закончил он.

Уэйд смотрел, как комиссар взял одно из щупалец.

— Дайте-ка руку.

— А это не больно? — спросил Уэйд.

— Совсем не больно. Не бойтесь.

Он взял руку Уэйда и воткнул иголку в ладонь. Уэйд охнул. Боль утихла почти мгновенно.

— Это, наверное... — начал Уэйд. И тут же по его жилам побежала теплая успокаивающая волна.

— Ну как, хорошо?

— Это вы так пьете?

Каслмолд воткнул иголку себе в ладонь.

— Не у каждого такой шикарный бар, — горделиво сказал он. — Этот бар мне подарил сам губернатор. За службу. За поимку пом-банды.

Уэйд погружался в нирвану. Он решил, что пора уходить.

— Пом-банды? — переспросил он.

Каслмолд присел на краешек стула.

— Это сокращенно от... хм... помидорной банды. Шайка преступников, которые пытались выращивать и продавать помидоры.

— Ужас, — пробормотал Уэйд.

— Да, это было серьезное дело.

— Серьезное. По-моему, с меня хватит.

— Может, ершичка? — сказал Каслмолд, поднимаясь, чтобы нажать кнопку.

— Довольно, — повторил Уэйд.

— Ну, как? — спросил Каслмолд.

Уэйд заморгал и затряс головой, разгоняя туман.

— Хватит, — сказал он, — у меня голова кружится.

— А сейчас как? — спросил Каслмолд.

Уэйд почувствовал, что ему становится еще жарче. Казалось, по венам бежит огонь. Голова шла кругом.

— Хватит! — крикнул он, сиюсь подняться,

— А теперь какво?

— Хватит!

Уэйд хотел выдернуть иглу, но рука онемела и не двигалась.

— Выключите, — вяло проговорил он.

— А теперь как? — выкрикнул Каслмолд, и Уэйд почувствовал, как пламя охватило все тело. Он попытался встать, но не мог. Голова отяжелела, глаза закрылись, Каслмолд выключил «бар».

Звук. Мозг попытался осознать его. Казалось, голова зажата между двумя раскаленными камнями. Уэйд открыл глаза. Комната плыла в какой-то дымке. Он потряс головой. Ему показалось, что мозги зазвенели. Пелена начала рассеиваться. Он увидел Каслмолда за столом.

Тот жрал.

Комиссар наклонился вперед, лицо его было темно-багровым. Казалось, он совершает некий плотский обряд. Его глаза не отрывались от продуктов, лежавших на салфетке. В руке он держал фляжку, и она стучала о его зубы, когда Каслмолд делал глоток, содрогаясь всем телом и громко причмокивая губами.

Он отрезал себе еще ломоть ветчины и заложил его между двумя галетами. Дрожащей рукой он поднес бутерброд к мокрым губам, откусил и начал громко чавкать. Глаза его сверкали лихорадочным блеском. Лицо Уэйда скривилось от омерзения. Он неотрывно смотрел на комиссара. Тот время от времени бросал взгляд на какие-то фотографии и снова жевал.

Уэйд попытался пошевелить руками. Они одеревенели. С великим трудом он выдернул иголку из ладони. Комиссар ничего не слышал. Он всецело предался оргии чревоугодия.

Уэйд попробовал пошевелить ногами. Те были словно чужие. Он понял, что просто упадет ничком, если встанет. Он впился ногтями в ладонь. Никаких ощущений. Затем он мало-помалу начал чувствовать боль, которая прояснила голову.

Уэйд продолжал наблюдать за комиссаром. Каслмолд смаковал каждый кусочек и вздрагивал всем телом. Уэиду показалось, что комиссар совершает плотское действие с пачкой галет. Он собрал всю свою волю, чтобы прийти в себя. Ему необходимо вернуться домой.

Каслмолд прикончил галеты. Водя по бумажке слюнявым пальцем, он собрал крошки, а потом слизал их языком. Затем он перевернул фляжку над разинутым ртом, и оттуда упало несколько капель.

Он вздохнул и положил фляжку на стол. Снова посмотрел на фотографии, оттолкнул их и откинулся в кресле. Через несколько минут голова его упала на грудь, и по комнате разнесся громовой храп.

Уэйд все никак не мог совладать с собой. Он встал и, шатаясь, двинулся к столу Каслмолда. Голова кружилась. Он обошел стол и, уцепившись за кресло Каслмолда, попытался прийти в себя. Тут его взгляд упал на фотографии на столе.

Это были фотографии продуктов. Кочан капусты, жареная индейка. На некоторых снимках полуобнаженные девицы протягивали зрителю помидоры, зеленый лук, сушеные апельсины.

— О, господи, скорее обратно! — пробормотал Уэйд. Он уже почти дошел до двери, когда понял, что не знает, где находится его машина времени. Ему пришлось вернуться к столу Каслмолда. Он присел и начал выдвигать ящики. В самом нижнем он нашел то, что искал — странную трубку-пистолет.

— Вставайте, — сказал он сердито, пихнув комиссара в плечо.

Ничего не понимая, Каслмолд уставился на Уэйда. Он попытался улыбнуться, и с его губ слетела крошка.

— Послушайте, молодой человек!

— Молчать! Вы отвезете меня к моей машине времени.

— Погодите, надо...

— Немедленно.

— Не шутите с этой штуковиной, — предупредил Каслмолд. — Она опасная.

— Вставайте, и пошли к вашей машине.

Каслмолд вскочил и двинулся к двери. На полпути он вдруг схватился за живот и согнулся пополам.

— Ой! Это продукты, — простонал он.

— Поделом вам, — сказал Уэйд.

Каслмолд опустил на корточки.

— Ох! Умираю.

Он рванулся к туалету, и там его вырвало. Наконец он, спотыкаясь, вышел, бледный и перепуганный. Закрыв дверь, он привалился к ней и снова застонал.

— Идемте, — сказал Уэйд.

Они сжали в машине. Комиссар сидел за рулем. Уэйд — рядом с оружием наготове.

— Я хочу извиниться за... — начал комиссар.

— Не отвлекайтесь.

— Мне не хотелось бы быть негостеприимным.

— Замолчите.

— Молодой человек, знаете, как можно заработать много денег?

Уэйд знал, что за этим последует, но все же спросил:

— Как?

— Очень просто.

— Доставлять вам продукты, — закончил Уэйд.

— А что же в этом плохого?

— И вы еще спрашиваете.

— Послушайте, молодой человек. Сынок...

— О господи! Прекратите, — проговорил Уэйд, гадливо передернув плечами. — Помните, чем вы занимались у себя в туалете.

— Ну, это с непривычки. Но теперь я... я понял, что это такое.

Машина свернула за угол. Далеко впереди Уэйд увидел свою машину времени.

— Лучше забудьте об этом, — посоветовал он.

На лице Каслмолда отразилось отчаяние. Его пальцы впились в руль.

— Значит, вы не измените своего решения? — с угрозой спросил он.

— Вам и так повезло, что я не стреляю в вас.

Каслмолд замолчал. Они подкатили к машине времени и остановились.

— Скажите полицейским, что хотите осмотреть все лично, — велел Уэйд комиссару.

— А если не скажу?

— Тогда получите то, что вылетит из этой трубки.

Подошли полицейские.

— В чем дело? О, комиссар?

Лицо полицейского расплылось в улыбке.

— Я хочу осмотреть эту... штуковину.

— Да, сэр.

— Я кладу трубку в карман, — тихо проговорил Уэйд.

Комиссар молча вылез из машины. Они с Уэйдом подошли к аппарату. Каслмолд громко сказал:

— Я пойду первым.

Кости комиссара хрустнули, когда он потянулся к поручню над люком. Он с трудом подтянулся. Уэйд подтолкнул его и услышал, как Каслмолд ударился головой о крышку люка.

Свободной рукой Уэйд ухватился за поручень, но сил, чтобы подтянуться, не хватало. Он взялся за поручень обеими руками, подтянулся и просунул ноги в люк. В этот миг Каслмолд выхватил у него из кармана оружие.

— Ага! — торжествующе вскричал он.

— Ну, и что вы намерены делать? — спросил его Уэйд.

— Вы возьмете меня с собой. Я отправлюсь вместе с вами.

— Но здесь только одно место.

— Тогда отправлюсь я, — заявил комиссар.

— Вы не сумеете включить машину.

— Вы мне объясните.

— Или?

— Или я вас уничтожу.

— А если объясню? — спросил Уэйд.

— Тогда останетесь здесь до моего возвращения.

— Не верю я вам.

— У вас нет выбора, молодой человек, — хихикнул Каслмолд. — А теперь объясните, как действует эта машина.

Уэйд полез в карман.

— Не двигаться! — предупредил его Каслмолд.

— Вы не хотите, чтобы я достал инструкцию?

— Доставайте. Но осторожнее. Что это? Это же не бумага.

— Нет. Это плитка шоколада, — произнес Уэйд. — Толстая плитка сладкого сливочного шоколада.

— Давайте сюда!

— Нате берите.

Комиссар рванулся вперед. Он потерял равновесие и на мгновение направил дуло пистолета в пол. Одной рукой Уэйд схватил комиссара за шиворот, а другой — за брюки между ног и вытолкнул его из люка. Послышались вопли. Уэйд швырнул наружу шоколадку и крикнул, давясь от смеха:

— Сладострастный пес!

Затем он захлопнул люк, сел в кресло и включил приборы, мысленно потешаясь над тем, как комиссару

придется изворачиваться, чтобы оставить шоколадку себе.

Мгновение спустя перекресток опустел.

Машина замерла. Открылся люк, из него выпрыгнул Уэйд. Его тут же окружили коллеги и ученики.

— Все-таки ты сумел! — сказал его лучший друг,

— Конечно, — ответил Уэйд, испытывая удовольствие от двусмысленности этой фразы.

— Это надо отпраздновать, — сказал друг. — Приглашаю тебя сегодня в ресторан и угощаю самым большим и вкусным бифштексом. Эй, в чем дело?

Профессор Уэйд заливался краской.

Фредерик Пол

ЗАГОВОР ГУБЕРНАТОРА

Рука Двейна метнулась к талии и замерла. Он так и не вытащил свой пистолет-распылитель. Высокий седовласый Стивенс ухмыльнулся.

— Правильно, Двейн, — сказал он. — Я тоже мог бы спалить тебя, но никто из нас ничего на этом не выгадает, так что пускай уж пушки останутся на месте.

У Питера Двейна заходили желваки, но голос, когда он заговорил, звучал ровно:

— Не думай, что мы это так оставим, — произнес Питер. — Нынче же вечером мы с Андриасом наведем порядок, а тогда уж поглядим, сумеешь ты меня отшить или нет.

Улыбка на лице седого потускнела. Он сделал шаг вперед, выставив руку, чтобы не упасть, и ухватился за поручень, который тянулся вдоль коридора: двигатели под палубой звездолета заработали с натугой.

— Андриас — твой начальник, а не мой, — сказал он. — Я вольная птица и работаю только на себя. Когда мы сядем на Каллисто, я буду присутствовать при передаче ему нашего... давай назовем это «грузом». И я возьму свою честную долю. Так и будет, поскольку Андриас мне не указ.

В конце главного коридора показался коренастый человек в синем. Он шел быстро, но, увидев двух мужчин, стал как вкопанный.

— Эй! — крикнул он. — Меняем курс! Расходитесь по каютам!

Он хотел было приблизиться к ним, но передумал и ушел. Ни Двейн, ни Стивенс не обратили на него никакого внимания.

— Выходит, я должен тебя убить? — спросил Двейн, и это прозвучало просто как вопрос, без всякой угрозы.

Из динамиков раздался глухой тревожный гонг, предупредивший о минутной готовности. Седой Стивенс вздернул брови.

— Ничуть не бывало, — ответил он, смерив взглядом своего тщедушного рыжоволосого соперника. Стивенс был старше, выше и плотнее, но Двейн не уступал ему в воинственности. — Ничуть не бывало, — повторил он. — Просто бери свои десять тысяч и успокойся на этом. Не поднимай шума и не втягивай Андриаса в наш с тобой спор.

— А, чтоб тебя! — вспылил Двейн. — Мне обещали пятьдесят тысяч. Ты что, думаешь, мне не нужны эти деньги?

— Забудь о том, что я думаю, — злобно отрезал Стивенс. — Справедливость волнует меня, только когда речь идет обо мне самом. Я сделал всю работу, Двейн, это я достал товар. Моя цена известна: сто тысяч земных долларов. А чего там тебе наобещал Андриас — не моего ума дело. После того как я заберу свою долю, останется только десять тысяч. Это все, что ты получишь!

Какое-то мгновение Двейн неотрывно смотрел на него, потом коротко кивнул.

— Значит, я был прав еще тогда, в самый первый раз: придется тебя прикончить! — сказал он.

Питер уже поглаживал рукоятку распылителя, уже тянул ее на себя, но седой оказался проворнее: он вскинул руки и схватил Двейна, лишив того возможности двигаться.

— Не дури, Двейн! — скрипя зубами, произнес он.

Динамик затрещал и пролаял что-то нечленораздельное. Ни тот, ни другой ничего не услышали. Двейн ринулся вперед, в объятия Стивенса, и скользнул на палубу; седой отчаянно пытался удержать руку Двейна, сжимавшую пистолет. Но Питер уже высвободился, и Стивенс с опозданием выхватил свое оружие.

Слишком поздно: Двейн уже держал его на мушке.

— Может, хоть теперь ты внемлешь голосу разума? — отдуваясь, проговорил он и умолк на полуслове; ствол пистолета дрогнул. Палуба под ними внезапно вздыбилась и ушла куда-то вниз — это включились могучие реактивные двигатели. Вдруг наступила невесомость, и двое мужчин, сцепившись, пушинками отлетели на середину коридора.

— Меняет курс! — выдохнул Стивенс. — Боже милостивый!

Корабль достиг середины своего маршрута. Зазвенели колокола, призывая всех на борту укрыться и пристегнуться к надувным койкам, чтобы не попасть под смертоносный пресс ускорения, когда корабль развернется и пойдет к Каллисто. Но двое драчунов зазевались.

Коротко вспыхнули маленькие рулевые ракеты, Двейна и Стивенса швырнуло в переборку, когда корабль лениво повернулся вокруг своей оси. Боковые сопла вспыхнули еще раз, останавливая вращение после поворота на сто восемьдесят градусов, и противников впечатало в противоположную стену. Они по-прежнему ничего не весили, по-прежнему боролись, вцепившись друг в дружку.

А потом опять ожил главный двигатель, и корабль начал гасить свое ускорение. Палуба в коридоре мигом рванулась вверх, и двое мужчин со страшной силой ударились о нее.

Питер Двейн почувствовал резкую боль и провалился во тьму.

Кто-то разговаривал с ним. Двейн попытался разомкнуть веки и посмотреть, кто это, но не смог. Лицо его покрывало что-то липкое и влажное, мешая видеть. Но голос достигал его слуха.

— Открой рот, — произнес он. — Пожалуйста, открой рот, Питер. С тобой все в порядке, только проглотить вот это.

Голос принадлежал девушке. Вдруг Двейн почувствовал легкое прикосновение ее руки к своему плечу. Он вяло мотнул головой. Голос зазвучал более настойчиво:

— Глотай, — велел он. — Это всего лишь общеукрепляющее. Оно снимет шок от... несчастного случая. Ты в шоке, а так все хорошо.

Он послушно открыл рот и поперхнулся какой-то теплой обжигающей жидкостью. Ему удалось проглотить ее, и он замер, пока ловкие женские руки проделывали что-то с его лицом. Внезапно сквозь прикрытые веки забрезжил свет, влажное лицо обдало прохладным воздухом.

Двейн открыл глаза. Хрупкая рыжеволосая девушка в белом халатике медсестры стояла рядом, Она сделала

шаг назад и посмотрела на Питера, держа в руке комок мокрых бинтов.

— Привет, — шепнул он. — Вы... где я?

— В лазарете, — отвечала она. — Смена курса застигла тебя вне каюты. К счастью, ты не пострадал, Питер. Тому седому, что был с тобой, старику Стивенсу, повезло меньше: он оказался внизу, когда включился двигатель. Три сломанных ребра, пробитое легкое... Час назад он умер в соседней палате.

Двейн плотно зажмурил глаза и поморщился. Когда он снова открыл их, взгляд его стал ясным, настороженным и одновременно растерянным.

— Кто вы, девушка? — спросил он. — Где я?

— Питер! — В ее голосе угадывались нотки изумления и обиды. — Я... разве ты не знаешь меня, Питер?

Двейн смущенно покачал головой.

— Я ничего не знаю, — проговорил он. — Даже собственного имени.

— Ну, ну, Двейн, — раздался зычный мужской голос, — так дело не пойдет. Что ты передо мной комедию ломаешь?

— Двейн? — переспросил он. — Двейн...

Повернув голову, он увидел смуглого приземистого мужчину, который хмуро смотрел на него.

— Кто вы? — спросил Питер. Смуглый захохотал.

— погоди, Двейн, ты еще вспомнишь меня, — неприкрытым тоном ответил он. — Меня зовут Андриас. Я ждал твоего пробуждения: нам надо обсудить кое-какие дела.

Медсестра, по-прежнему в растерянности разглядывавшая Двейна, сказала:

— Я ненадолго оставлю вас. Пожалуйста, покороче, мистер Андриас: он еще не оправился от потрясения.

— Ладно, — пообещал Андриас и улыбнулся. Как только девушка вышла, улыбка исчезла с его лица.

— Топорно работаешь, Двейн, — заметил он. — Я ожидал, что у тебя будут неприятности со Стивенсом, но не предполагал, что ты сочтешь нужным навсегда убрать его с дороги. Ну да это не имеет значения. Убил и убил — мне от этого ни холодно, ни жарко. Давай доверенность на товар: твои деньги у меня с собой.

Двейн взмахнул рукой и неуверенно сел, свесив ноги с высокой койки. На него накинули простыню, но он был одет. Он с любопытством оглядел свое платье: серая

туника, серые кожаные сапоги астронавта. Непривычно одеяние.

Растерявшись пуще прежнего, он потряс головой, и в ней что-то горячо запульсировало. Он закрыл глаза, подождал, пока уляжется боль, одновременно пытаюсь заставить мозг включиться в работу и объяснить ему, кто он такой и где находится.

Он взглянул на человека по имени Андриас.

— Никто, похоже, мне не верит, но я действительно не знаю, что происходит, — сказал он. — Слишком много всего навалилось. Правда, я... черт, я даже не знаю собственного имени! У меня болит голова, я как в тумане.

Андриас выпрямился и вперил в Двейна мрачный подозрительный взгляд.

— Не валяй дурака, — злобно сказал он. — У меня нет времени на чепуху, и я не намерен толочь воду в ступе. Давай доверенность на груз и не вынуждай меня на крайности. Дело куда важнее, чем твоя шкура.

— Пошел к черту, — отрезал Двейн. — Никого я не обманываю.

В глазах Андриаса мелькнуло сомнение, но только на какой-то миг. Он подался к Двейну и уставился на него.

— Мне уже начинает казаться... — заговорил он, потом умолк и покачал головой. — Но нет. Ты лжешь. Ты прикончил Стивенса, чтобы заграбастать его долю, а теперь и меня ограбить хочешь! Что ж, ты упустил свой последний шанс, Двейн. Отныне командовать парадом буду я!

Он повернулся на каблуках, подошел к двери, распахнул ее и заорал:

— Дакин! Рид!

В каюту вошли двое безобразных верзил в мышиносерой форме, украшенной звездами — эмблемой полиции Лиги Каллисто. Они посмотрели на Андриаса, ожидая распоряжений.

— Двейн оказал сопротивление при аресте, — объявил Андриас. — Заберите его. Обвинение предъявить всегда успеем.

— Ты не можешь этого сделать, — устало сказал Двейн. — Я болен. Если имеешь что-то против меня, угомонись и подожди, пока я смогу нормально соображать. Я уверен, что сумею объяснить...

— Объяснить! Дьявол! — Смуглый захохотал. —

Покуда я буду ждать, корабль упорхнет на Ганимед. Взлет через два часа. Хорошо, я могу подождать, но тогда и корабль останется тут. Без моего разрешения он никуда не полетит. Каллисто — моя вотчина, и только я могу распоряжаться здесь!

Кто бы ни был этот Андриас, тут, на Каллисто, он наверняка важная шишка, подумал Двейн. Он действительно распоряжался, и не только на словах.

Команда не протестовала, когда Андриас и его люди, ни слова не говоря, сняли Двейна с корабля. Двейн думал, что за него вступится медсестра, показавшаяся ему славной девушкой, но, когда они уходили, она куда-то исчезла. Одной короткой фразы, сказанной чиновнику в сером, охранявшему сектор космодрома, где стояла ракета, оказалось достаточно: человек кивнул и спешно отправился к капитану сообщить о задержке взлета на неопределенное время.

Плавно подкатила длинная мощная машина. Андриас ссел впереди, а двое в форме зачихнули Двейна на заднее сиденье и устроились рядом. Андриас отдал отрывистое распоряжение, и машина устремилась вперед.

Шофер сунул руку под приборный щиток, и тут же на крыше автомобиля завывла визгливая сирена. Немногочисленные машины, ехавшие по широкому прямому шоссе, подались в сторону, пропуская мчащийся лимузин.

Впереди виднелись высокие шпили города. Грациозные, достигавшие нескольких сотен футов в высоту, они казались Двейну одновременно и сказочными, и странно знакомыми. Где-то он их раньше видел. Он покопался в глубинах памяти, пытаясь пробить окутавшую ее непроницаемую облачную дымку и вызвать к жизни воспоминания, которых просто не могло не быть. Кажется, это называется амнезией — полное забвение всего, что было в жизни. Он слышал об этом, но и представить себе не мог, что такое случится с ним!

Кажется, меня зовут Питер Двейн, думал он. И я, говорят, убил человека.

Эта мысль показалась ему вздорной. Говорят, какой-то седой по имени Стивенс. Двейн попытался вспомнить. Да, был один седой. И был спор. Что-то насчет денег и перевозки грузов, которые Стивенс поставлял Двейну. Был даже разговор об убийстве. Но чтобы это случилось в действительности!.. Двейн беспомощно посмотрел на свои руки.

Андриас повернулся и бросил на Питера колкий взгляд. Потом в его глазах мелькнула нерешительность, он быстро отвернулся и, ничего не сказав, рассеянно уставился прямо перед собой.

— Кто такой этот Андриас? — шепотом спросил Двейн у ближнего к нему охранника. Тот вытаращил глаза.

— Губернатор Андриас — полномочный представитель Лиги на Каллисто. Ты что, не знаешь Лигу Земли и Марса? Они назначили губернатора Андриаса, чтобы он... ну, чтобы он правил тут от имени Лиги.

— Лига? — переспросил Двейн, насупив брови. Да, как-то раз он слышал что-то о какой-то там Лиге. Но все это как-то смутно и неясно...

Второй страж заерзал и склонился к Двейну.

— Заткнись, — тяжело произнес он. — У тебя еще будет возможность поболтать вволю.

Однако возможность представилась не скоро. Час спустя Двейн все еще сидел в забранной решетками комнате, куда его втолкнули. Конвоиры привели его сюда по приказу Андриаса и ушли. Вот и все.

Двейн понял, что это не обычная тюрьма. Она больше походила на дворец — нечто из времен Римской империи на Земле: белый камень, фрески на стенах. Двейну хотелось человеческого общества и в особенности общества гой медсестры: из всех, кого он видел после пробуждения, только она показалась ему теплой и человеческой. От остальных веяло злобой и смертью. Жаль, что он не смог вспомнить ее. Кажется, она обиделась. А ведь она звала его по имени... Может быть, она сумеет понять...

Двейн сел на продавленный диван со свалывшейся набивкой и сжал руками голову. Бледные призраки прошлого шевелились в сознании. Он попытался придать им более четкие очертания или изгнать вовсе.

Когда-то где-то кто-то сказал ему:

«Андриас тайком вооружает головорезов на Каллисто и готовит путч против Лиги. Он жаждет власти и за ценой не постоит. Ему нужны ружья, земные ружья, контрабандой протасенные через таможню Лиги. Если он перебьет полицейский гарнизон, ту его часть, которая сохраняет верность Лиге и еще не переметнулась к Андриасу, то какой бы флот ни отрядили сюда потом Земля и Марс, он только посмеется над нами. В атмосфере ракеты становятся неуклюжими и беспомощными, и, если

Андриасу удастся вооружить изрядную часть местного отребья, его уже не остановить. Вот почему он готов заплатить за электронные ружья столько золота, сколько они весят».

Двейн ясно вспомнил эту сцену, даже почти увидел резкое орлиное лицо человека, говорившего с ним. Но потом память отказала.

В сознании промелькнуло какое-то ускользающее воспоминание. Двейн ухватился за него, вернул, прижал как бабочку булавкой...

Они остановились в Даксайте, космопорту, расположенном с той стороны Луны, которая вечно обращена в противоположную от Земли сторону. Как будто Луне не чуждо чувство стыда, и она хочет упрятать от глаз подальше наспех построенный грохочущий город под куполом, примостившийся в одном из громадных кратеров. Двейн вспомнил, как сидел за столом в низкой прокуренной комнате напротив высокого седовласого человека. Стивенса!

«Четыре тысячи электронных ружей, — сказал тот человек. — Последняя модель с государственных заводов. Как я их достал — не твое дело. Идеальное оружие. Цены мои ты знаешь, так что хочешь — бери, не хочешь — не надо. А деньги можно получить сразу же после посадки на Каллисто».

Несколько минут они спорили об условиях, потом ударили по рукам и хлебнули бледно-желтого жидкого огня из бутылки с узким горлышком.

Затем Двейн и седой вышли из дома и отправились малолюдными закоулками к громадному зданию без окон. Двейн помнил добела раскаленные звезды над головой, их пронзительный свет, лившийся сквозь огромный прозрачный купол, который удерживал воздух в запечатанном городе Даксайте; он помнил, как они стояли перед входом в склад и вполголоса переговаривались с человеком, вышедшим на их зов.

Потом они попали внутрь, в огромную камеру, полную плетеных коробов с сухим молоком и оборудованием для горных работ, если верить трафаретным надписям на них. Двейн еще повернулся к седому и в растерянности спросил, что это значит, а тот громко расхохотался.

Он стащил один из ящиков на пол, сорвал крышку острым концом какого-то крюка, и из короба, стуча о пол, посыпались короткоствольные ружья с матово бле-

стящими жерлами. В одном коробе умещались восемь штук, а коробов тут были сотни. Двейн поднял одно ружье, переломил ствол, заглянул в камеру, в которой при нажатии на курок с неистовой силой взрывалась крошечная капсула с ураном-235, сеявшая радиоактивную смерть на расстоянии в три тысячи ярдов...

И это воспоминание тоже оборвалось. Двейн встал и оглядел свое осунувшееся лицо в зеркале над койкой.

«Говорят, что я убийца, — подумал он. — Наверное, я впридачу и подпольный торговец оружием. Господи, кто же я еще?»

Отражение встретилось с ним взглядом — бледное искаженное лицо, казавшееся еще бледнее в обрамлении огненно-рыжей шевелюры. Он не смог прочесть на этом лице ответа. Эх, если б только вспомнить...

— Ладно, Двейн, — донесся от распахивающейся двери зычный голос охранника, — довольно строить себе глазки.

Двейн оглянулся. Охранник мотнул головой.

— Губернатор Андриас желает говорить с тобой. Немедленно. Не вынуждай губернатора ждать.

Длинная узкая комната с ковровой дорожкой от двери до громадного тяжелого стола — так выглядел кабинет Андриаса. Входя, Двейн почувствовал, что к нему возвращается еще какое-то воспоминание. Один из древних диктаторов Земли прибегал к точно такому же психологическому фокусу, чтобы повергать в трепет тех, кто приходил к нему на поклон. Муслини или что-то в этом роде...

Но фокус не удался: у Двейна были другие заботы. Он прошел тридцать футов по комнате, убрившись, которой должно было преисполнить его сознанием собственного ничтожества, таким же спокойным шагом, каким ходил на своей родной планете, когда дышал свежим воздухом.

Только что это за планета? А впрочем, неважно.

Охранник стал в дверях, и Андриас взмахом руки удалил его.

— Ну, вот и я, — сказал Двейн. — Чего тебе надо?

— Я велел обыскать корабль, — ответил Андриас. — То, что мне нужно, находится на борту. Это обстоятельство на какое-то время продлевает твою жизнь. Однако груз записан на тебя. Я мог бы силой завладеть им, если нужно, но предпочитаю не делать этого. — Он взял со стола какую-то бумагу и передал ее Двейну, — Вел

ты себя плохо, но еще можешь остаться в живых и даже взять деньги за ружья — долю Стивенса и свою собственную. Это доверенность, по которой мои люди могут взять четыреста двадцать ящиков с обезвоженными продуктами и бурильным оборудованием из трюмов «Камерона» — корабля, доставившего тебя сюда. Подпиши ее, и мы забудем наши разногласия. Но только немедленно. Давай покончим с этим, Двейн, а то я уже теряю терпение.

— Нет, — без всякого выражения ответил Двейн.

Желтоватое лицо Андриаса побагровело, челюсти сердито сжались, а голос звучал угрожающе, потому что Андриас не вполне владел им.

— Я тебе шею сверну, Двейн, — тихо проговорил он.

Двейн посмотрел ему в глаза и увидел в них смерть. Он мысленно содрогнулся.

Да и какая разница?

— Давай перо, — бросил он.

Андриас глубоко вздохнул. Видно было, как он расслабляется, как сдерживаемая злоба оставляет его, как вновь становится бесстрастным лицо. Он молча подал Двейну бумагу и перо и смотрел, как тот выводит на листке свое имя.

— Так-то оно лучше, — сказал Андриас и задумчиво помолчал. — Но еще лучше было бы, если б ты не муржилил меня так долго. Я не прощаю этого своим партнерам.

— Деньги, — сказал Питер. Коль уж он начал играть свою роль, притворяясь, будто знает, что делает, надо играть до конца. — Когда я их получу?

Андриас взял бумагу и внимательно изучил подпись. Он с задумчивым видом сложил ее, запихнул в карман и ответил:

— Условия, разумеется, должны быть пересмотрены. Я предлагал сто десять тысяч земных долларов и заплатил бы, но ты рассердил меня. Придется теперь тебе платить за это.

— Я уже заплатил, — сказал Двейн. — Довольно я из-за тебя натерпелся. Выдай мне все, что задолжал, если хочешь и дальше получать товар.

Это был выстрел наугад, и он не достиг цели.

Андриас вытаращил глаза.

— Ты меня удивляешь, Двейн, — сказал он, потом поднялся, обошел стол и остановился напротив Питера. — Я уже начинаю думать, что ты и взаправду ли-

шился памяти. Иначе ты, разумеется, знал бы, что больше мне ружей не надо. С теми, которые у меня есть, и просто возьму все, что пожелаю!

— Значит, ты готов... — начал было Двейн. Он умолк, пытаясь осознать услышанное, но тут не требовалось никаких раздумий. Его руки, сцепленные за спиной, уже напряглись и сжались в кулаки, уже напряжились мышцы ног. — Ты готов, — повторил он. — Ты вооружил здешних ссыльных, самые грязные отбросы девяти планет. Ты хочешь предать Лигу, наделившую тебя властью на Каллисто... Что ж, это все меняет. Такого я не допущу!

Он бросился на Андриаса, пытаясь ухватить того за горло. Смуглый пошатнулся и, спотыкаясь, отступил назад, но его руки уже тянулись к двум висевшим на поясе тепловым пистолетам.

Двейн заметил опасность и среагировал мгновенно: его ступня охватила голень Андриаса, пальцы еще крепче впились в горло, и он ринулся вперед, ударив Андриаса головой в лицо. Он почувствовал, как подаются плоть и хрящи, как ломается нос противника. Голова закружилась: удар оживил мучительную боль.

Андриас упал, и Двейн рухнул на него. Смуглый уже потерял сознание, его голова с громким леденящим кровью шлепком ударилась о покрытый ковром пол.

Двейн завладел тепловыми пистолетами, поднялся и уставился на поверженного.

«Говорят, что точно так же я убил Стивенса, — подумал он. — Похоже, вхожу во вкус».

Но Андриас не умер, хоть и лишился чувств. Он лежал, холодный как пустота за орбитой Плутона, но живой: Толстый ковер спас его череп.

Двейн перешагнул через бесчувственное тело и оглядел комнату. Она была обставлена строго, почти скудно. Два стула перед пустым, витиевато украшенным столом Андриаса и роскошное кресло за ним. Рядом — шнур звонка с кисточкой на конце. Ковровая дорожка. Вот и все убранство.

Питер понял, что так просто отсюда не выбраться.

Двейн методично обшарил ящики стола. Бумаги, целый арсенал пистолетов, кипа денег в валюте Каллисто, зловецко-черные записные книжки, страницы которых испещрены загадочными цифрами. Холодный безликий

стол без милых сердцу безделушек, какие обычно собирают люди. И, разумеется, тут не было ничего, что помогло бы Питеру выбраться из этого очень похожего на крепость здания.

Он побросал вещи обратно в ящики, перевернул Андриаса и обыскал его карманы. Опять деньги — должно быть, этот человек все время имел под рукой целое состояние — и несколько пустячных бумаг. Двейн взял подписанную им доверенность и разорвал на клочки. Впрочем, это был всего лишь красивый жест: когда Андриас придет в себя (если Двейн не выберется отсюда и не попробует что-то предпринять), отсутствие письменного разрешения на смертоносный груз корабля уже не остановит его.

Когда Андриас придет в себя...

В сознании забрезжила какая-то мысль. Двейн взглянул на лежавшего без чувств Андриаса, и она тут же потухла. Он решил было погнать смуглого перед собой, держа на мушке, как обычно делают беглые заключенные. Но потасовки, вопреки тому, что пишут в книгах, оставляют следы на лицах проигравших.

На шее Андриаса виднелись сине-багровые отметины от пальцев Двейна, из ноздрей текли две темно-алые струйки, а тонкий нос после удара торчал куда-то вбок.

Один взгляд на это лицо — и любой охранник сразу поймет, что случилось. Двейн выпрямился и огляделся. Действовать надо быстро: он уже слышал дыхание Андриаса, видел, как его лицо искажается гримасами, а рука судорожно хлопает по полу. Сознание возвращалось.

Двейн взялся за тепловой пистолет, который сунул за пояс, вытащил его и заколебался, пытаясь собраться с мыслями. Говорят, что он уже убил человека. Он — убийца. Значит ли это, что он может хладнокровно пристрелить Андриаса? Ведь терять ему нечего, а выиграть можно очень много.

После секундного колебания он быстро взял пистолет за ствол и ударил Андриаса рукояткой по голове. Тот захрипел, но не подал больше никаких признаков жизни и перестал шевелиться.

«Нет, — подумал Двейн, — пусть говорят что угодно, но я не убийца».

Однако надо выбираться отсюда. Как же? Охранник, наверное, уже теряет терпение. Каждую минуту он может постучать в дверь, сначала робко, потом громче и громче.

Охранник! Вот же выход!

Двейн оглядел комнату. Тридцать футов. Если бежать во весь дух, можно преодолеть их за пару секунд. Хватит ли их? Это можно было выяснить только одним способом.

Двейн обошел стол, глубоко вздохнул и резко дернул за шнур звонка. И тут же рванулся к двери. Толстый упругий ковер приглушал его шаги. Почти добравшись до двери, Двейн увидел, как она приоткрывается. Он проворно шагнул в сторону и оказался за дверью, когда охранник заглянул в комнату.

Его глаза подозрительно сверкнули, потом он увидел скорчившегося на полу Андриаса и все понял. Охранник открыл рот, чтобы закричать, но Двейн уже обхватил его за шею, перекрывая воздух, и одновременно ногой захлопнул дверь. Его левая рука, сжатая в кулак, врезалась в подбородок охранника, и тот как подкошенный рухнул на пол. Двейн грубо протащил его через всю комнату, вспрыгнул на стол, жестоко исцарапав острыми шипами подошв его блестящую поверхность, и ловко отвязал длинный шнур звонка, потом снова соскочил на пол.

С трудом усадив Андриаса в кресло, Питер связал его шнуром и заткнул ему рот кляпом из бесценного шарфа венерианской шерсти, который Андриас таскал на шее. Попробовав шнур на прочность, Двейн улыбнулся. Выдержит.

Он раздел охранника, связал ремнем, а в качестве кляпа использовал носовой платок. Потом заткнул тело за стол, с глаз подальше. Кресло Андриаса он развернул таким образом, чтобы лицо смуглого было обращено в сторону от двери. Если кто-то заглянет, то может и не заметить, что Андриас без сознания.

Раздевшись, Питер быстро натянул серую форму охранника. Она трещала и рвалась в десятке мест. Может быть, длинная накидка с капюшоном, которую носил охранник, поможет это скрыть? Во всяком случае, больше ничего под рукой нет.

Стараясь по возможности сохранять военную выправку, Двейн прошел по длинному ковру к двери, открыл ее и шагнул в приемную.

Ему не могло везти вечно. Было почти чудом, что он добрался туда, куда добрался. Двейн миновал двух охранников в приемной, которые молча оглядели его пус-

тыми глазами, прошел через огромный вестибюль и вышел в парадную дверь.

Шагать по городу было, конечно, проще. Тут многие носили такую же униформу. Двейн подумал, что власть Андриаса даже над полицией Лиги, командиром которой он считался, не могла быть слишком прочной. Не все же полицейские продались: их просто слишком много. Да и будь они все на стороне Андриаса, ему не было бы нужды контрабандой тащить сюда винтовки и вооружать гражданских бунтовщиков.

Двейн отпустил проклятие в адрес ранних земных правительств. Им не хватило дальновидности. Из Каллисто сделали планету-тюрьму и населили самыми мерзкими подонками с Земли. А потом поняли, что создали куда более трудную проблему, чем та, которую пытались решить. Проблему, похожую на неистребимую гидру.

Преступные наклонности не передаются по наследству. Дети этапированных сюда каторжников в большинстве своем вырастали честными людьми, ищущими уважения ближних. Но не получавшими его.

Да и на Земле уровень преступности не очень понизился после того, как гангстеров и убийц начали высылать на Каллисто. И наконец, с большим опозданием, в дело вмешалась Лига, посадившая на Каллисто своего губернатора.

Будь губернатор честным человеком, можно было бы решить вопрос ко всеобщему удовлетворению. И первый губернатор действительно был честен. Неподкупная, всегда готовая к бою полиция Лиги уничтожила многие зияющие язвы планеты. Начались и развернулись работы по общественному устройству, дала ростки система народного самоуправления.

Но первый губернатор умер, а вторым стал Андриас.

«И вот результат», — с горечью подумал Двейн, въезжая на взятой напрокат машине на летное поле. На лицах половины обитателей Каллисто, встреченных им, читалось мрачное предчувствие. А лица остальных выражали готовность к черной измене. Кое-кто из предателей принадлежал к числу ссыльных преступников: последний корабль с каторжниками сел тут всего десять лет назад. Все, кого хотел вооружить Андриас, были либо из первых партий этапированных, либо из числа их самых слабовольных потомков,

Что же удерживало Андриаса и почему ему понадобилось контрабандой протаскивать сюда ружья?

Ответ на этот вопрос внушал надежду, но не позволял сделать окончательных выводов. Ясно, что у Андриаса не было неограниченной власти над полицией Лиги. Но как далеко простиралось его влияние? Кого из офицеров он сумел склонить к измене? Об этом Двейн не имел ни малейшего представления.

Он плавно въехал на стоянку, выключил зажигание и бросил машину. Была ночь, но на Каллисто она длилась недолго, и уже светало. Там, где через несколько минут взойдет солнце, над горизонтом уже появилось жемчужное свечение, а с другой стороны еще виднелся кровавый диск могучего Юпитера, заливавший пейзаж багровым заревом. Еще минута, и он исчезнет. Летное поле почти не освещалось: корабли на Каллисто прибывали нечасто.

Почти невидимый в неверном свете, Двейн смело вышел на выжженный реактивными соплами гудрон и отправился к «Камерону» — кораблю, который привез его сюда. На той же опаленной площадке стояли еще две ракеты, но они были меньше. Маленькие скоростные военные корабли заглянули на Каллисто, чтобы дозаправиться и вернуться к своим обязанностям по непрерывному патрулированию межзвездных линий системы, которое осуществляла Лига.

Он добрался до главного шлюза корабля. Офицер в серой форме Лиги стоял на страже.

— Официальное поручение, — бросил Двейн и прошмыгнул мимо растерянного часового, не дожидаясь, пока тот вступит в препирательства. Он торопливо зашагал по коридору к рубке управления. Корабельный эконом с любопытством оглядел проходящего Двейна, и тот отвернулся. Если его узнают, могут начаться расспросы.

В тысячный раз проклял он серое облако, окутавшее его память. Он даже не знал, кто из экипажа может опознать его и поднять тревогу.

Питер оказался у двери с надписью: «Только для экипажа. Не входить». Постучав, он взялся за ручку и распахнул дверь. Приземистый человек с открытым лицом, одетый в синюю форму, на погонах которой красовались бронзовые орлы Торговой Службы, посмотрел на Двейна и узнал его: глаза сверкнули.

— Двейн, — прошептал он. — Питер Двейн! Почему на тебе форма личной охраны Андриаса?

Двейн подождал, пока уляжется ком в горле. Это был друг.

— Капитан, — сказал он, — вы, похоже, мой друг. Если это так, мне нужна помощь... Я... я потерял память...

— Потерял память? — эхом отозвался капитан. — Ты о том ударе по голове? Корабельный врач что-то говорил... да, да, именно так. Я, правда, с трудом поверил этому.

— Но мы с вами были друзьями?

— Конечно, Питер.

— Тогда помогите мне, — сказал Двейн. — У вас в трюмах лежит принадлежащий мне груз. Вы знаете, что там такое?

— Ну разумеется. Ты о ружьях?

Двейн заморгал, кивнул и стал неуверенно озираться в поисках стула. Значит, капитан и правда его друг, коллега-контрабандист, торговец оружием!

— Господи боже, — сказал он вслух. — Что за чертовщина!

— Да в чем дело? — спросил капитан. — Я видел тебя в коридоре, ты спорил со Стивенсом. У тебя был такой вид, словно ты готов поднять бучу, и мне следовало тогда подойти к тебе, но мы меняли курс, и я был обязан находиться в рубке... А потом мне сказали, что Стивенс мертв и, возможно, убил его ты. Затем мне доложили, что ты потерял память и попал в переplet по милости Андриаса.

Он умолк, и взгляд его стал подозрительно-задумчивым, почти враждебным.

— Питер Двейн, — тихо сказал он, — сдается мне, что ты потерял не только память. На чьей ты стороне? Что вы не поделили с Андриасом? Если ты предал меня, парень, лучше сразу скажи. Ради былой дружбы я не стану принимать слишком крутых мер. Но уж очень высоки ставки...

— А, черт! — воскликнул вдруг Двейн, выхватив тепловой пистолет, направил его на коротышку в синем кителе. — Я хотел бы иметь тебя в союзниках, но как узнать, за кого ты? Наверное, кроме самого себя, я не могу доверять никому. Руки вверх!

И в этот миг удача изменила ему.

— Питер... — начал было капитан, но донесшийся снаружи шум заставил его замолчать. Оба уставились на видеозэкраны. Вдалеке завывала сирена мчащейся машины. Автомобиль сшиб ворота, разметав легкую деревянную перегородку, бешено развернулся на двух колесах и с ревом понесся к кораблю.

В машине сидел Андриас. Двейн повернулся к капитану, твердой рукой наставив на него пистолет.

— Закрывай порты! — прорычал он. — Запускай двигатели, да быстрее!

— Слушай, Питер...

— Я сказал: быстрее!

На улице заскрипели тормоза, и машина исчезла с экранов. Послышались отрывистые голоса.

— Закрывай порты! — свирепо заорал Двейн. — Живо!

Капитан хотел было что-то сказать, потом сжал губы, коснулся кнопки внутренней связи и проговорил:

— Задраить люки, мигом! Машинный отсек, запустить двигатель. Десять секунд! Всем по местам стоять. Взлет.

Резко завывала стартовая сирена корабля, и в этом вое потонули все звуки. Двейн почувствовал, как визжат электромоторы, закрывающие тяжелые лючины. Он скользнул в пилотское кресло и пристегнулся надувными ремнями.

Приборы... он узнавал их все до единого, он знал, как ими пользоваться! Может быть, до потери памяти он был пилотом ракеты? До потери памяти и до того, как переключился на более соблазнительное поприще контрабандиста оружия? Двейн задумался.

Однако поднять корабль мог только капитан.

— Десять секунд, — сказал ему Двейн. — Поехали.

Капитан колебался какое-то мгновение. Он смотрел на тепловой пистолет и знал, что Двейн способен пустить его в ход.

— Люди... — сказал он. — Если они окажутся внизу, когда заработают сопла, они сгорят!

— Придется рискнуть, — ответил Двейн. — Сирену они слышали.

Капитан быстро повернул голову, и его пальцы стремительно задвигались. Он уже сидел в своем кресле, пристегнутый тяжелой парусиновой сетью. Руки его потянулись к рычагам, и пальцы, казалось, зажили какой-то своей жизнью. Они проворно пробегали по кла-

вишам, прокладывая взлетный курс. Потом его ладонь легла на ключ зажигания...

Ускорение оказалось больше, чем ожидал Двейн, но он выдержал. Ракета пронеслась сквозь разреженную атмосферу Каллисто, и тихий стон рассекаемого воздуха слился с ревом сопел. Потом он резко оборвался, а звук двигателей стал таким же тихим, как потрескивание каркаса «Камерона». Они были в космосе.

Капитан ударил ногой по педали, отключавшей форсаж, и уменьшил ускорение.

— Что дальше? — спросил он, поворачиваясь к Двейну.

Тот молча покачал головой, освобождаясь от стеснявших его ремней. «Что дальше? Тоже мне вопросец!»

Капитан с легкостью опытного астронавта уже выбрался из пут. Он стоял возле своего кресла, пристально разглядывая Двейна. Но тот, хоть и был занят, по-прежнему сжимал в руке пистолет. Двейн прислушался, снимая последний ремень. Что это: отдаленные, но приближающиеся голоса в коридоре? Или ему послышалось?

Капитан, с любопытством смотревший в иллюминатор, прервал его раздумья.

— А как ты поступишь, к примеру, вот с ними? — спросил он, указывая рукой вниз.

Двейн увидел две патрульные ракеты, гнавшиеся за захваченным им кораблем. Призрачные пастельные тени с тонкими, будто пунктирными дулами для стрельбы трассирующими зарядами, они казались Двейну мрачными и зловещими.

Он вполголоса выругался: большой неуклюжий «Камерон» был бессилен против них, как утка против юрких хищных ястребов. Знать бы, на чьей они стороне. Знать бы хоть что-нибудь!

Он не мог позволить себе рисковать.

— Назад! — велел он капитану.

Человек в синем отступил, с любопытством следя за приближающимся Двейном, который быстро оглядел пульт управления, стараясь запомнить, как им пользоваться.

Все это мучительно ускользало от него, хотя и было совсем близко! Он снова выругался, потом наугад ударил по дюжине клавиш, придавил пяткой педаль, резко убрал с нее ногу; корабль неистово накренился, и Двейн

пальнул по чувствительным рычагам, испепелив их из своего теплового пистолета. Теперь корабль был парализован хотя бы на время. И крейсера ничего не смогут с ним сделать, пока не починят систему управления: стыковка невозможна. «Камерон» со всем своим грузом политического динамита будет теперь часами, если не сутками, кружить в пространстве. Невесть что, но больше ничего сделать он не мог. По крайней мере, он выиграл время на обдумывание положения.

Но нет: он снова услышал голоса в коридоре, и один из этих голосов, хриплый и громкий, принадлежал Андриасу. Значит, он как-то успел проникнуть на борт «Камерона» до задрайки люков!

Двейн выпрямился, повернулся к двери, рядом с которой стоял капитан, и взмахнул пистолетом.

— Запри дверь! — приказал он.

Капитан поспешно протянул руку к замку и тут же отдернул ее, схватившись за разбитые пальцы: Андриас и еще три человека ворвались в рубку, едва не сметая дверь. Однако при виде мрачного лица Двейна и пистолета, они неуверенно остановились.

— Стоп! — велел он. — Вот так... Подождите, пока я все обдумаю. Первый, кто шевельнется, умрет.

Лицо Андриаса побагровело, но он молчал и только стоял, дыша ненавистью. Алые пятна он стер, но все по-прежнему смотрел вбок, а на щеке начинал набухать лиловый синяк. Сопровождавшие Андриаса охранники были вооружены такими же смертоносными пистолетами, как и Двейн, а у самого Андриаса был пулевой револьвер устаревшей модели — древнее оружие, выхваченное у какого-то растерявшегося стражника на борту «Камерона».

Опершись рукой о кресло пилота, Двейн уставился на них. Корабль ходил по окружности малого радиуса — такой курс сообщили ему разбитые приборы управления. Казалось, он гоняется за собственным хвостом. Двейн заметил, как промелькнули две патрульные ракеты, потом увидел хлещущее из их боковых сопел пламя: ракеты тормозили и разворачивались, пытаясь пристроиться к обезумевшему «Камерону», летящему в облаке своих отработанных газов, от которого яркие звезды вокруг стали тускло-фиолетовыми.

Двейн отвернулся лишь на секунду.

— Спокойно! — прошипел он, увидев, что Андриас

начал было поднимать руку. Губернатор вновь опустил ее, и физиономия его стала еще сумрачнее.

Тук-тук-тук — послышалась в коридоре дробь торопливых женских каблучков; затем раздался тяжелый глухой топот сапог астронавтов. Двейн сделал Андриасу и его полицейским знак пистолетом.

— Прочь с дороги! — скомандовал он. — Посмотрим, что там на этот раз.

На этот раз пришла девушка. Рыжие волосы развевались на бегу, лицо раскраснелось от волнения. Она буквально ворвалась в рубку.

— Питер! — закричала она. — Андриас и его...

Но тут она все увидела и умолкла. Двейн смотрел на нее. Он хотел что-то сказать, потом заметил выражение ее глаз, которые внезапно вспыхнули. Губы девушки приоткрылись, она издала тихий крик и бросилась на Андриаса.

Питер чертыхнулся и попытался развернуться вместе с пистолетом, но тут рубка наполнилась громом, в котором потонул грохот двигателей, и в голове Двейна сверкнула голубоватая вспышка. Откуда ни возьмись навалилась тьма. Он упал, успев заметить, как в рубку хлынули люди и как заблестели тепловые лучи.

«Ну вот», — подумал он с горечью, и это была его последняя мысль.

Двейн снова лежал на той же койке в лазарете. Голова болела и кружилась. Он заставил себя открыть глаза и увидел девушку, которая смотрела на него. Лицо ее прояснилось, когда она заметила, что его ресницы вздрогнули и разомкнулись. Но потом ее лик вновь омрачился, а губы задрожали.

— Черт тебя возьми, Питер, — прошептала она. — Кто ты на этот раз?

— Питер Двейн, кто ж еще? — ответил он.

— Слава богу, что ты это знаешь! — послышался голос капитана. Он здорово изменился с тех пор, как они виделись в последний раз: одна рука висела на перевязи, сквозь которую проступали желтые пятна мази от ожогов.

Питер потряс головой, пытаясь прийти в себя.

— Где я? — спросил он. — Андриас...

— Андриас там, откуда уже не сможет до тебя добраться, — отвечал капитан. — Он заперт внизу с двумя

своими парнями. Третий мертв. Как твоя память, Питер?

— Похоже, ничего, — сказал он, хотя по-прежнему чувствовал себя как пришибленный. — Но где я? Панель управления... Я сжег ее.

Капитан засмеялся.

— Знаю, — коротко ответил он. — Думается, в каком-то смысле ты был вынужден это сделать. Ты никому не верил, не мог верить. И ты должен был сделать все, чтобы ружья не очень скоро попали обратно на Каллисто. Мы уже отключили двигатели и летим по орбите.

Двейн обмяк.

— Послушайте, — сказал он, — кажется, у меня проясняется в голове. Но как... то есть... вы были на моей стороне? Все время?

Капитан невозмутимо кивнул.

— Да, Питер. То есть на стороне Лиги. Когда стало известно о замыслах Андриаса, пришлось срочно принимать меры. Мы не могли вторгнуться на Каллисто: это чревато кровопролитием и к тому же заставило бы Андриаса действовать. А уж тогда пиши пропало. Каллисто уже сейчас представляет собой политическую пороховую бочку, которая могла бы взорваться.

Глаза Питера загорелись внезапной надеждой.

— А вы и я... — начал он.

— А ты, я и еще пара ребят, о которых никто не знает, получили задание уладить дело. Нам надо было узнать, кто поддерживает Андриаса, и не дать ему получить электронные ружья, пока идет проверка командиров гарнизона Каллисто. Выяснили, кто стоял за Андриасом на Земле. Это группа недовольных режимом толстосумов. Они хотели эксплуатировать Каллисто в своих интересах и заключили с ним тайные сделки на концессии. Ты, разумеется, затягивал доставку ружей, сколько мог. Они лишнюю неделю пролежали в складах на Луне, пока ты спорил об условиях. Как раз этим вы со Стивенсом, наверное, и занимались в тот момент, когда мы меняли курс.

— Ну, довольно с вас, — вмешалась медсестра. — Я тоже хочу сказать ему несколько слов.

— Нет, погодите, — заспорил Двейн, но капитан, широко улыбаясь, уже двинулся к двери.

— Потом, — бросил он через плечо. — Времени у нас вдоволь.

Дверь за ним закрылась, и Двейн повернулся к де-

вушке. Он опять потряс головой. Дымка в сознании рассеивалась. Он уже почти все помнил: события обретали четкость очертаний. Эта девушка, к примеру...

Она заметила его движение.

— Как голова, Питер? — сочувствующе спросила девушка. — Андриас попал в тебя из своего ужасного пистолета с пулями. Я пыталась остановить его, но успела только сбить прицел. Ой, Питер, как же я испугалась, когда увидела, что ты падаешь!

— Возможно, вы спасли мне жизнь, — серьезно сказал Двейн. — Андриас всегда удивлял меня искусной стрельбой.

Он попытался улыбнуться. Девушка нахмурилась.

— Питер, — сказала она, — мне жаль, если в прошлый раз я показалась тебе злючкой. Просто я... ты не помнил меня. Этого я не могла понять.

Питер уставился на нее. Да, он должен был ее помнить. И помнил, вот только...

— Вероятно, это тебе поможет, — проговорила девушка и, пошарив в кармане халатика, достала что-то маленькое и блестящее. — Я не ношу его на работе, Питер, но сегодня, наверное, исключительный случай...

Питер приподнялся на локте, пытаясь разглядеть, что она делает. Девушка надевала эту маленькую штуковину на палец...

Кольцо. Обручальное кольцо!

— О! — вскричал Питер. И вдруг как будто что-то шелкнуло. Он вспомнил все. Наверное, второй удар по голове исправил то, что разрушил первый.

Он перекинул ноги через край койки, вскочил и жадно протянул к девушке руки.

— Еще бы не помнить! — воскликнул он, когда она упала в его объятия. — Еще бы не помнить это колечко у тебя на пальце! Ведь я сам его надел...

Содержание

Клиффорд Саймак. Принцип оборотня	5
Артур Кларк. Встреча на заре истории	138
Артур Кларк. Немезида	150
Роальд Дал. Мечь злейшим врагам .	166
Эдмонд Гамильтон. Эволюция доктора Полларда	186
Курт Сиодмак. Вариация темы . .	200
Ричард Матесон. Какое бесстыдство!	218
Фредерик Пол. Заговор губернатора .	231

ЗАГОВОР ГУБЕРНАТОРА
Сборник зарубежной фалтастики

Зав. редакцией В. Ф. Горянникова
Младший редактор Д. А. Власова
Художник Л. Е. Безрученков
Художественный редактор А. П. Ерасов
Технический редактор Т. А. Браславская
Корректор И. М. Козлова

ИБ № 3117

Сдано в набор 21.12.60. Подп. в печать 21.03.61.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,16.
Усл. кр.-отг. 13,86. Уч.-изд. л. 14,08. Тираж 200 000 экз.
Заказ 906. Цена 6 р.

Ордена Трудового Красного Знамени ИПО ВКП СССР
Профиздат, 101000, Москва, ул. Кирова, 13.

Типография ИПО ВКП СССР Профиздат, 109014, Москва,
Крутицкий вал, 18.

НОВЫЕ КНИГИ ПРОФИЗДАТА

Болтromeюк В. В.

Шесток для сверчка: Роман. 1991.

Герои нового произведения писателя — строители магистральных газопроводов, творцы кровеносной системы экономики, люди, поставленные обстоятельствами на самое острое противоречивых проблем, предельно обнаженных ходом сегодняшней жизни, стремительно и непредсказуемо меняющейся на наших глазах. Время необратимой и неотвратимой революционной ломки сознания и бытия обостряет старые и рождает новые противоречия, сталкивает мировоззрения, порой трагически сплетает судьбы, заставляет пересматривать шкалу ценностей, определяющих лицо человека и мира, который он сам создает. Экстремальная жизнь создана нашими собственными усилиями, обусловленными временем, в котором мы живем, — в этом внутренний мир романа «Шесток для сверчка».

Астафьев В. П.

Зрячий посох. Печальный детектив:

Повесть и роман. 1991.

В книгу вошли художественно-публицистическая повесть — исповедь «Зрячий посох», посвященная мужанию и становлению писателя как человека и творца.

Истинный художник живет по высоким нравственным и гражданским законам, он ответствен за судьбу человека и своим творчеством обязан растревожить его душу, утверждает Виктор Астафьев в своем произведении.

Роман «Печальный детектив» является подтверждением такой авторской позиции.

За внешней остротой сюжета ощущается тревога автора за судьбу человека, глубокое проникновение в его внутренний мир.

Произведения объединяют психологическая углубленность, интерес к общечеловеческим, вечным проблемам добра и зла, постижению правды как естественной необходимости.

АНТОЛОГИЯ
МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПРОФИЗДАТ